

/ УЧЕБНЫЕ
ПОСОБИЯ

Г. В. ЖИРКОВ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИИ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
1900–1914 ГОДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Золотой век
журналистики
России

История русской
журналистики
1900–1914 годов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ
ЖУРНАЛИСТИКИ

КАФЕДРА ИСТОРИИ
ЖУРНАЛИСТИКИ

Г. В. Жирков

Золотой век
журналистики России
История русской журналистики
1900–1914 годов

Учебное пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

ББК 76.02-923

Ж73

Рецензенты: д-р филол. наук Ю. А. Мишанин
(Мордовский гос. ун-т),
канд. филол. наук С. Н. Ущиповский
(С.-Петербург. гос. ун-т)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
и Учебно-методической комиссии факультета журналистики
С.-Петербургского государственного университета

Жирков Г. В. Золотой век журналистики России : история русской журналистики 1900–1914 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. — СПб., 2011. — 291 с.

Учебное пособие посвящено периоду расцвета русской журналистики 1900–1914 гг. В нем рассказывается не только о системе журналистики тех лет, издателях, редакторах и сотрудниках газет и журналов, но и о процессах, которые оказали существенное влияние на особенности развития журналистики начала XX в., на ее типологию и проблемно-тематический комплекс, связи с аудиторией. Впервые представлена публицистическая деятельность Л. Н. Толстого, Иоанна Кронштадтского, М. О. Меньшикова и др.

Пособие рассчитано на студентов, преподавателей и всех интересующихся историей России.

ББК 76.02-923

© Г. В. Жирков, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава I. Россия на рубеже столетий: характер эпохи и ее процессов ...	11
Глава II. Власть и журналистика	30
§ 1. Правовое положение печати накануне революции 1905 года и попытки власти модернизировать его	—
§ 2. Период явочной свободы печати	41
§ 3. Борьба правительства за восстановление законности в сфере печати	47
§ 4. Дискуссии о правовом положении печати в условиях обновленного строя	55
Глава III. Система журналистики	63
§ 1. Факторы развития печати	—
§ 2. Сеть официальной печати	66
§ 3. Частная печать России	96
§ 4. Массовая печать начала XX в.	110
§ 5. «Русское слово»	118
Глава IV. Процесс капитализации журналистики	134
§ 1. Материальная база журналистики	—
§ 2. Реклама — двигатель информационного бизнеса	138
§ 3. Конкурентная борьба на информационном рынке	143
§ 4. Эволюция проблемно-тематического комплекса печати	149
§ 5. Газета «Россия»	153
§ 6. Деловая пресса	162

Глава V. Процесс политизации журналистики	170
§ 1. Создание в России партийной печати	—
§ 2. Журналистика политической эмиграции	173
§ 3. «Свободное слово» (1897–1908)	177
§ 4. «Русские ведомости»	183
§ 5. Партийная журналистика России	191
§ 6. Парламентская журналистика	207
§ 7. Политические письма Л. Н. Толстого	213
Глава VI. Духовное слово России	226
§ 1. Духовная коммуникация и ее особенности	—
§ 2. Журналистика Русской Православной Церкви	232
§ 3. Определение Святейшего Синода о Л. Н. Толстом	236
§ 4. Журналистика и духовный поиск интеллигенции России	243
§ 5. Отец Иоанн Кронштадтский — духовный публицист	257
§ 6. Религиозно-общественная журналистика	264
Заключение	281
Контрольные вопросы	284
Рекомендуемая литература	286

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие посвящено итоговому историческому периоду развития русской журналистики. После трагических 1914–1920 гг. фактически произошла смена ее парадигмы. Журналистика советского периода существенно отличается от дореволюционной печати. Предпринятые ранее исследования периодики начала XX в., с одной стороны, несут на себе отпечаток утвердившегося в советское время одностороннего политизированного подхода к истории, с другой стороны, рассматривают печать в русле литературного процесса с опорой на так называемые прогрессивные издания, что приводит к определенному искажению реальной картины.

На протяжении долгого времени журналистика России начала XX в. в научных исследованиях сводилась к истории большевистской печати. В конце 1980-х годов начинается освоение основной журналистики этого периода. Этим занимался научный коллектив кафедры истории русской литературы и журналистики Московского университета. Усилиями ее заведующего проф. Б. И. Есина, доцентов С. Я. Махониной, С. И. Стыкалина и др. была проделана большая поисковая, творческая работа. В свет вышли сборники статей, учебные пособия, труды кафедры.

Б. И. Есин нацелил исследования кафедры на существенный поворот, соответствующий эволюции русской журналистики ру-

бежа XIX–XX вв., углубившись в историю русской дореволюционной газеты. В начале XX столетия газета стала доминировать по ее значимости в жизни общества. С. Я. Махонина в ряде учебных пособий представила общую картину журналистики тех лет. Однако при этом ее исследованиям был присущ традиционный подход, который был свойствен ученым при анализе журналистики XIX в. как составной части литературного процесса. Даже в более позднем по времени выхода пособии «История русской журналистики начала XX века» (М., 2002) Махонина, сделав шаг вперед по сравнению с ее ранее вышедшими книгами в раскрытии сущности журналистики тех лет, отдает дань преимущественному показу литературного процесса. Пособие не дает представления о тех сложных процессах, которые тогда протекали в печати, и соответственно не раскрывает достаточно полно и точно картину состояния журналистики тех лет.

Выход в свет таких интересных книг, как монографии А. Н. Боханова «Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г.» (М., 1984) и Э. В. Летенкова «„Литературная промышленность“ России конца XIX — начала XX века» (Л., 1988), мало сказался на проводимых исследованиях. Между тем ими было положено начало более основательному изучению процесса капитализации журналистики. Боханов в своей книге на большом архивном материале исследовал этот процесс, правда в соответствии с научными реалиями 1980-х годов — с упором на буржуазность. Но до сих пор его монография — единственная работа, представляющая большой научный интерес по этой теме, наиболее полно раскрывающая суть процесса капитализации журналистики. Летенков, обратившись к этому же процессу, изучил материально-техническую базу печати тех лет, показал, как капитализация влияет на творчество журналистов.

Новое слово по истории печати этого времени было сказано монографиями С. В. Смирнова «Легальная печать в годы первой русской революции» (Л., 1981), А. В. Шевцова «Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века» (СПб., 1997); ростовским историком Е. В. Ахмадулиным, две небольшие книги которого посвящены становлению партийной

журналистики России: «Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов», «Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов» (Ростов-н/Д, 2001). Учебное пособие Ахмадулина «Истории русской журналистики начала XX века» (Ростов-н/Д, 2008) наследует увлеченность автора партийными изданиями. Названные труды историков журналистики являются важным вкладом в анализ политического процесса того исторического периода. При этом следует отметить, что в системе печати страны 1900–1914 гг. партийная журналистика не занимала значительного места и еще не была влиятельной частью русской журналистики тех лет.

В целом проделанная ранее историками работа позволяет сделать вывод о том, что именно в начале XX в. начинается смена парадигмы русской журналистики, что связано не столько с изменением роли газет, сколько с теми процессами, которые тогда модернизировали человеческое сообщество и определяли развитие массовых коммуникаций и журналистики. Именно в то время закладывались основы журналистики как самостоятельного, оригинального явления культуры, чему способствовали происходившие на том этапе мировые процессы урбанизации цивилизации и массовизации ее общественной, социальной жизни (выход к активной жизни масс — толпы), технизация информационного процесса. Существенное значение в обособлении журналистики России от литературного процесса, в ее самоопределении имели капитализация экономики страны, появление более свободного информационного рынка и политизация общества.

Опора на информационный рынок и потребности массового читателя обеспечивали ранее жизненность так называемого торгового направления литературы, становление которого в XIX в. в конечном итоге способствовало прощанию журналистики с литературным процессом. По-настоящему это реализуется в начале XX в., так как в России власть долго сдерживала политическое развитие общества, становление информационного рынка. Лишь Первая русская революция в значительной степени освободила его от опеки государства, что способствовало демократизации информационного процесса, расширению информационно-

го диапазона журналистики, развитию ее типологического многообразия, жанровой палитры; издательской предприимчивости, журналистской творческой инициативы. Результатом всего этого и стал расцвет русской журналистики в 1908–1914 гг.

В предлагаемой книге история журналистики начала XX в. и рассматривается в контексте тех исторических процессов, которые наполнили ее историю драмами и привели ее к расцвету, сделали ее базой Серебряного века русской культуры, а само это время для ее развития на дореволюционном этапе итоговым.

ГЛАВА I

Россия на рубеже столетий: характер эпохи и ее процессов

Начало XX в. для России знаменательно мощным экономическим развитием, становлением капитализма, рыночных отношений, коммуникаций, журналистики. Выпуск продукции предприятий с 1890-х годов к 1913 г. вырос в 4 раза, производство чугуна и добыча угля — в 5,5 раза, доходы страны и население увеличились соответственно на 19,1 и 17, 1%. Интенсивно развивалась бумажная промышленность и полиграфическое производство. К началу века в стране было более 200 писчебумажных фабрик, около 800 типографий и словолитен. К 1913 г. соответственно — 300 фабрик и заводов, 1000 типографий и словолитен.

Россия по-прежнему оставалась аграрной страной, занимая в связи с этим в мировой экономике особое место. В землевладении значительные площади принадлежали государству: в Европейской части (в 1905 г.) — 35%, в Сибири — почти вся земля, кроме 1 млн. десятин частного сектора. В 1909–1910 гг. на долю России приходилось 26% мирового вывоза хлеба. Улучшение экономической ситуации в стране, рост доходов привели к поразительному увеличению населения страны после реформ 1860-х годов: за полстолетия оно удвоилось — с 70 до 167 млн. человек в 1914 г.

Россия на всех парусах двигалась в ряды наиболее развитых стран мира. Темпы развития экономики в 1890-х годах составля-

ли в Англии 18%, в США — 50, в Германии — 72, в России — 190%. Уже к 1905 г. в стране появляются мощные производственно-финансовые объединения для продажи изделий русских металлургических заводов, синдикаты добычи полезных ископаемых и их продажи («Продамет» — 45% всего производства; «Продуголь» и др.). В 1914 г. уже действовало 2198 акционерных компаний с основным капиталом 3965 млн. рублей, в том числе 587 млн. руб. по иностранным обществам. В столице создаются двусторонние торговые палаты: Русско-английская, Русско-французская, Русско-итальянская, Славянская, Русско-японское общество и др. Они вели многоплановую деятельность, регламентировавшуюся уставами, — от изучения рынков сбыта, организации банков до страхования грузов. Самой большой среди них к 1917 г. была Русско-английская палата, имевшая 1478 членов в России и Великобритании. В это же время складывается банковская система, строятся железнодорожные магистрали по Сибири и на север (Мурманск), бурно растут города. Их население выросло в три раза. В 1900 г. в Санкт-Петербурге проживало 1 505 200 жителей, Москве — 1 359 886 (для сравнения: в наиболее населенном Нью Йорке — 3 473 000). Развитие городов вело к расширению печатной базы страны.

Существенное значение в функционировании такого огромного по протяженности, размеру территории государства всегда имел географический фактор. К 1 января 1916 г. в стране насчитывалось 184 млн. человек; на 1 версту приходилось 9 человек; для сравнения: в США — 12, во Франции — 82,4, в Германии — 128; в Англии — 158. Империя в начале XX в. делилась на 99 частей: 78 губерний и 21 область (и 2 округа). Географический фактор предопределял особенности управления страной, развитие и состояние ее информационного пространства, журналистики, связывающей и объединяющей это пространство, роль в ней официальной печати.

В результате процесса урбанизации, научно-технического прогресса складывается новое человеческое сообщество, живущее конгломератами на небольшом земном пространстве, тесно связанное местом обитания и особенностями его ноосферы.

Эти обстоятельства и определили XX столетие как век толпы, становления цивилизации массовой культуры. Человек в таком обществе находится под ее магическим воздействием. Французский поэт Эмиль Верхарн в 1899 г. прозорливо и образно сказал об этом:

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
Как в котле — трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом иль паникой, во мне
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысяченная душа...

(перевод М. Волошина, 1919)

Уже тогда ученые разных стран заметили это новое состояние человечества и в ряде трудов исследовали его особенности: Гюстав Ле Бон (1841–1931) «Психология народов и масс» (СПб., 1896; вышла во Франции как «Психология толп» в 1895 г.), «Психология социализма» (СПб., 1908); Габриэль Тард (1843–1904) «Публика и толпа» (СПб., 1899), «Законы подражания (М., 1892), «Общественное мнение и толпа» (М., 1902); позднее — Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, З. Фрейд, К. Г. Юнг и др. Характерной чертой толп, по Ле Бону, пришедшему к выводу о наличии «души толпы», является слияние индивидов в единый разум и чувство, когда каждый увлечен массой и стремится слиться с нею. Тард сосредоточивает внимание на гипнотической модели влияния на толпу. Юнг пишет о том, что люди в толпе превращаются в обезличенную массу и становятся податливыми для пропагандистского воздействия. Ортега-и-Гассет считает пагубными для мировой культуры «восстания масс»: «Человек массы — господство ничем не связанных вожделей».

Таким образом, можно констатировать новое состояние аудитории журналистики в начале XX в., что необходимо учитывать, говоря о массовых коммуникациях России того периода. В ее социально-демографической структуре происходили значитель-

ные изменения. Поскольку эта структура соотносится с типологией журналистики, то и последняя также существенно модернизируется. Качественную характеристику потенциальной аудитории печати, по данным первой общероссийской переписи 1897 г., можно представить следующим образом:

Крестьяне — 60% (3/5),
рабочие с семьями — 20% (1/5),
владельцы небольших предприятий, сельская буржуазия, интеллигенция, чиновники — 18% (1/5),
крупная буржуазия, помещики, высшая бюрократия — 2%,
грамотные — 27%,
грамотные в Петербурге* — 59,2%,
грамотные в Москве — 46,8% .

* Данные о грамотности в столицах относятся к 1900 г.

Основных потенциальных потребителей периодики, грубо и округленно, было около 20%, сюда входили владельцы предприятий, буржуазия, чиновники, интеллигенция, помещики. Намечалась тяга к чтению рабочих. Но даже в 1907 г. Россия тратила за год на образование каждого всего лишь 37,6 коп. К примеру, Новая Зеландия в 1903 г. расходовала на одного человека 7 руб. 22 коп. Таким образом, наличие в столицах большого числа грамотных становилось базой для более активного развития в них печати по сравнению с провинциальными городами. Однако горожан, более активных читателей прессы, в России было лишь 13,9% от всего населения, в то время как в США 46,3%, а в Англии, Германии еще больше. Рассеянность населения по огромной территории России в то время и то, что только одну пятую его можно рассматривать как потенциальных читателей газет и журналов, — все это говорит о неразвитости массовой аудитории в стране.

Особо необходимо учитывать то, что Россия была многонациональным государством. По первой переписи национальная принадлежность не определялась, но среди вопросов был вопрос о родном языке. Оказалось, родным русский был у 55 400 тыс. че-

людей. Это составляло 47% всего населения. Кроме того, многие представители других наций (ижора, часть евреев и др.) считали русский родным. Однако, по данным «Всеобщего на 1916 год русского календаря» (М., 1915), русские в государстве составляли 65,5%, турецко-татарские народы — 10,6, поляки — 6, 2, финны — 4,5, евреи — 3,9, литовцы и латыши — 2,4, другие — 6,9%. Характеристика национального среза страны показывает, что в ней имелись условия для развития национальной журналистики.

Российское общество составляли представители разных конфессий: на 1916 г. в нем было около 70% православных (87,3 млн. человек), 10,83% — магометан, 8,91 — католиков, 4,85 — протестантов, 0,6 — армяно-григориан, 0,5% — прочих. Традиционно Россию считали страной православия. Важную роль в ее жизни всегда имела Русская Православная Церковь (РПЦ), на которую опиралась власть. В 1905 г. в стране насчитывалось: духовенства — 103 437 человек белого, 20 199 человек черного, 53 546 православных церквей (на 1912 г.), 267 мужских и 208 женских монастырей, пустынь и общин. У Церкви было четыре духовные академии — Петербургская, Московская, Киевская и Казанская, 57 семинарий с 19 348 учащимися, 184 мужских духовных училища, сеть массовых народных школ — церковно-приходских, учительских и школ грамоты. Кроме того, в России были тысячи служителей других религий. Русская пражурналистика, духовная коммуникация и духовная публицистика РПЦ являлись органической частью коммуникативной культуры России. Это предопределяло существование влиятельной духовной печати в системе русской журналистики.

Для российского общества рубежа веков, как и всей цивилизации, была характерна активизация процессов миграции населения: из деревни в город, из России в другие страны. «Городская инфраструктура оказалась не готова к наплыву разорившихся крестьян, обнищавших обитателей имперских окраин и неквалифицированных иммигрантов, — пишет профессор Стохастического центра Билефельд-Бонн Дм. Волченков (Германия). — Города впали в состояние упадка: их жители страдали от безработицы и ежечасно усиливавшейся бедности... В результате бо-

лее 60 млн европейцев были вынуждены покинуть Европу в поисках лучшей доли за океаном...»

В 1906–1910 гг. из России выехало в США и поселилось там 950 284 человека, в том числе: евреев — 44,1%, поляков — 27,2%, русских — 4,7%. К 1915 г. в США проживало иммигрировавших из России 3 048 млн. человек. В начале XX в. в Канаде только духоборов, уехавших из нашей страны по религиозным мотивам, было 8 тыс. К 1917 г. в разных европейских странах насчитывалось более 6 тыс. политэмигрантов из России. По количеству переселившихся тогда в ряду других стран Россия занимала третье место после Италии и Австро-Венгрии.

Следует заметить, что вообще исходным и основным моментом истории XX в. является усиление миграционных процессов в социальной структуре общества, движение масс к социальной жизни, активизация их во всех ее сферах. Следствием этого стало возникновение жгучей потребности организации и управления этим движением масс. На ее удовлетворение была направлена вся интеллектуальная человеческая энергия: мысль, организационные усилия, технические и материальные достижения. Вырабатывались новые доктрины и учения, с помощью которых человечество пытается организовать социальную среду по-новому: теории демократии и либерализма, марксизм, ленинизм, сталинизм, фашизм, голлизм и т. д. На практике происходит политизация жизни общества, крушение монархий и появление республик разного типа. Так, в 1914 г. в Европе было лишь три республики и 17 монархий, а в 1918 г. их число сравнялось.

Независимо от форм государственности продолжается, уже на новом уровне, становление всесильных и гибких в своем приспособлении бюрократических аппаратов управления обществом. Имеющие истоки в прежних режимах, эти аппараты с целью укрепления своего господства умело эксплуатируют монархические потенции народов через диктаторские режимы, которые только и были способны на какое-то время держать в узде стихийное движение масс в целом ряде регионов мира (Германия, Испания, СССР, Франция и др.). Вот почему пришествие диктаторов — этих «нерадивых и нелюбимых детей XX столетия» — на

этом витке истории обусловлено временем. Управление Россией в этот исторический период развивалось в общем русле закономерностей цивилизации. Его модернизация началась Первой русской революцией 1905–1907 гг.

Произошедшие изменения в жизни России способствовали усилению рыночного, социально-политического и культурного взаимодействия людей и в связи с этим их коммуникативных потребностей. В то же время было нарушено установившееся относительное равновесие как в мире, так и в отдельном государстве. Проблемы перераспределения богатств, территорий, собственности; конкуренции; организации социальной жизни общества порождают противоречия, особенно глубокие там, где общество, как в России, отличалось архаичными управленческими структурами, с трудом подвергавшимися модернизации.

На рубеж веков приходится период правления Николая II Александровича (1868–1918). Его начало ознаменовалось трагическим событием — Ходынкой, когда во время подготовки празднеств по случаю коронации Николая II в ясную весеннюю ночь с 17 на 18 мая 1896 г. погибло и было изувечено свыше двух тысяч человек. В народе нового царя окрестили Кровавым. На его долю досталось сложное для управления огромной страной время. В начале XX в. разразился общемировой экономический кризис, который сказался на и без того бедственном положении огромной части населения страны. В 1901 г. в стране произошло 164 забастовки, в которых участвовало 32 тыс. человек, в 1903 г. — 550 забастовок, охвативших уже около 87 тыс. Одновременно начались волнения среди студентов (1901 г.) и восстания в деревне: в 1902 г. на юге России — в Полтавской и Харьковской губерниях — развернулась настоящая война: крестьяне сжигали помещичьи имения, захватывали хлеб, оказывали сопротивление полиции и войскам. И забастовки, и волнения крестьян жестоко подавлялись — вплоть до применения порки сельского населения и расстрелов.

Мировой кризис вел к обострениям и на международной арене. В этот период значительно активизировалась на Дальнем Востоке экспансия Японской империи, что привело к ее столкно-

вению с российскими интересами в Восточной Азии. Борьба за влияние в этом регионе вылилась в проигранную Россией войну. 8 февраля 1904 г. японский флот напал на русскую эскадру у Порт-Артура. 10 февраля появился царский манифест об объявлении войны Японии.

Японская сторона, выступавшая в качестве агрессора, была хорошо подготовлена к войне. В стране процветал культ армии. Он подогревал милитаристские настроения в японском обществе. Россия же не была готова к этой войне. Ее руководство недооценивало силы противника, не успело мобилизовать собственные силы. Военное командование не смогло выполнить свои задачи: армия и флот несли поражение за поражением.

6 сентября 1905 г. был заключен, как считают историки, удачный в той ситуации Портсмутский мир, по которому Россия потеряла Порт-Артур, половину острова Сахалина, ушла из Маньчжурии, Корея была отнесена в сферу влияния Японии и др. Страна осталась без Тихоокеанского флота и без выхода в Тихий океан.

Крупный сановник, дипломат, сыгравший ключевую роль в заключении Портсмутского мира, успешный министр финансов (1892–1903 гг.) и председатель Совета министров царского правительства (1905–1906 гг.) граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) так характеризует в известных мемуарах этот исторический момент: «Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн, затем как ближайшее последствие — революция, давно подготовленная... полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем революция перешла в анархию. Что Бог сулит нам далее? Во всяком случае, еще много придется нам пережить. Жаль царя. Жаль России. Сердце и душа исстрадались, и покуда нет просвета. Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т. е. пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я».

Слова Витте, определяющие сложившийся режим как полицейско-дворцово-камарильный, отражали настроение не только интеллигенции, но и всего общества. В народе созре-

вал взрыв. Это понимали многие, но царь и его ближайшие помощники не находили в себе смелости предпринять какие-либо реальные шаги для того, чтобы предотвратить выступление масс.

Структура управления обществом была традиционно монархической, никакие модернизации ее не признавались. Л. Н. Толстой писал с беспокойством: «Просвещение, освещая сознание людей, идет вперед, нельзя остановить его, а формы жизни у нас в России идут назад, и трудно себе представить, как и чем можно изменить это» (курсив мной. — Г. Ж.). «Россия переросла форму существующего строя, — подчеркивал Витте в докладе Николаю II. — Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». Самодержавный режим России даже к этому времени не воспринял европейский опыт организации социально-политической жизни общества с помощью партий. Это послужило их стихийному созданию, обострению политической атмосферы в стране, развитию конфликтности, противостоянию социальных слоев общества и в конечном итоге явилось одной из причин революций этой эпохи.

Для сохранения статус-кво представители самодержавия искали всякого рода обходные пути; пытались сами организовать наиболее явных своих сторонников и поддержать их борьбу с «революционерами»; установить особые отношения с рабочими. От этой политики берут истоки два своеобразных, провокационного типа социальных явлений тех лет: черная сотня, начало которой положил шеф политического сыска, директор Департамента полиции, с 1902 г. министр внутренних дел В. К. Плеве (1846–1904), и зубатовщина, инициатором которой был начальник московского охранного отделения с 1896 г. полковник С. В. Зубатов (1864–1917).

Приведем самохарактеристику первого явления его представителями из газеты «Русское знамя» (1906. № 176): «В настоящее время патриот-народник есть черносотенец. Русский патриотизм и есть черносотенство... Черносотенец и есть земляк всей черной сырой родной русской земли-матери». Редакция приводела строки «неизвестного» стихотворца:

Кто молитву творя,
Чтит народ и Царя,
В ком ни сердце, ни ум не шатается,
Кто под градом клевет
Русь спасает от бед,
Черносотенцем тот называется.

Зубатов, осознав, что правительство должно решать рабочий вопрос, создал с этой целью особую программу и ставил задачу — «вырвать из-под ног» революционера «самую почву»: «урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его проявления и определить, с чем нужно бороться и что нужно только направлять». И черная сотня, и зубатовщина хотя и действительно поддерживали самодержавие, но больше компрометировали его.

Однако процесс образования партийных движений, затем партий шел. Именно массовым появлением партий открывается политическая история России XX столетия. Уже в конце XIX в. большинство оппозиционных сил работало в подполье и за границей. Они активно настраивали массы против самодержавия. Многие политические деятели вынуждены были покинуть страну. Оказавшись в эмиграции, они с помощью создаваемых печатных органов формировали сначала круг своих сторонников, затем партию. На рубеже веков были организованы наиболее радикальные партии: в 1901 г. — социалисты-революционеры (эсеры), сосредоточившие агитацию среди крестьян; в 1898 г., реально в 1903 г. — социал-демократы (РСДРП), которые вели агитацию среди рабочих. Русская зарубежная журналистика способствовала ускорению образования партий в России. Как только в 1905 г. разразилась революция, почти сразу же произошло их оформление. За короткий период — годы двух русских революций (1905–1920) в стране возникло столько партий, сколько не имело ни одно государство мира. В России их насчитывалось к 1917 г. более 70.

В этот период все больший интерес к политике стал наблюдаться и среди духовенства, обеспокоенного судьбой страны и монарха. Начало открытого проявления этого интереса положил священник Георгий Апполонович Гапон (1870–1906), имевший связи с С. В. Зубатовым и получавший от него финансовую

поддержку своей деятельности. Гапон организует в 1903 г. Собрание фабрично-заводских рабочих Петербурга, которое открыло 11 отделений в разных районах столицы и насчитывало около 9 тыс. человек. Священник становится его признанным лидером. Он стремится придать деятельности Собрания религиозно-нравственный и культурно-просветительский уклон. Одновременно оно стало представлять собой и большую профессиональную силу, защищавшую интересы рабочих.

Стечение целого ряда существенных обстоятельств и важных событий: поражение в войне с Японией; ухудшение положения рабочих, их забастовки, 13 декабря 1904 г. мощная всеобщая стачка в Баку; убийство В. К. Плеве, приход на его место П. Д. Святополка-Мирского, провозгласившего «эпоху доверия» между правительством и обществом; петиционная земская кампания, когда на высочайшее имя посылались десятки прошений о введении в стране представительного образа правления; наконец, увольнение с работы четырех участников Собрания и ответная забастовка Путиловского завода — всё это привело к попытке столичного пролетариата, как писал Гапон 8 января 1905 г. Николаю II, представить царю «свои нужды и нужды всего русского народа».

Гапон, используя опыт земской кампании, решил устроить манифестацию с подачей царю-батюшке от имени рабочих петиции, начинавшейся словами «Государь! Воззри на наши страдания» и содержавшей требование Учредительного собрания. У власти был определенный резерв времени, чтобы действовать. Но она бездействовала. Если радикалы имели конкретную программу по рабочему вопросу, то власть таковой не имела, явно недооценивая возможные коллективные действия пролетариата.

Шествие к Зимнему дворцу почти 20 тыс. рабочих с женами и детьми, несших иконы, портрет Николая II, хоругви, началось 9 января и имело сугубо мирный характер, о чем знал царь и знала полиция. Оно было встречено нагайками и пулями, под которыми погибло более тысячи человек и было изувечено еще свыше двух тысяч. Потрясенный расправой, чуть не погибший Гапон публично проклял царя.

«Правительственный вестник» признал 10 января: «Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы. У городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими...»

9 января вошло в историю как кровавое воскресенье. Оно послужило толчком к Первой русской революции (1905–1907). Народ вышел из повиновения власти. И царю пришлось уже в экстремальных условиях решать давно назревшие проблемы. Как показывает его речь перед 34 представителями рабочих различных заводов и фабрик столицы, приглашенных во дворец на прием 19 января, Николай II не совсем понял, что произошло 9 января: «Мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах — преступно. В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд». Царь простил вину мятежных рабочих.

Революция заставила самодержца пойти на уступки и демократизировать в той или иной степени само правление и жизнь общества. 17 октября выходит в свет Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, написанный С. Ю. Витте¹, во многом определивший внутреннюю политику страны и идейную борьбу последующих лет. В связи с этим приводим полностью его основные положения:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

¹ Манифест 17 октября 1905 г. был написан С. Ю. Витте вместе с кн. А. Д. Оболенским и Н. И. Вуичем.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Фактически Манифест сверху — от власти даровал те свободы, которые определили конституционный характер Основных государственных законов. Реформы, проведенные на их базе в 1905–1907 гг. под влиянием революционного движения, были значительными как по рабочему вопросу, так и в области политических свобод, свободы слова, печати и создания союзов; столыпинская аграрная реформа способствовала освоению богатств Сибири и Дальнего Востока. Экономика страны, как уже отмечалось, испытывала подъем. Конечно, эволюция протекала в жесткой борьбе между сторонниками старого и нового пути развития страны. Удерживаемое некое сложное равновесие этих сил в мирных условиях было нарушено вступлением России в Первую мировую войну, что определило последующие трагические для государства события.

По Манифесту 17 октября 1905 г. страной наряду с императором стала управлять Государственная Дума. В этом уже было заложено противоречие, которое вело к конфликтности во власти. Культура политического компромисса не была характерна для властных структур России: все зависело от воли самодержца, что ярко отразилось в борьбе Николая II и сторонников монархии и их оппонентов. Государственная Дума просуществовала и в этих условиях около 12 лет — до падения самодержавия в 1917 г. Она имела четыре созыва — I (1906, 27 апреля — 9 июля), II (1907, 20 февраля — 3 июня), III (1907, 1 ноября — 1912, июнь) и IV (1912, 15 ноября — 1917, 25 февраля).

Председатели Государственных Дум

I — Муромцев Сергей Андреевич;

II — Головин Федор Александрович;

III — Хомяков Николай Алексеевич;

с марта 1910 г. —

Гучков Александр Иванович;

с 22 марта 1911 г. —

Родзянко Михаил Владимирович;

IV — Родзянко Михаил Владимирович.

Создавшееся положение было использовано всеми политическими силами для организации партий, пытавшихся участвовать в управлении обществом. На политической арене страны действуют Конституционно-демократическая партия (кадеты), Союз русского народа (СРН), Союз 17 октября (октябристы), Палата Михаила Архангела, трудовые народные социалисты (энесы), прогрессисты, трудовики, выходят из подполья эсеры и социал-демократы. Начался процесс политизации России, так долго сдерживавшийся самодержавием. Выборы в Государственную Думу проходили в острой борьбе разных политических сил. Это хорошо отражает состав российского парламента (табл. 1).

Активная общественная жизнь толкала власти к осознанию и выявлению управленческих, организаторских и манипулятивных функций журналистики, способствовала ее политизации. Если мы обратимся к опыту русской журналистики XIX в., то увидим, что она во многом — литературное явление, в ней господствуют литературные журналы, литераторы и критики. Сам термин журналистика (от типа издания) носит литературный оттенок. В новом столетии происходит обособление журналистики от литературного процесса и ее бракосочетание с политикой. В процессе организации партий и партийных группировок, в ходе выборов в Думу и борьбы вокруг ее законодательных инициатив возникла острая необходимость в собственной печати. В журналистском творческом процессе стали господствовать новые силы: политики, капиталисты, манипуляторы.

Таблица 1

Партийный состав Государственных Дум России

Фракция	Число депутатов					
	I ГД	II ГД	III ГД, 1-я сессия	III ГД, 2-я сессия	IV ГД, 1-я сессия	IV ГД, 2-я сессия
Крайне правые	23	—	91	75	88	86
Правые	—	22	49	51	64	61
Правый центр:						
Октябристы	50 (16)	32 (43)	148	120	99	86
Левый центр:						
Прогрессисты	—	—	25	36	47	42
Кадеты	175	92 (98)	53	53	57	55
Польское коло	32	47	11	11	9	7
Автономисты	28	—	—	—	—	—
Мусульм. группа ...	—	31	8	9	6	6
Казачи	—	17	—	—	—	—
Польско-литов.- белорус. группа ...	—	—	7	7	6	6
Левые радикалы:						
Трудовики	97 (110)	101 (104)	14	11	10	10
Социал-демокр. ...	17 (18)	65	9	13	14	12
Эсеры	—	37	—	—	—	—
Народн. социал.	—	16	—	—	—	—
Партия мирного обновления	26	—	—	—	—	—
Беспартийные	67 (40)	50	26	23	4	15
Независимые	100	—	—	—	—	15
Смешанные	—	—	—	—	—	13

Появлению этих сил на уровне управления обществом способствовало и развитие ноосферы Земли. К XX в. материально-технические накопления цивилизации достигают такого уровня, что можно говорить о первом революционном этапе технизации

мирового информационного процесса, влияющего на все состояние человеческого сообщества. Прогресс в издательском, типографском, полиграфическом производстве, в визуализации информационного процесса, в информационных технологиях вообще к началу этого столетия приводят журналистику к новому качественному состоянию: начинает складываться система средств массовой информации (СМИ) и средств массового общения (СМО) (средств массовой коммуникации — СМК).

С 1830-х годов человечество постепенно осваивает телеграф, который революционизировал систему распространения, сбора и обмена информации в обществе. Создание специальных информационных агентств существенно повлияло на характер журналистики, ее проблемно-тематический комплекс и диапазон информации. К 1900 г. в мире функционировало 15 национальных телеграфных агентств: Гавас (Париж, с 1835 г.), Вольф (Берлин, с 1849 г.), Рейтер (Лондон, с 1851 г.), Русское телеграфное агентство (С.-Петербург, с 1866 г.). В 1909 г. император Николай II утвердил «Положение Совета Министров о Санкт-Петербургском телеграфном агентстве». С 1912 г. оно стало Петербургским телеграфным агентством при Совете Министров. ПТА имело более 200 корреспондентов в России и за рубежом.

В 1887 г. немецкий изобретатель, работавший в США, О. Мергенталлер сделал наиболее решительный шаг в совершенствовании печатания со времен изобретателя печатного стана И. Гутенбергом (1454 г. — середина XV в.). Он запатентовал машину, которая ускорила наборный процесс почти в 5 раз и затем будет широко известна как линотип.

Изобретенный еще в 1877 г. Эдиссоном фонограф, названный сначала говорящей машиной, становится родоначальником граммофона. С 1900 по 1907 г. в России было продано полмиллиона граммофонов. Было налажено производство до 20 млн. дисков ежегодно. Пластинки как носители информации выполняли функции СМИ. Они не только содержали музыку, пенью, но и несли общественно-полезную информацию, обучали языку.

В России в конце XIX в. шел процесс накопления знаний, нацеленных на передачу изображения на расстояние. В 1880 г. рус-

ский физик П. Бахметьев предложил передавать изображенное по проводам с помощью быстро чередующихся электрических сигналов. В 1890 г. А. Н. Слухаевский проводил опыты, которые получили обобщение в его брошюре «Телеоптикон: Электрическая передача видения» (Петербург, 1902). В феврале 1900 г. в Обществе ревнителей военных знаний был заслушан доклад капитана, радиоинженера К. Д. Перского «О теле-визировании, то есть о способах, дающих при помощи электричества возможность видеть все находящееся на далеких от нас расстояниях так, как бы видели это собственными глазами». Сам термин телевидение был введен в оборот Перским в 1900 г. на научной конференции в Париже.

С 1897 г. преподаватель Санкт-Петербургского технологического института Борис Львович Розинг вел опыты по электрической передаче изображений на расстояние. Их итогом было создание электронно-лучевой трубки, запатентованной им в 1907 г. 9 (22) мая 1911 г. Розинг первым в мире сумел передать и принять на электронный телевизор собственной конструкции простейшее изображение. В 1907 г. О. А. Адамян (1879–1932) получил патент на изобретение аппарата двухцветного телевидения. Он использовал метод последовательной передачи цветных кадров с помощью механической системы. Цветовое (красно-белое) изображение передавалось по проводам на 600 км.

24 апреля (7 мая) 1895 г. Александр Степанович Попов продемонстрировал в Петербургском университете систему беспроводной связи, о чем он сообщил в статье, сданной в декабре 1895 г. в редакцию научного «Журнала Русского физико-химического общества» и вышедшей там. В феврале 1896 г. в этом же издании он напечатал схему своего радиоприемника. В 1897 г. итальянец Маркони получил патент на аппарат электросвязи без проводов и организовал АО «Маркони и К^о». В 1900 г. Попов запатентовал в России, Англии, Франции первый в мире детекторный приемник («телефонный приемник депеш»), позволявший принимать сигнал на радиоприемники. В 1903 г. Попов совместно с С. Я. Лившицем продемонстрировал первую в мире радиотелефонную систему связи.

Главное управление почт и телеграфов в 1909 г. приступило к строительству коммерческих радиостанций. К 1917 г. оно име-

ло в своем распоряжении около 30 радиостанций. Одновременно военное ведомство страны создало сеть стратегических станций, обеспечивших устойчивую связь центра с окраинами.

Мировая техническая мысль к началу века находит решение и в воспроизведении и тиражировании движущегося изобразительного ряда. 7 декабря 1895 г. в Париже братья Люмьер представили чудо-синематограф — кино. Предприниматели сразу же по достоинству оценили этот подарок технической мысли. Уже в 1896 г. кино появляется в России, а в мае этого года прошла съемка коронационных торжеств в Москве — Николай II венчался на царство. Съемка вошла в историю как первая в мире киносъемка события политического характера и как вторая съемка массового мероприятия (первой была съемка такого рода Фотографического съезда в Париже в 1896 г.). В 1896–1897 гг. фильм о коронации с разрешения Министерства Императорского двора показывали в Павловском вокзале и других летних театрах. В августе 1898 г. был снят Высочайший выход с Красного крыльца и шествие церковной процессии в Успенский собор Кремля.

Прокат и производство картин быстро росли. В 1903 г. в Москве действовало 2 кинотеатра, а в 1911 г. в Петербурге их было уже 84. В 1916 г. в стране было более 1500 кинематографов, в том числе в Петрограде — 134, в Москве — 107. С 1908 г. выходят на экраны страны картина за картиной. В 1912 г. кинематограф охватил все круги общества и проник повсюду. Первый русский кинооператор и фабрикант А. О. Дранков в 1914 г. выпустил до 80 картин. За 1907–1914 гг. в России было снято 370 фильмов, исключая хронику и видовые. Вся эта продукция имела информационное, познавательное, пропагандистское и развлекательное значение, хотя в ней уже на том уровне пробивалась и эстетическая функция будущего киноискусства. Так, треть репертуара — более 120 фильмов — представляла собой экранизацию литературных произведений. В картинах давались хроника событий (военные маневры, встречи дипломатов, церковные шествия, «День 80-летия графа Л. Н. Толстого» — 144 метра пленки); сенсационные факты, к примеру, о пожарах; исторические события. Большой успех в 1908 г. имела картина А. А. Ханджон-

кова «Стенька Разин» (204 метра пленки); показывались виды городов, пейзажи и др.

Новое средство информации и общения было сразу же поставлено под контроль государства. Уже после демонстрации фильма о Высочайшем выходе на Красное крыльцо в канцелярию МВД поступил сигнал о том, что в театрах эту картину обычно показывают подряд с другими, иногда комического характера, например, о бранящемся городском, что вызывает смех зрителей; или рядом с легким жанром (танцующая балерина и т. п.). Такие фильмы сопровождаются игрой маршей или вальсов, что нередко создает неуместный фон для фильма о Высочайших особах.

28 сентября 1898 г. отношением МВД № 6600 была учреждена официальная предварительная цензура кинопродукции с участием высочайших особ и утверждены правила подобных показов публике. К 1908 г. цензурное ведомство уже выработало законодательные положения, регулирующие показ кинофильмов в стране. Не разрешалось демонстрировать картины:

- противные нравственности и благопристойности,
- кощунственные,
- возбуждающие к учинению бунтовщического или иного преступного деяния,
- публичный просмотр которых был признан неудобным по местным условиям.

В другом циркуляре МВД сформулированы эти ограничения в более обобщенном виде: запрещались к показу фильмы, которые могли бы вызвать нарушение общественного порядка, оскорбление религиозного, патриотического и национального чувства. Все эти подробности показывают рутинность такого средства массовой информации и общения, как кино, уже в начале XX в. К сожалению, учебники по журналистике обходят стороной такого рода исторические факты, оставляя их в ведении искусствоведов. Между тем явление миру кинематографа открывало новую эру — цивилизацию массовой культуры, массового тиражированного, выброшенного на информационный рынок продукта; положило начало системе средств массовой информации и средств массового общения, их взаимодействию и взаимообогащению.

ГЛАВА II

Власть и журналистика

§ 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЧАТИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ПОПЫТКИ ВЛАСТИ МОДЕРНИЗИРОВАТЬ ЕГО

Накопленный за XIX в. властью России опыт взаимоотношений с печатью имел своеобразие. В условиях самодержавия основное слово в решении проблем журналистики оставалось за монархом, но его роль в этом к началу XX в. не была активной и даже определяющей. Уменьшение участия царя в делах прессы относится к эпохе Александра III. Николай II, его преемник, и как личность, и как руководитель страны, опирался в решении государственных вопросов на бюрократический аппарат, основы которого были заложены еще Николаем I. Несмотря на реформы 1860-х годов, этот аппарат обладал колоссальной инерцией и консерватизмом, что сказывалось на всех сторонах общественно-социальной жизни России.

Архаизм взаимоотношений власти и журналистики может хорошо иллюстрировать то, что цензурное ведомство вплоть до 1905 г. руководствовалось в работе Уставом о цензуре и печати, изданным в 1890 г., а в его основе лежали Временные правила о печати от 6 апреля 1865 г., обросшие десятками новых законодательных актов, циркуляров, указаний. Устав представлял собой

целую брошюру в 60 страниц. Он включал в себя 302 статьи, закреплявшие богатый опыт русской цензуры. Однако с ростом аудитории, развитием общественной, политической мысли, журналистики, особенно провинциальной, стали остро ощущаться противоречия между цензурными узаконениями и отсутствием правового обеспечения журналистского творческого процесса.

Столичные газеты могли быть приостановлены цензурой на срок не более 6 месяцев после получения трех предварительных предостережений. Местные газеты приостанавливались без всяких предостережений на срок до 8 месяцев. Причем более половины приостановок цензурой провинциальных газет, как отмечал в газете «Приазовский край» публицист Я. В. Абрамов, падает именно на 8 месяцев, что «обыкновенно влекло за собою полную потерю подписчиков и прекращение самого издания» вообще. Кроме того, на периферии, в отличие от столиц, цензуру осуществляли губернаторы. Местные чиновники действовали по своему усмотрению, без всякого контроля, что обычно вело при цензуровании к крайнему субъективизму.

В Главное управление по делам печати нередко поступали жалобы на притеснения со стороны местных чиновников, выполнявших цензурные функции. Так, редакция газеты «Вятский край» в письме в цензурное ведомство подробно рассказала об их «художествах»: «Выкидываются одинаково и литературные и публицистические материалы, серьезные и легкие, общего и местного характера... Вычеркиваются не только оригинальные статьи, но еще чаще перепечатки из русских же изданий, большей частью подцензурных казанских и нижегородских газет, вычеркиваются даже перепечатки из официальных изданий („Пермские губернские ведомости“ и из „Правительственного вестника“ и даже из напечатанных здесь в Вятке с разрешения Вятского же губернатора и из изданных докладов Губернскому земскому собранию)».

Деятели провинциальной прессы неоднократно выступали против дискриминации местной периодики. В 1901 г. в «Приазовском крае» (1891–1918), как раз тогда, когда в Ростов-на-Дону прибыл председатель Главного управления по делам печати

Н. В. Шаховской (1901–1902), совершавший поездку по городам юга России, редакция газеты поместила серию статей Я. В. Абрамова и И. Я. Алексанова о правовом положении провинциальной печати. В том же году несколько редакторов местных газет подали докладную записку князю Н. В. Шаховскому, где поднимали вопрос о необходимости внести изменения в существующий цензурный устав.

Более радикальный подход к решению проблемы свободы печати отражен еще в одном документе тех лет — резолюции, выработанной деятелями петербургской журналистики с участием 14 газет и журналов и опубликованной в 1902 г. в русских зарубежных изданиях, где выдвигалось требование «полной и безусловной отмены предварительной цензуры — как цензуры до напечатания или разрешительной, так и цензуры до обнаружения или запретительной».

Редактор и публицист ежедневной научно-литературной, политической и экономической газеты «Приднепровский край» (Екатеринослав) М. К. Лемке в 1901–1902 гг. постоянно выступал под рубрикой «Наша жизнь» со статьями о положении местной печати и ее журналистов. Не выдержав давление цензуры, он решился на открытую демонстрацию протеста. 19 марта 1902 г. газета вышла в том виде, в котором ее пропустила цензура, — с большими пустыми полосами. Она была моментально раскуплена. Информация о ней достигла границы. Так, в письме от 3 мая 1902 г. к П. Б. Аксельроду В. И. Ленин просил «тотчас же» выслать ему номер «Приднепровского края» с «белыми местами». Министр внутренних дел Д. С. Сипягин приостановил выход газеты и отстранил Лемке от редакторства. Сравнивая положение провинциальной и столичной прессы, юрист и публицист К. К. Арсеньев тогда же утверждал: «Провинциальная печать вполне бесправна, так бесправна, как никогда, в самые худшие минуты, не была столичная подцензурная печать».

Внимание к правовому положению журналистики обострилось в связи с 200-летием русской печати. 2 января 1903 г. почти все газеты поместили статьи, оценивающие роль прессы в жизни общества. В 1903 г. вышли книги К. К. Арсеньева «Законодатель-

ство о печати», по мнению В. А. Розенберга, «выдающееся явление нашей литературы», и «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903 гг.», подводивший итоги ее развития за 200 лет. Арсеньев писал: «До сих пор мы видели только случайные мимолетные, но не полные ее (свободы печати. — Г. Ж.) проблески; хочется верить, что приближается пора ее расцвета... Свобода печати, свобода совести, личная неприкосновенность — вот три блага, потребность в которых чувствуется все больше... <свобода печати> играет такую же роль в общественной жизни, как свет в жизни органического мира».

В сборнике была помещена статья Г. К. Градовского «К 200-летию печати. Возраст русской публицистики», в которой автор показывал последствия цензурного режима для развития журналистики и отмечал, что «и теперь еще область цензуры безгранична». Итогом ее деятельности является то, что настоящей политической печати, по Градовскому, публицистике, в ближайшем будущем исполнится лишь 40 лет. «Политическую мысль гнали в дверь, — констатирует автор, — а она входила в окно... политическая мысль, общественное сознание, стремление к обновлению пролагали себе дорогу в отделах критики, в повестях и комедиях, в баснях и стихотворениях. Теснили политическую печать, политическую мысль внутри, она переходила за пределы России и оттуда оказывала влияние на наше умственное развитие».

Цензурное ведомство тоже по-своему отметило 200-летие русской печати, сделав незначительную уступку провинциальной прессе: именно в 1903 г. законом от 8 июня в 7 крупных городах — Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске, Харькове — были введены должности отдельных цензоров, вследствие чего произвол губернатора и его чиновников был заменен цензурой профессионалов.

22 марта 1903 г. вступило в действие новое Уголовное уложение, отразившее веяния времени. Так, по ст. 129 ссылкой до трех лет наказывался «виновный в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения или в распространении или выставлении сочинения или изображения, возбуждающих:

- 1) к учинению бунтовщического или изменческого деяния;
- 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя;
- 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению или законному распоряжению власти;
- 4) к учинению тяжкого, кроме указанных, преступления;
- 5) к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы...»

Бурное развитие в информационном процессе изобразительного ряда вызвало появление в Уголовном уложении более подробной ст. 103 «Об оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или угрозе Их Особе или надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или хоть заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении, или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Виновный в этом случае наказывался «каторгой не свыше восьми лет».

В том же году Правительствующий Сенат обсуждал правовое положение журналистов и сделал разъяснение о том, что их удаление с собраний общественного характера не предоставлено безусловному произволу председателя этого собрания; «их присутствие признается необходимым во всех случаях, так как это дает возможность обществу осуществлять свой контроль над деятельностью общественных учреждений».

Развернувшаяся война с Японией привела к ужесточению цензурного режима в стране. В официальной печати было помещено официальное сообщение: «Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы на все время войны все известия и статьи в повременных изданиях, касающиеся военных приготовлений, передвижений наших войск и действий наших армии и флота, подлежали предварительному рассмотрению компетентных военных властей в видах ограничения возможности появления в повременной печати заведомо ложных известий с театра войны, но вместе с тем и в целях доставления населению края сведений, сравнительно действительному положению

дел на Дальнем Востоке». Таким образом, вступала в свои права повсеместно военная цензура.

В августе 1904 г. на короткий срок, до 18 января 1905 г., на пост министра внутренних дел приходит князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия» и стремившийся к модернизации внутренней политики, ее смягчению, привлечению к более активной общественной деятельности земства, ослаблению цензуры. Министр сразу же обратился к журналистам: «Я придаю большое значение печати, особенно провинциальной». При этом он подчеркнул: «...Печать, служа искренно и благожелательно действительным нуждам населения, может принести громадную пользу, содействуя правительству в трудном деле управления». Встречи Святополк-Мирского с редакторами и журналистами стали регулярными. На них министр обещал дать большую свободу прессе. Как подсчитал историк Н. Я. Новомбергский, читавший в Русской высшей школе общественных наук (Париж) в конце 1904 — начале 1905 г. лекции по истории журналистики, на деле цензоры вообще впервые применили 17 административных репрессий за 43 дня, «чего раньше никогда не было и не могло быть».

Однако трагические события войны с Японией вызвали резкую критику власти: в статье о падении Порт-Артура, опубликованной А. А. Сувориным в газете «Русь», она коснулась даже царя. В связи с такого рода выступлениями прессы Святополк-Мирский получил упрек от Николая II, указавшего ему 22 ноября 1904 г. на то, что министр «распустил печать». В ответе императору Святополк-Мирский отметил неопределенность правового положения журналистики и высказал мнение о необходимости пересмотра закона о печати, так как все сдерживающие ее средства в новых условиях малоэффективны, а «предупреждения действуют как рекламы для газет» (министр имел в виду пример с газетой «Русь», популярность которой после инцидента со статьей о Порт-Артуре выросла).

Министр добился выхода 12 декабря именного Высочайшего указа Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В указе предлагалось «устранить из ныне

действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России» (Правительственный вестник. 1904. 14 дек.). В соответствии с указом царя Комитет министров на заседаниях 28 и 31 декабря решил отменить некоторые из действовавших постановлений о печати, признанных им наиболее стеснительными, точнее определить смысл положений о воспрещении розничной продажи печатных изданий, о раскрытии имен авторов статей, предоставив министру внутренних дел право войти в Государственный совет с этими вопросами и «образовать особое совещание для пересмотра действующего цензурного законодательства и для составления нового устава о печати».

Однако меры, предпринимавшиеся властью, постоянно запаздывали. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. прозвучало сигналом к началу революции. Особое возмущение в обществе вызвала попытка замолчать трагедию. В связи с этим в Петербурге в помещении газеты «Новое время» состоялось совещание редакций ежедневных газет независимо от их направления. Несмотря на единодушный первый протест такого рода, выступление петербургских журналистов в защиту свободы слова закончилось тем, что они получили разрешение опубликовать небольшую информацию: «О событиях 9 января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения, официальные сведения и известия, пропущенные цензурой г. С.-Петербургского генерал-губернатора».

Лишь 21 января 1905 г. царь утвердил намеченные меры («О порядке выполнения пункта восьмого именного Высочайшего устава от 12 декабря 1904 г.»). Он назначил члена Госсовета, директора Императорской публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко председателем особого совещания, вошедшего в историю по бюрократической традиции как комиссия Кобеко. Это была авторитетная комиссия, состоявшая из юристов А. Ф. Кони и почетного

академика К. К. Арсеньева, редакторов А. С. Суворина («Новое время»), М. М. Стасюлевича («Вестник Европы») и Д. И. Пихно («Киевлянин»), Н. В. Шаховского (от МВД) и др. Комиссия приступила к заседаниям 10 февраля 1905 г. По 18 декабря было проведено 36 заседаний, на которых в острой полемике проходили обсуждения поставленных вопросов. Уже к маю комиссия выработала «Проект нового устава» и «Проект вызываемых изданием нового устава о печати изменений и дополнений уголовного уложения и устава уголовного судопроизводства».

В ходе работы комиссии Кобеко были добровольно задействованы заинтересованные в свободе слова и печати гигантские общественные силы страны. В нее поступили многочисленные записки от учреждений, редакций, групп, собраний, обществ, союзов: от общего собрания присяжных поверенных и их помощников Харьковской, Московской, Одесской и Киевской судебных палат, железнозаводчиков и уральских промышленников и заводчиков, камышинских обывателей, кассы взаимопомощи литераторов и ученых, союза инженеров и техников, сахарозаводчиков, деятелей по народному образованию, минского сельскохозяйственного общества и т. д. В «Русских ведомостях» (№ 41) была опубликована записка литераторов — сотрудников 14 петербургских газет и журналов о нуждах печати и мерах, необходимых для обеспечения ее свободы. К ней стали сразу же присоединять свои голоса редакции других изданий страны.

Руководящие структуры государства не могли найти устраивающего их решения. Так, 25 мая 1905 г. Николай II писал министру внутренних дел А. Г. Булыгину: «Печать за последнее время ведет себя все хуже и хуже. В столичных газетах появляются статьи, равноценные прокламациям с осуждением действий высшего Правительства». Царь советовал министру давать директивы печати, «воздействовать на редакторов, напомнив некоторым из них верноподданнический долг, а другим и те получаемые ими от Правительства крупные денежные поддержки, которыми они с такой неблагодарностью пользуются».

Без сомнения, высшие чины государства этого периода — кн. П. Д. Святополк-Мирский, А. Г. Булыгин, С. Ю. Витте, П. А. Сто-

лыпин — отдавали себе отчет в значимости печати, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы тех лет: их доклады и записки императору и правительству, их выступления перед публикой.

Тем временем Главное управление по делам печати продолжало отправлять на места один за другим циркуляры по поддержанию цензурного режима в стране.

23 апреля: «Не допускать в течение 3 месяцев оглашения или обсуждения в печати каких-либо известий касательно собравшегося в Москве съезда земских деятелей, а также всякого рода вызванных этим съездом адресов, телеграмм и постановлений»;

25 мая: «Подтверждено требование представлять на разрешение полицейской власти все статьи, заметки и известия, касающиеся стачек, беспорядков и других нарушений скопом общественного порядка и спокойствия»;

26 мая: «Не допускать каких-либо извлечений и сведений из изданного на правах рукописи и потому не подлежащего оглашению и распространению сборника документов по переговорам с Японией 1903–1904 гг., а равно каких-либо суждений по сему предмету». И т. д.

Правительство во главе с С. Ю. Витте вело втайне, даже от членов особого совещания, работу над реальным законодательным документом. Сам Д. Ф. Кобеко готовил его. На 32-м заседании, после выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г., Кобеко сообщил, что временные правила о повременных изданиях, составленные им, через неделю будут утверждены императором. Это вызвало негативную реакцию членов особого совещания. А. С. Суворин, сенатор И. А. Зверев, А. Ф. Кони, акад. Н. Я. Сонин выразили протест (двое последних перестали участвовать в заседаниях). Кони, в частности, заявил: «Правила составлены так, что мы все здесь присутствующие как будто не существуем... Нам было поручено великое дело... Каждое слово высказывалось с глубочайшим убеждением, после долгой и трудной внутренней работы. Теперь же, с изданием совершенно помимо совещания временных правил, нам нечего больше делать». Таким образом, комиссия Кобеко послужила ширмой прикрытия действий власти и фактически

завершила деятельность ничем, хотя, без сомнения, ее работа и проекты и записки чиновников разных рангов, появившиеся тогда, позднее сыграли важную роль в том, чтобы был сделан решительный шаг в жизни страны.

Одновременно в правительстве шла работа над программой противодействия оппозиции, ведения контрпропаганды с помощью журналистики, модернизации системы официальной печати, включения разных форм ее экономической поддержки. За короткий срок пребывания на посту министра внутренних дел — с января по ноябрь 1905 г. — А. Г. Булыгин дважды поднимал эту проблему перед Николаем II.

20 апреля Булыгин представляет императору обстоятельный доклад, который начинался с констатации роли прессы в обществе: «...Печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений». В подтексте этой фразы можно было прочесть, что в России другая ситуация, требующая создания развитой политической жизни с определенной партийной системой.

Министр подчеркивал стихийность происходивших политических событий в России, где революционные партии и группы «стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками-прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров», и эти листки все больше распространяются среди простого народа и в «расположенных в городах войсковых частях». Докладчик возвращается к мысли, содержащейся ранее в записке: о необходимости организовать планомерную и широкую контрпропаганду как единственную меру борьбы правительства с влиянием оппозиционной прессы. То есть официальная журналистика должна иметь свободу в противодействии радикальным идеям оппозиции, подпольной литературе.

На этот раз предложения Булыгина получают поддержку императора. Реорганизация системы правительственной пропаганды была начата с «Сельского вестника», выходявшего тогда в ка-

честве еженедельного приложения к «Правительственному вестнику», издававшемуся министерством внутренних дел. «Сельский вестник» с июня 1905 г. был превращен в самостоятельную популярную газету, рассчитанную на крестьян. Он имел небольшую цену, бесплатные приложения (воскресное и иллюстрированное, календари, справочники, популярные брошюры по сельскохозяйственным, правовым и общественно-политическим вопросам). С 1 января 1906 г. вестник стал ежедневной газетой, что сказалось на его тираже, несмотря на существенную материальную поддержку. В 1905 г. его тираж составлял 111 473 подписчика и 15 400 экземпляров бесплатной рассылки, в 1909 г. — 57 тыс., в 1913 г. — 59 тыс. экземпляров. В снижении тиража, конечно, сыграла роль и непопулярность правительственного курса в тех исторических условиях.

В недрах правительства С. Ю. Витте членом Совета Главного управления по делам печати, статским советником С. П. Татищевым был разработан «Проект организации правительственной газеты», представлявший собой, скорее, программу модернизации официальной печати. В ней обосновано совершенствование системы официальной и правительственной печати, модернизация ее материальной базы; названы организационные формы руководства ею (бесцензурность, съезд представителей этой прессы), к примеру, в связи с губернскими газетами говорится об «организации союза преобразованных газет как централизованной, направленной правительственной силы»; дана содержательная модель правительственной печати: «Изложение общей программы правительства; изложение мотивировки законов и распоряжений; опровержение кривотолкований законодательной и административной деятельности правительства; опровержение лживых фактов, сообщаемых частной печатью; защита бойкотирруемых лиц благоразумного образа мыслей». И т. д.

В проекте Татищева предусматривалось создать центральный правительственный официоз, восстановить истинную роль губернских ведомостей как правительственных органов на местах, отказаться от старых методов формирования нужного правительству общественного мнения и опоры на рептильную прессу.

17 октября 1905 г. был обнародован Высочайший манифест, по которому населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

18 октября премьер-министр С. Ю. Витте пригласил на беседу представителей прессы, редакторов и корреспондентов крупнейших столичных газет и журналов и обратился к ним с программной речью, в которой подчеркивал: «Безопасность государства должна иметь опору в общественном мнении; вы знаете, что в России, благодаря особым условиям, общественное мнение не могло выражаться. С материальной стороны общественное мнение выражалось в России лишь печатью, так как других органов для выяснения мнений большинства, меньшинства и крайних элементов, — не было. Ввиду этого русская пресса всегда имела исключительное значение... всегда имела громадное влияние на умы».

Вот почему в сложнейшей обстановке премьер-министр обращается к редакторам, издателям и журналистам помочь правительству «успокоить умы»: «Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится. Тяжкая обуза падет». Именно в этом он видел условие, чтобы правительство могло играть в обществе такую же роль, «как в культурных странах». Но вместе с тем он твердо заявил: «Не нарушайте законов о цензуре».

§ 2. ПЕРИОД ЯВОЧНОЙ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

Все эти события в управленческих структурах и обществе происходили уже под давлением развернувшихся в стране революционных событий. Ситуация в журналистике на какое-то время вышла из-под всякого контроля власти. В столице в разгар Всероссийской октябрьской стачки был создан Петербургский Совет рабочих депутатов (СРД), первый властный орган пролетариата. Он первое время, и во многом номинально, возглавлялся адвокатом Г. С. Хрусталевым-Носарем, а фактически — социал-

демократом, профессиональным революционером и журналистом Л. Д. Троцким. Первое заседание Совета состоялось в ночь с 13 на 14 октября. Он просуществовал 52 дня, 3 декабря все его депутаты были арестованы. Число членов Совета к этому времени насчитывало 562 человека, представлявших 250 тыс. рабочих 281 предприятия и 16 профсоюзов.

Опираясь на рабочее движение, Совет выступал с поддержкой стачек, организации профсоюзов, осуществления 8-часового рабочего дня, свободы печати. При активном участии Троцкого при Совете выпускались листовки и воззвания, с 17 октября издавался печатный орган — «Известия СРД», в котором радикальный революционер выступал с передовыми статьями. Благодаря его бурной деятельности Совет получил возможность вести пропаганду и через социал-демократическую «Русскую газету» (1904–1906), тираж которой тогда доходил, по словам Троцкого, до 100 тыс. и более, насколько позволяли типографские мощности; через ежедневную газету «Начало» (редакторы-издатели Д. М. Герценштейн и С. Н. Салтыков, 16 номеров), выходившую с 13 ноября по 2 декабря. Поддержку Совету оказывала и ежедневная газета «Новая жизнь», издававшаяся тиражом до 80 тыс. экземпляров с 27 октября по 3 декабря с участием В. И. Ленина (с № 9 от 10 ноября).

В «Известиях СРД» 20 октября была помещена резолюция Совета «О газетных рабочих», где говорилось, что, несмотря на объявленную свободу слова, продолжает действовать Главное управление по делам печати — «цензурный карандаш остался в силе». Совет предлагал «газетным товарищам-рабочим» в ответ на это установить контроль за производством газет. Он постановил: «Только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру». Газеты издателей и редакторов, не подчинившихся этому решению Совета, будут «конфискованы и уничтожены, типографии и машины будут попорчены»; типографские рабочие, не поддержавшие Совет, «будут бойкотированы».

С «газетчиками», для которых этот документ стал руководством к действию, солидаризировались книжные типографские

рабочие, наборщики. На их общем собрании была принята резолюция: «Общее собрание союза рабочих печатного дела, основываясь на резолюции Совета Рабочих Депутатов о введении самими рабочими свободы печати в России, постановляет: все книжные и журнальные издания выходят без цензуры, игнорируя Главное управление по делам печати и без представления выпускаемых книг, брошюр и журналов в цензурные комитеты. Все издатели и владельцы типографий, не подчинившиеся этому настоящему постановлению, подвергаются бойкоту, и товарищеско-рабочие в таких типографиях всеми способами приостанавливают работы». Под давлением рабочих организовавшийся тогда Союз книгоиздателей и журналистов на своем собрании также решил не посылать книг в цензуру и бойкотировать те типографии, которые откажутся выпускать издания без цензурного разрешения. Владельцы типографий, учитывая создавшееся положение, подчинились решению СРД.

Забастовка рабочих-печатников прекратила издание всей периодики. И лишь Совет рабочих депутатов имел возможность выпускать свои «Известия» и продолжал выходить «Правительственный вестник». В этот же период возникла еще одна новая структура для России — профессиональная организация журналистов (литераторов), которая повела открытую борьбу с цензурой. 16 октября в редакции газеты «Наша жизнь» состоялось собрание представителей изданий «Биржевые ведомости», «Наша жизнь», «Неделя», «Новое время», «Новости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Право», «Русская газета», «Русь», «Свет», «Слово», «Сын Отечества», «Юрист», «Дер-Фрайнд». Оно послужило основанием Союза в защиту свободы печати. На собрании постановили не соблюдать цензурных запретов по ст. 140 Устава. На следующей встрече было решено, что бюро из представителей всех изданий составляет особые чисто фактические бюллетени о событиях, объявленных цензурой под запретом. При этом все газеты обязаны были опубликовать их в неизменном виде.

В первую очередь Союз протестовал против административного произвола. В связи с этим в прессе помещались заявления

от его имени, к примеру: «Союз защиты свободы печати, не признавая в принципе никаких кар, налагаемых в административном порядке на произведения повременной печати, — протестует против конфискации № 372 „Русской газеты“ распоряжением С.-Петербургского цензурного комитета». «В ночь на 14 ноября в Петербурге редактор сатирического журнала „Пулемет“ Н. Г. Шебуев был заключен в тюрьму, а типография, в которой издание это было отпечатано, была закрыта полицией». Союз навел справки по этому делу и нашел в действиях представителей власти произвол.

Власть попыталась остановить начавшийся процесс освобождения журналистики от цензуры. Уже после обнародования Манифеста Главное управление по делам печати в циркуляре от 19 октября сделало реальную уступку, отменив все циркуляры, изданные на основе 140-й статьи Устава и воспрепятствовавшие обсуждению в прессе того или иного вопроса. В циркуляре говорилось, что по-прежнему цензоры должны руководствоваться старым Уставом: «Впредь до издания нового закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, остаются в полной силе». Упор делался на Уголовное уложение (ст. 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132, 133) и прокурорский надзор, от которого зависит возбуждение уголовного преследования против виновных. Губернаторам предлагалось сообщать о появлении в печати преступных статей и «безотлагательно доводить о том же до сведения прокурорского надзора».

В целом сложившаяся в печати ситуация не удовлетворила и журналистов. 19 октября собрание представителей печати и книгоиздательств решило выпускать газеты и журналы без цензуры, помогая друг другу в борьбе за свободу слова. Совет рабочих депутатов подошел к вопросу еще более радикально, призвав рабочих, как уже отмечалось, остановить станки. Рабочие типографий стали вмешиваться в производственный процесс и диктовать свою волю. Так, наборщики «St. Petersburger Zeitung» потребовали от редактора поместить вместо царского Манифеста передовую статью «Известий» СРД. Редакция газеты «Свет» в тайне от своих рабочих опубликовала Манифест, за что была ими раз-

громлена. Союзу в защиту свободы печати пришлось урегулировать и эту проблему.

Собрание делегатов Союза обратилось к Совету рабочих депутатов и другим организациям, руководившим забастовками, с заявлением о том, что в интересах освободительного движения необходимо содействовать свободной печати как «существенному элементу политического движения», «непрерывно выполнять свои функции, которые становятся особенно важными в моменты общественного напряжения», поскольку во время политических забастовок, направленных на поддержку освободительного движения, интересы всего общества и самого движения, а также принцип свободы печати настоятельно требуют, чтобы, во-первых, «забастовки не распространялись на выход современных политических изданий, которые должны служить целям осведомления общества о происходящем движении и освещения его»; во-вторых, допускался «выход всех политических изданий, без различия направления». В результате переговоров представители рабочих признали точку зрения Союза о том, что «рабочие печатного дела не вмешиваются во внутренний строй газетного дела».

Только 22 октября столичная периодика возобновила выход, имея на своих страницах предупреждающую надпись «Печатается без цензуры». Октябрьский номер «Всемирного вестника» открывался сообщением: «Настоящий номер на основании постановления Союза защиты свободы печатного слова на выпуск в цензуру не представлен». После этого сообщения следовало отразившее дух времени обращение редакции к читателям: «Вступая в 4-й год издания „Всемирного вестника“, мы заявляем, что и в будущем будем вести его в том же прогрессивном направлении и всеми силами добиваться воцарения полной свободы... беседа наша с читателем будет свободным словом. В будущем году, в числе прочего, будет помещено собрание сочинений, напечатанных за границей, графа Льва Николаевича Толстого».

В более сложном положении оказались законопослушные издания. Так, редактор «Народного голоса», только возникшей, с 11 октября, газеты, выступил в ней 22 октября с заявлением о том, что рабочие типографии поставили ему условие выпускать

газету без цензуры: «Я поневоле выпускаю настоящий номер без сношения с цензурой... Всей душой протестую против чинимого надо мною насилия и заявляю, что намерен соблюдать закон, как только будет к тому малейшая физическая возможность, ибо причисление моего имени к числу забастовщиков, в настоящее время, я счел бы для себя позором».

К 23 октября Союз выработал от имени всей печати «Справку», содержащую «начала, необходимые для правомерного осуществления действительной свободы печати». В одной части этого документа содержались предложения к новому закону о печати: 1) введение явочного порядка возникновения изданий; 2) отмена всех видов цензуры; 3) ответственность за преступления, совершаемые путем печати, «исключительно по суду с подсудностью суду присяжных». Во 2-й части документа речь шла о мерах, обеспечивающих свободу в создавшихся условиях до появления нового закона: 1) отмена предварительной цензуры для всей журналистики, включая и национальную; 2) отмена требования предъявлять в цензуру номера изданий, книг, брошюр до их сдачи на почту; 3) отмена использования административных взысканий, запрета таким образом книг и др.

Союз изучил «проект Временных правил о цензуре с меморией к нему Совета министров» и посчитал, что этот проект представляет собой «извращение возвещенной Манифестом 17 октября незаблестимости свободы слова и сохраняет прежний административный произвол». Союз выразил протест против духа всего проекта, в котором оставлены без внимания предложенные им 23 октября начала, необходимые для правомерного осуществления действительной свободы печати. Союз постановил в случае получения проектом силы закона по-прежнему осуществлять свободу печати на заявленных им основаниях.

С 19 октября по 24 ноября, когда вышли Временные правила о повременных изданиях, господствовала бесцензурность, названная явочным периодом свободы печати: издания выходили без всяких разрешений. Редакция журнала «Русское богатство» констатировала: «В Петербурге исчезли все виды цензуры, и в течение некоторого времени печать фактически осуществляла свобо-

ду слова, то есть все мнения оказывались свободными и все факты общественного значения — подлежащими оглашению, независимо от убеждения или неудобства этого оглашения для данного состава правительства».

В этих условиях появились газеты и журналы самых разных типов и различных политических направлений. Журналистика в этих условиях проявила новые качества: солидарность и объединение в борьбе за свои права. Союз в защиту свободы печати охватывал большую часть столичной периодики — до 36 изданий. Даже Союз владельцев печатных заведений Петербурга обратился к правительству с предложением отменить цензуру и упразднить Главное управление и его цензурные комитеты. Эстляндский губернатор А. А. Лопухин заявил об отмене цензуры в своем регионе, хотя она по-прежнему действовала в большинстве провинций страны.

§ 3. БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ПЕЧАТИ

Правительство осознавало всю сложность создавшегося положения. Характерно в этом смысле эмоциональное интервью Д. Ф. Кобеко «Биржевым ведомостям», появившееся на их страницах 9 ноября: «Свобода! Свобода! — вы все говорите о ней! А что же делают наборщики: вооруженные, они врываются в типографии, арестовывают причастных к газете лиц и выпускают революционный листок. Это — свобода? Война знает только силу. Мы живем на поле битвы... Два стана расположены друг против друга — кто победит?»

Наконец, 24 ноября 1905 г. император направил в Сенат Высочайший указ «О временных правилах о повременных изданиях». Базой для него послужил Манифест. По указу отменялись «предварительная как общая, так и духовная цензуры» газет и журналов, при этом цензура сохранялась в отношении изданий, выходящих «вне городов»; постановления об административных взысканиях, правила о залогах. Ответственность «за преступные

деяния, учиненные посредством печати в повременных изданиях» (ст. 140), определялась в судебном порядке. По суду издание могло быть запрещено, приостановлено или арестовано, нарушители закона штрафовались (до 500 рублей), арестовывались (до трех месяцев), заключались в тюрьму (на срок от 2 до 16 месяцев) или исправительный дом, ссылались на поселение. Большинство статей Устава о цензуре и печати, охраняющих основы самодержавия, оставались в силе.

26 ноября МВД предложило губернаторам, чтобы местные цензоры «под личной ответственностью наблюдали» за своими изданиями и «по всем обнаруженным ими нарушениям закона» немедленно возбуждали судебное преследование, донося об этом в Главное управление. С 22 октября по 2 декабря 1905 г. в Петербурге и Москве за нарушение прессой законов уголовное преследование было возбуждено в 92 случаях. За 2,5 месяца свободы слова (17 октября — 31 декабря 1905 г.) были подвергнуты репрессиям 278 редакторов, издателей, журналистов, изданий, типографий; конфисковано 16 номеров газет и журналов, арестовано 26, закрыто, приостановлено 44. Темпы репрессий нарастали: с 17 октября 1905 по декабрь 1906 г. были закрыты 370 изданий, конфискованы более 430; опечатаны 97 типографий, арестованы и оштрафованы 607 редакторов и издателей.

Особое внимание было обращено на местную журналистику. Министр внутренних дел инструктировал губернаторов в секретной телеграмме: «В случае появления в печати дерзостного неуважения к Верховной власти, открытого призыва к революции или совершения других тяжелых преступлений необходимо просить прокурора о приостановлении издания в судебном порядке на основании новых правил. В местностях же, объявленных на исключительном положении, в этих случаях надлежит закрывать типографии и подвергать аресту виновных с применением административной высылки».

2 декабря за публикацию документов Совета рабочих депутатов, Крестьянского союза и левых партий были конфискованы цензурным ведомством газеты «Сын Отечества», «Русь», «Русская газета», «Новая жизнь», «Наша жизнь», «Начало», «Свобода

народа». Петербургская судебная палата, собрав экстренное заседание, поддержала действия цензуры. Фактически этим было сразу покончено с оппозиционной прессой столицы, что послужило для всей журналистики сигналом: закон вступил в силу. Закончил деятельность Союз в защиту свободы печати. М. И. Ганфман, анализируя эту ситуацию в 1912 г., приходит к выводу, что «мероприятие 2 декабря» стало «гранью от „явочного времени“ свободы столичной печати и новой ее жизнью под сенью правил 24 ноября».

Власть шаг за шагом восстанавливала в государстве давший трещины цензурный режим. В 1906 г. были приняты высочайшие указы «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» от 18 марта и «О временных правилах для неповременной печати» от 26 апреля. В первом документе власть, обходя использование слова «цензура», делала тактический ход, узаконив переименование: цензурные комитеты, отдельные цензоры стали именоваться соответственно комитеты и инспекторы по делам печати. Второй документ дополнял указ от 24 ноября 1905 г. По нему отменялась как общая, так и духовная предварительная цензура неповременных изданий, а также изображений — как в них, так и в «выпускаемых отдельными листами».

В этих документах уже учитывался опыт борьбы с революционной пропагандой. Особое внимание обращалось на издания, предназначенные для массовой аудитории: во-первых, на иллюстрированные журналы и газеты, каждый номер которых необходимо было представить в комитет по делам печати «не позднее как за 24 часа до выпуска его из типографии»; во-вторых, на брошюры (подразумевались широко распространяемые тогда оппозиционные политические произведения, которые можно было оперативно отпечатать). «Содержатель типографии» обязан был выпускать из нее издания объемом не более одного листа за 2 дня, до 5 листов за 7 дней после того, как оно было представлено в комитет или инспектору по делам печати.

Больше всего параграфов этих указов было посвящено искоренению практики обхода законов о печати, когда запрещенное, арестованное издание сразу же выходило под другим названи-

ем; когда давался ложный адрес типографии или вообще он не указывался; не представлялись в цензуру изображения; издание не имело подписи редактора и т. д. Наконец, по-прежнему провинциальная печать подпадала под особое рассмотрение местного комитета или инспектора по делам печати, получивших право «немедленно наложить арест на все экземпляры предназначенного к распространению номера повременного издания, содержащего эстампы, рисунки и другие изображения, с текстом или без текста, когда в этом номере заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного уголовным законом...». Этот пункт был повторен и в указе о неповременной печати.

И тем не менее надо констатировать существенные изменения в законах о печати, произошедших в ходе Первой русской революции:

- была отменена предварительная цензура;
- все дела по преступлениям печати были переданы в ведение суда;
- был введен явочный порядок выпуска новых газет и журналов, организации типографий и книжных магазинов;
- был упразднен денежный залог.

Естественно, правительство опиралось и на старый опыт цензурного ведомства, предпринимая меры по нейтрализации влияния оппозиционной журналистики, подкупая газеты и журналы. Оно стремилось вдохнуть жизнь в официальные органы печати, начав реформировать их сеть. «Сельский вестник» становится якобы самостоятельным изданием, выходящим как «общедоступная народная газета» три раза в неделю, с 1906 г. — ежедневная. Было заявлено об отделении ее от «Правительственного вестника», и даже печатали ее уже не в типографии МВД, а в частной. Короткое время (февраль — май 1906 г.) под непосредственным руководством С. Ю. Витте выходила газета «Русское государство».

В том же году правительство в своих целях стало использовать частную газету «Россия», о чем было достигнуто соглашение с ее издателями С. В. Воейковым и В. П. фон Брискорном. 8 июня оно вступило в силу. Совет Министров посчитал, что необходимость

для правительства такого печатного органа вытекала из бурного развития частной периодики, как в столицах, так и в провинции. Они якобы распространяли «ложные сведения о событиях в России», неправильно или тенденциозно толковали «вносимые правительством в Государственную Думу законопроекты», «действия, намерения и распоряжения правительства и отдельных представителей гражданской власти». Опровержений и комментариев, публиковавшихся в «Правительственном вестнике», было уже недостаточно. В программу «России» были внесены изменения, ее размер был увеличен до размера политических газет.

С 1 сентября 1906 г. по решению Совета министров и МВД было создано Осведомительное бюро¹, действовавшее в интересах правительства, снабжавшее прессу «достоверными сведениями» о его действиях, важнейших событиях в государстве. Бюро наладило выпуск специальных бюллетеней, делало обзоры печати для ежедневных докладов председателю Совета министров и в МВД, начальнику Главного управления по делам печати, сводки мнений столичных газет по наиболее важным вопросам. Позднее, в 1915 г., Осведомительное бюро было переименовано в Бюро печати.

По распоряжению П. А. Столыпина, ставшего с 26 апреля 1906 г. министром внутренних дел, а с 8 июля и председателем Совета министров, отдел иностранной и инородческой печати архива Департамента полиции передается в Главное управление с тем, чтобы осведомлять правительство, подготавливая для него сводки и обзоры печати общего характера и секретные — только для министров (с критикой их работы).

Исторический опыт Первой русской революции показал, что основным ее итогом было то, что власть уже не могла вернуться к старым порядкам. Во всех сферах жизни, получив мощный революционный заряд, Россия сделала шаг вперед. Общественная мысль страны за короткий срок совершила гигантскую работу.

¹ Для современного читателя отметим: старое русское слово осведомлять носило нейтральный характер и означало «информировать, сообщать», т. е. Осведомительное бюро — «информационное бюро». Оттенок доношительства в этом слове стал преобладать позднее.

Казалось, политики, публицисты, журналисты пытались наверстать упущенное в прошлом. В периодике обсуждались вопросы управления государством, парламентаризма, конституционности, прав человека, свободы слова и печати и т. д.

В наиболее распространенной тогда газете «Русское слово» ее основной публицист и редактор Влас Дорошевич выступил с серией статей о цензуре: «Управление по делам печати», «Статья 140», «По делам печати» и др. В журнале «Право» развернулась дискуссия о свободе слова и печати, велась хроника репрессий, направленных против журналистики. В свет вышли книги, посвященные этим же вопросам: в 1904 г. — «Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903)» Н. Энгельгардта, в 1905 г. — сборник статей «В защиту слова», «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем» В. Розенберга и В. Якушкина; в 1906 г. — «„Свобода“ русской печати (после 17 октября 1905 г.)» Е. А. Валле-де-Барра, «Печать перед судом» М. Л. Гольдштейна, «Кому польза и кому вред от свободы печати» С. Некрасова, «Свобода слова и печати» Ю. Скобельцина и др.

Среди этих работ особо выделяется сборник статей «В защиту слова», авторы которого (К. К. Арсеньев, В. А. Мякотин, В. А. Розенберг, С. Н. Прокопович, П. Н. Милюков, Н. А. Рубакин и др.) впервые дают всестороннее представление о проблеме свободы печати, обобщая практику и делая определенные теоретические выводы. Диапазон тематики статей был разнообразен и широк: бесцензурность и подцензурность, цензура и рубль, цензура национальной прессы, политика и цензура, свобода критики, защита свободы слова в русской лирике и даже цензура в музыке. «Одной из величайших аномалий современного положения нашей печати, — замечает К. К. Арсеньев, — представляется существование подцензурных периодических изданий рядом с бесцензурными». «Таких изданий, которые могли бы дойти до читателя, не пройдя ранее через цензуру, в России не существует совершенно», — утверждает В. А. Мякотин. Интересные размышления содержала статья П. Н. Милюкова «Субъективное и социологическое обоснование свободы печати». «Пресса есть тончайшая, наиболее совершенная из существующих форм общественно-

психологического взаимодействия», — писал Милюков. Ее нарушение ведет «к омертвлению общественной традиции и социальным потрясениям». Цензура может только расстроить это взаимодействие, «нарушенная функция восстанавливается „обходным“ путем, выполняя жизненную потребность общественного организма».

В статье «Свобода печати» С. Н. Прокопович обобщает: «Неразрешение новых политических газет, преследование и, при случае, закрытие существующих, строгий контроль над внутренними отделами толстых журналов, — таковы характерные черты нашего цензурного режима. С помощью этих мер задерживается и ограничивается распространение политических идей в русском народе, замедляется и ослабляется рост общественного сознания. Конечною целью подобных мероприятий является полное уничтожение общественной инициативы и общественного творчества».

Все партии, созданные накануне и в ходе революции, заявили о необходимости в обществе свободы слова и печати, но трактовали ее по-разному. Союз русского народа в «основных положениях» для выборов в Государственную Думу рассматривал свободу печати как «главное средство борьбы с злоупотреблениями по службе и административным произволом», средство обнародования «своих мыслей и исправления недостатков социально-политической жизни».

4 июля 1906 г. фракция Партии народной свободы (кадеты) внесла на рассмотрение первой Государственной Думы законопроект о печати. Он опирался на программу этой партии, опубликованную в 1905 г., где было записано: каждый «волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом»; цензура упраздняется и не может быть восстановлена; «за преступления и проступки, совершаемые путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом». В законопроекте кадетов выдвигались требования: полная свобода печати; отмена системы регистрации периодических изданий; ответственность лиц, а не изданий, за преступления, совершенные путем печатного слова; эти преступления подлежат компетенции суда присяжных.

Принятые властью под давлением революционных событий и происходившей полемики вокруг проблем свободы слова и печати в 1905–1906 гг. законодательные документы о печати вызывали неудовлетворенность и у исполнительной власти, и у большинства политических кругов. Власть, считая, что «сидеть только на законе нельзя», искала новые репрессивные меры против непослушной журналистики: конфискация газет, непосильные штрафы, арест редакторов и заключение их в тюрьму, введение особого положения и др.

6–8 июня 1906 г. полиция побывала в типографиях газет «Трудовая Россия», «Голос», «Вперед», «Курьер», «Русский набат», «Призыв», «XX-й век», «Современная жизнь». Ссылаясь на постановление Санкт-Петербургского комитета по делам печати, чины полиции конфисковали отпечатанные там номера этих газет. Такие противоправные действия затем были продолжены. Систематически полиция отбирала номера «Известий крестьянских депутатов».

На эти действия власти деятели печати сразу же отреагировали. Первая Государственная Дума уже 13 июня 1906 г. рассматривала об этом запрос № 152, обозначенный в протоколе как «О цензуре и печати» и исходивший от 31 члена Думы, которые хотели бы узнать, известны ли изложенные факты министру внутренних дел и какие меры он намерен предпринять к нарушителям закона — чиновникам? Симптоматично заявление депутата от Харьковской губернии М. Ковалевского, прозвучавшее в ходе прений по запросу: «Господин министр внутренних дел не так давно являлся сюда с заявлением: „Подадим друг другу руки и будем работать вместе“. Но в то время, как он нам протягивал правую руку, левой рукой он зажимал рот прогрессивной печати. Циркуляр, предписывающий всем губернаторам конфисковывать газеты до выхода в свет, этот циркуляр существует, и этот циркуляр есть самое серьезное покушение на права Государственной Думы».

Несмотря на протесты, правительство П. А. Столыпина ввело в 1907 г. в практику использование «исключительного положения». Введение в стране положения о военной охране в период боевых действий было модифицировано в положение о чрезвычайной охране, введенное после декабрьского восстания 1905 г.

во многих губерниях. Правительство предоставляло администрации после его введения право нещадно штрафовать газеты за прегрешения. Государственный чиновник С. Ю. Витте со знанием дела писал: «Так как в столицах и других крупных городах всегда можно держать исключительное положение, то, следовательно, и можно штрафовать газеты по усмотрению». К этому добавлена была еще одна репрессивная мера — заключение на несколько месяцев в тюрьму редактора, что породило ответную меру издателей, начавших использовать так называемых подставных редакторов для отсидки (в тюрьме).

В сентябре и ноябре 1908 г. при Министерстве юстиции было создано особое Совещание для разработки вопроса об ответственности за преступные деяния, совершаемые посредством печати. Оно рассматривало проект по совершенствованию карательной политики по отношению к журналистике. По мнению начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда (1905–1912), суды слишком часто выносили оправдательные для газет приговоры, а применяемые ими наказания редко доходили до указанного в законе максимума. Было решено заменить денежным штрафом (минимальный штраф 500 рублей — очень высокий) целый ряд наказаний, которые раньше карались заключением в тюрьму. Эта мера была реакцией власти на уже упомянутую практику издателей.

Власть на этом поприще достигла успехов. Газета «Утро России» в новогоднем номере 1908 г. подводила итоги карательной практики правительства: усиленная охрана в государстве была распространена на более чем 63 млн. человек, а специальные полномочия по изданию обязательных постановлений без всякой усиленной охраны распространились на 86 с лишним млн. человек.

§ 4. ДИСКУССИИ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОГО СТРОЯ

Исторический опыт Первой русской революции показал, что противостояние власти и оппозиции, их диалог оставили свой след и в положении журналистики: основным итогом было то,

что власть уже не могла вернуться к старым порядкам, хотя и стремилась к этому. В период 1908–1912 гг., характеризовавшийся современниками как время, «когда государство переходит от абсолютизма к представительному строю», по мнению юриста Г. Штильмана (1912), «вопрос об особой природе деликтов печати естественно сосредоточивает на себе пристальный взгляд криминалиста». При этом система предупреждений уступает место «порядку судебной репрессии», когда возникает вопрос, как распространяются «на эксцессы печати общие начала уголовного права».

Революция, когда свобода слова и печати выплеснулась далеко за границы дозволенного ранее законом, заставила власть внимательнее посмотреть на состояние полицейского права. В газете «Россия» был помещен цикл статей Л. А. Тихомирова, выражавшего точку зрения власти. Эти статьи были изданы редакцией «России» в 1909 г. в виде брошюры объемом в 46 страниц «Законы о печати». Автор считал, что судебные учреждения в условиях того времени, «при неразработанности уголовного закона в отношении к печати», «очень неодинаково определяли область дозволенного и воспрещенного». Поэтому в разных местах страны права и свобода печати оказывались «фактически чрезвычайно неопределенными».

Журналистика была захвачена «разгаром политических страстей» и, по мнению Тихомирова, «теряла элементы серьезного творчества мысли», а «привычка к раздражающему чтению» (сенсационности. — Г. Ж.) вела к пробуждению низменных инстинктов, «породила разгул порнографии и т. д.». Отсюда автор делает вывод о том, что «нормы 1905 г.» по отношению к журналистике требуют «дополнения и систематизации».

Главным в этом является понимание проблемы свободы печати, которую многие упрощают: «Дайте свободу, не мешайтесь: вот и всё». Автор находит опору в «Очерках науки полицейского права» проф. И. Т. Тарасова: «Абсолютной свободы печати никогда не было и быть не может в виду того элемента социальной опасности, который присущ печати. Вопрос сводится к тому, насколько ограничивается свобода и какими мерами» (курсив мой. — Г. Ж.).

Тихомиров подробно рассматривает печать как элемент социальной опасности, могущественное орудие действия для самых разных интересов, включая обыкновенные и житейские — частные, партийные, экономические и прочие. При установлении свободы печати им дается возможность с помощью печати проявить себя. Автор заключает: «Но раз дело идет о свободе действия столь разнообразных интересов, то неизбежно является задача и обязанность государства и закона привнести сюда известный надзор и регуляцию, на тот случай, если это действие направится к нарушению прав и интересов частных и общественных, законом охраняемых».

Но печать — это орудие и такого практического действия, которое используется для лжи и клеветы в борьбе с противниками и конкурентами, для шантажа и спекуляции: «...Продажные перья являются орудием бессовестнейших афер, имеющих в виду обобрать целый народ, печатью пользуется даже подстрекательство к убийству, а уж нечего и упоминать о восстаниях и революциях».

Наконец, печать, как фабричное производство «подвержена монополизации», что также несет в себе «опасность порабощения общества монопольно захваченными орудиями осведомления и воздействия на умы и совесть». При этом Тихомиров использует до сих пор актуальную формулу, говоря о том, что печать в высшей степени способна подавлять и развращать работу разума и совести — «не дубьём, а рублём». В итоге он обосновывает необходимость ограничения свободы печати в интересах общества и в рамках закона.

В докладе, прочитанном на 9-м съезде русской группы Международного союза криминалистов, Г. Штильман также развивал тезис о социальной опасности неотвеченной печати. Замечая, что печать может служить «непосредственно преступным целям», он сравнивал наносимый ею вред с последствиями взрыва. Но юридический подход к ним не может быть одинаков, так как «началу свободы прессы нанесен будет непоправимый ущерб». Деликты печати в законодательстве необходимо выделить в особую группу.

«Важность несомых периодической печатью социальных функций, — подчеркивал Штильман, — беспредельность ее аудитории, недопустимость постороннего вмешательства в совершаемую прессой изо дня в день работу, невозможность заранее определить известными чертами труд всех ее участников и легкость, с которой при отсутствии контроля могут быть совершаемы посредством этого орудия сопряженные с громадным вредом для общественного и частного блага деликты, — все это склоняет юриста поставить преступления печати особняком, выдвинув ряд изъятий в пользу деятелей ее и с другой стороны — в ущерб им». Он считал, что порядок отступления от общих начал уголовного права безраздельно царит в настоящее время на всем европейском континенте.

В создавшихся условиях неопределенности законодательства в области печати властные структуры находили новые средства для проведения репрессивной политики в отношении бурно развивавшейся тогда журналистики. Граф Павел Толстой, выступивший с разоблачением такой политики в 1912 г. в докладе в Юридическом обществе при Санкт-Петербургском университете и в статье «Ограничение свободы печати обязательными постановлениями в порядке охраны» в журнале «Правда» (№ 27, 29–32), делал вывод: «Наша журналистика живет без малейшей правовой основы под дамокловым мечом обязательных постановлений в порядке охраны». Он приводил впечатляющие цифры: в России к 1 января 1912 г. широкими полномочиями, в связи с военным положением или положением о чрезвычайной или об усиленной охране, администрация не охватила из 157 млн. населения менее 5 млн. жителей.

В журнале «Книжная летопись» подводились итоги последствий правительственных распоряжений по делам печати за первые три месяца 1912 г.: изъято из продажи 35 изданий, конфисковано по распоряжению администрации — 173, конфисковано по судебному приговору — 119, уничтожено по судебному приговору (полностью или частично) — 70, запрещено по суду навсегда — 2 издания; принято судебных определений о приостановке до суда 1 периодического издания и о снятии конфискации, про-

изведенных администрацией, — с 30 изданий. Всего за три месяца последовало 430 правительственных распоряжений о печати.

Но попытки власти вернуться к старым цензурным порядкам в новых условиях были обречены на провал. Уже наличие Государственной Думы и партий различной политической окраски было гарантией этому. Вопросы прав человека, свободы слова и печати нашли отражение и в партийных документах, и при обсуждении их в журналах, на съездах, в Государственной Думе и др. Все это так или иначе сказывалось на внутренней политике правительства.

Таким образом, в России начала XX в. на протяжении долгого времени шло обсуждение правового положения печати. В постреволюционный период, в условиях обновленного строя, проблемы совершенствования законодательства о печати по-прежнему оставались острыми. Общественная и партийная мысль обобщала опыт взаимоотношений власти и журналистики и строила новые проекты, разрабатывала новые программы.

Еще во время революции, в 1906 г. в Санкт-Петербургском литературном обществе зародилась идея проанализировать состояние печати, чтобы поставить на более прочные основания решение проблемы ее свободы. И когда в Министерстве внутренних дел шла работа над новым уставом о печати для его внесения в Третью Государственную Думу, 6 ноября 1909 г. в собрании Литературного общества был заслушан в связи с этим доклад графа П. М. Толстого. Собрание приняло решение «приступить к разработке вопроса о правовом положении печати в нашем представительном строе сравнительно с положением печати в иностранных государствах в связи с выяснением неотложных правовых нужд и степени их удовлетворения правительственным законопроектom».

При Совете Литературного общества была создана Комиссия о правовом положении периодической печати, которая к началу 1911 г. выработала подробный «Вопросник (анкету) о правовом положении периодической печати после Манифеста 17 октября и Временных правил 24 ноября 1906 г.». Документ был направлен в редакции газет, отдельным деятелям журналистики,

защитникам в судебных процессах по литературным делам и др. В журналах «Русское богатство» в 1911 г. (№ 2) и «Русская мысль» (№ 4) этот вопросник был опубликован. Комиссия дважды послала в редакции письма-напоминания, подписанные председателем Литературного общества Н. Ф. Анненским. К маю 1911 г. в комиссию поступило около сотни ответов.

Одновременно многие участники работы Комиссии выступили по этим проблемам в печати: В. Д. Набоков — «К истории нашего законодательства о печати», П. А. Толстой — «Ограничение свободы печати обязательными постановлениями в порядке охраны», М. И. Ганфман — «Явочный период свободы столичной печати», С. Ордынский — «Печать и суд» и др. По материалам, полученным в ходе исследования, в 1912 г. была выпущена монография «Свобода печати при обновленном строе» — фактически декларация кадетов на том этапе, когда в правительственных кругах снова готовился законопроект о печати — уже для Четвертой Государственной Думы. В монографии участвовали В. Д. Набоков, М. Ганфман, А. Горбунов, С. Ордынский, В. Обнинский, граф П. Толстой, В. Розенберг.

Книга открывалась словами: «Мысль о коллективном труде, посвященном большому вопросу современной русской жизни — свободе печати при обновленном строе, зародилась еще в С.-Петербургском литературном обществе (1906–1911 гг.)». В ней ставилась задача «дать более или менее цельную картину правового положения нашей печати в современных условиях русской жизни после „реформы“ и реформ 1905–1906 гг.». Соответственно был обобщен исторический опыт борьбы за свободу слова в годы Первой русской революции, охарактеризовано действующее законодательство в сфере печати, был использован материал, полученный с помощью вопросника. В книгу вошли статьи: «К истории обновленного законодательства о печати (Комиссия Д. Ф. Кобеко)», «Явочный период свободы столичной печати», «Действующее законодательство о печати», «Обязательные постановления о печати в порядке охраны», «Печать и суд», «Печать и администрация» и др. Авторы книги приходили к выводу, что в России «на первом же году жизни погибает добрая поло-

вина новых изданий», происходит возврат к «старым полицейским традициям», даже судебные репрессии «проникнуты полицейским духом» и т. д.

Под давлением общественности — через выступления в газетах и журналах, дискуссии в Государственной Думе, на партийных съездах — в Министерстве внутренних дел разрабатывался новый закон о печати. Выступивший 5 июля 1912 г. в Государственной Думе председатель Совета министров В. Н. Коковцев заявил, что правительство «вполне осознает всю желательность замены административных репрессий судебным порядком преследования правонарушений в области печатного слова, так же, как и настоятельную необходимость определить положение печати, и в особенности повременной ее части, твердыми нормами ясного и незыблемого закона».

3 декабря 1912 г. кадетская партия внесла в Четвертую Государственную Думу «Законодательное предположение о печати», подписанное 36 членами этой Думы во главе с П. Н. Милюковым. В преамбуле к проекту основного положения закона о печати обосновывалась необходимость такого документа, поскольку «печать по-прежнему находится в зависимости... от усмотрения администрации, вооруженной правом наложения денежных и личных взысканий на редакторов, по-прежнему фактически осуществляется цензура». Почти дословно повторялись параграфы предыдущего проекта закона кадетов.

В 1912 г. власть обнародовала Проект устава о печати (СПб., 1912), имевший 152 статьи в отличие от 302 статей в издании 1890 г. 27 февраля 1913 г. к депутатам обратился с письмом управляющий Министерства внутренних дел Н. А. Маклаков, сообщавший, что правительством разрабатывается новый закон о печати, скоро он будет внесен в Государственную Думу, но правительство не берет на себя разработку законопроекта на тех основаниях, которые предложены кадетами. 13 мая 1913 г. этот документ был напечатан в газете «Новое время». На заседании Думы 27 февраля была избрана Комиссия по печати с целью согласования предложений по реформе законодательства в области печати. Комиссия состояла из 33 депутатов и возглавлялась

В. В. Шульгиным. В Комиссию поступило 6 разных законопроектов: Министерства внутренних дел, правых, октябристов, прогрессистов, доработанный проект кадетов и персональный от В. В. Шульгина.

В прессе развернулась дискуссия, в ходе которой проект Н. А. Маклакова подвергался резкой критике в статьях В. В. Водозова «Новый поход на печать», «Законопроект о печати и Государственная Дума», Л. З. Слонимского «По поводу законопроекта против печати», «Борьба с печатью», С. Мстиславского «Свое и чужое» и др. Несмотря на критику, Комиссия предпочла проект МВД. Но все-таки почти двухгодичное обсуждение проектов не дало никакого результата из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны: необходимость цензуры в военных условиях у власти не вызывала сомнений.

Вся происходившая тогда борьба за свободу печати, критика правительственных репрессий против журналистики, тем не менее, не должны вводить в заблуждение по поводу положения печати после Манифеста 17 октября 1906 г. Оно, без сомнения, стало иным, чем до его принятия. Первая русская революция внесла существенные поправки в цензурный режим общества, освободила информационный рынок от дотошной опеки государства; функционировала Государственная Дума, которая была механизмом, сдерживавшим полномочия исполнительной власти, администрации. Шло интенсивное развитие системы журналистики, что явилось одним из основных эффектов процесса демократизации общества того исторического периода.

ГЛАВА III

Система журналистики

§ 1. Факторы развития печати

К началу XX в. в России сложилась целостная система журналистики, включавшая в себя сеть газет и журналов разных типов и книгоиздание. Она состояла из двух подсистем: светской (гражданской) и духовной (церковной). Традиционно большую роль в государстве имела Русская Православная Церковь. Духовная коммуникация в Древней Руси была опорой власти. Она была обращена к народу. Это понимали и учитывали все монархи. Петр I, создав светскую печать, ее типографскую базу, гражданский алфавит, в реформаторской деятельности опирался и на духовную коммуникацию, которая, несмотря на наличие светской, долгое время в общении с народом оставалась основной коммуникацией. Она не только выполняла духовно-просветительскую функцию, но и через нее народ получал главную информацию о государственных делах, важнейших событиях, происходивших в мире. В результате процесса секуляризации ведущую роль в светском государстве стала играть светская (гражданская) печать.

На характер русской журналистики влиял целый ряд существенных факторов — в первую очередь географический. Большая протяженность территории страны — от Балтики до Тихого океана — всегда ставила перед управлением государства сложные пробле-

мы взаимодействия, информирования населяющих его народов; определяла огромное значение в нем бюрократии разного ранга, полиции и коммуникаций, включая журналистику.

На протяжении всей истории России в соответствии с тем огромным пространством, которое она занимает, одним из наиболее значительных признаков типологической дифференциации ее печати был административно-территориальный, в связи с чем она делилась на столичную и провинциальную (главным образом губернскую и отчасти уездную) и епархиальную. К лагерю официальной журналистики в условиях России, где РПЦ была как бы прикреплена к государству, надо отнести развернутую сеть религиозных, конфессиональных изданий, в основном епархиальных ведомостей. Кроме них Церковь выпускала периодику в крупных центрах православия, миссионерские издания.

Другим важным фактором, определявшим состояние журналистики России, был аудиторный. Ее потенциальная аудитория была количественно неисчерпаемой, но в аграрной по экономике стране был большой процент неграмотных и долго шел медленный рост потребности в грамотном населении.

Лишь развитие капиталистических отношений со второй половины XIX в. дало толчок росту этой потребности. Объективным основанием происходивших изменений в социальной структуре общества к концу этого века стали интенсивное экономическое развитие страны, процессы урбанизации и миграции населения, движение более широких слоев населения страны к активной социальной и общественно-политической жизни, рост промышленности, городов, числа их обитателей, развитие сферы обслуживания, появление новых, необходимых для экономики и хозяйства государства профессий, требующих грамотного работника.

Это вело к постепенному повышению в населении страны прослойки грамотных. К началу XX в. интеллигенция России, Русская Православная Церковь проделали значительную культурно-просветительскую работу, и этим тоже были созданы важные предпосылки для повышения грамотности народа, расширения аудитории журналистики. К 1900 г. в стране грамотным была

почти треть населения, в Петербурге — 59,2%, в Москве — 46,8%. Россия входила в число стран, где население все больше читало.

Широкий размах тогда приобрело книжное дело. Издатели-просветители XIX в. (А. Ф. Маркс, М. В. и С. В. Сабашниковы, Ф. Ф. Павленков, П. П. Сойкин, Д. И. Сытин, В. Н. Маракуев и др.) создали в стране мощную типографскую, полиграфическую базу, подготовив этим всесторонний расцвет русской журналистики в начале нового столетия. Особенностью их просветительской деятельности было наличие в книжном репертуаре большого числа продукции, рассчитанной на народ, включая лубочную литературу. Это готовило массового читателя для периодики.

В народ пошел поток литературной классики: произведения Гоголя, Лермонтова, Крылова, Тургенева. В 1887 г. истек срок права на собственность родственников А. С. Пушкина на его сочинения. Первое дешевое издание их предпринял А. С. Суворин. Оно было раскуплено за полчаса. Произведения великого поэта выпустили Павленков, Сытин, Маракуев и т. д. Всего за год было продано 1,5 млн. экземпляров пушкинских книг. Большое распространение в обществе получают произведения Л. Н. Толстого. В феврале 1887 г. выходит его драма «Власть тьмы». Ее первый тираж был раскуплен сразу же. В течение двух месяцев драма переиздавалась 5 раз, за год ее тираж составил почти 100 тыс. экземпляров. В том же году для народного чтения было напечатано 397 тыс. экземпляров произведений Л. Н. Толстого (вообще же его сочинений — 677,6 тыс. экземпляров).

Все это свидетельствовало о качественно новом состоянии российской читательской аудитории. «До рокового 1914 г. наше книжное хозяйство переживало небывалое оживление и подъем, — замечала В. Славская (1920 г.). — Русская книга начала приобретать все больше и больше европейский облик...» К 1913 г. издание книг по сравнению с 1907 г. возросло в 3,6 раза.

Наблюдался и определенный рост периодики. В 1900 г. вышло около 1 тыс. изданий. Причем они неравномерно распределялись по территории страны: в 19 губерниях из 97 (без Финляндии и о. Сахалина) не было даже официальных ведомостей, более 40 регионов не имели частной печати. По сравнению с неко-

торами европейскими странами и США Россия тогда имела менее развитую сеть прессу. Тиражи русских изданий также уступали европейским и североамериканским.

Существенными причинами в торможении процесса становления периодики были неравномерность проживания населения в регионах страны, отсутствие инфраструктуры распространения периодики, цензурная репрессивная политика власти, ее стремление оградить народ от печатного слова.

§ 2. СЕТЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Столичная печать. На протяжении всего XIX в. властные структуры общества фактически имели монополию на печать. Официальная периодика охватывала всю страну, все слои населения. Ее основным изданием была ежедневная газета «Правительственный вестник» (1869–1917, Санкт-Петербург), выпускавшаяся Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел. В первом номере газеты говорилось: «Официальная газета, общая для всех Министерств и управлений, издаваемая по Высочайшему повелению с 1869 года при Главном управлении по делам печати, будет выходить еженедельно, кроме понедельника и дней, следующих за большими праздниками. Подписка принимается в комнате редакции, помещающейся в здании МВД, у Чернышева моста».

«Правительственный вестник» имел большой формат (А1), объем 4–6 страниц. Номера с расписанием движения поездов состояли из 27–36 страниц. Газета финансировалась правительством. Расходы на нее превышали доходы от подписки и объявлений. Так, в 1904 г. дефицит издания составил 19 тыс. рублей. Редактора газеты назначали. В 1901–1902 гг. ее редактором был К. К. Случевский, в 1902–1905 гг. — П. А. Кулаковский.

Основной задачей вестника была публикация правительственных документов (указов, распоряжений, инструкций, циркуляров и др.) и официальной информации. У газеты были отделы и рубрики: «Придворные известия и церемониалы» (хроника приемов, молебствий, встреч на высочайшем и дипломатиче-

ском уровне, высочайших поездок, служебной и благотворительной деятельности высочайших особ и др.); «Действия правительства» или «Отдел известий правительства», где печатались именные высочайшие указы, повеления и приказы, сообщения о высочайших награждениях, документы ведомств — приказы и циркуляры и др.; «Внутренние известия», «Иностранные известия», «Разные известия» (обычно о наиболее значимых научных и технических достижениях), «Сведения о распоряжениях по делам печати» (отдел мог занимать всю третью страницу). На последней странице размещались «Биржевой указатель» (состояние счетов Государственного банка, сообщения о губернских торгах на земельное, недвижимое и городское имущество и др.), «Метеорологический бюллетень», «Казенные и частные объявления».

Информацию с комментариями в «Правительственном вестнике» представлял раздел «Фельетон», при наличии которого газета имела 6 страниц. В этом разделе, как правило, публиковались статистико-экономические, историко-биографические, научно-популярные статьи.

В период войны с Японией структура вестника претерпела некоторые изменения: появились оперативные «Письма с театра войны», «Письма с войны» собственных корреспондентов газеты Вл. Апушкина и С. Добровольского, «Прибавления» — «Официальные известия с Дальнего Востока»; был расширен отдел «Извещения», где сообщались имена награжденных героев, погибших и раненых на поле брани; помещались телеграммы с фронта.

Однако в целом структура и содержание газеты были стабильными. «Правительственный вестник» служил моделью для других официальных изданий государства. Главные ведомственные печатные органы страны XIX — начала XX вв. включала сеть столичных официозов: «Сенатские ведомости» (1809–1917), «Церковные ведомости» (1888–1918), «Русский инвалид, или Военные ведомости» (1843–1917), «Торгово-промышленная газета» (1892–1917) и др.

Особое значение имел «Сельский вестник», рассчитанный на народ и вышедший в свет с 1 сентября 1881 г. при «Правительственном вестнике» как еженедельное прибавление, отражав-

шее основную идеологическую доктрину Империи: «Самодержавие — православие — народность». Газета финансировалась правительством, была обеспечена бесплатной рассылкой по всем волостным правлениям и местным администрациям (губернаторам, полиции), имела самую дешевую подписку. К 1900 г. тираж «Сельского вестника» составлял 85 тыс. экземпляров, и он в условиях контролируемого властью информационного рынка был одной из самых распространенных в стране газет.

Выход в свет такой газеты в период правления Александра III — знаменательное явление во внутренней политике власти. На долгие годы этот официальный орган худо-бедно будет основным информационным источником сельского населения страны. Конкуренцию этой газете в известной степени составят редкие и недолговечные земские издания.

В ее программе редакция обещала давать «сведения о важных событиях и разнообразных явлениях жизни нашего обширного Отечества, о законах и правительственных распоряжениях, благополучном и неблагополучном ходе наших хозяйственных и иных дел, о нуждах и потребностях населения и мерах к их удовлетворению». Перед редакцией «Сельского вестника» стояла трудная задача — нейтрализовать «ошибочно и превратно понятые новости из газет и журналов, издаваемых для интеллигентной публики, уберечь крестьян от неверных и даже вовсе неосновательных слухов и известий, которые вводят простых и легковерных людей в заблуждение». Наконец, ее программа предусматривала контрпропагандистские цели — «противостоять „злумышленным людям“, которые нарочно рассказывают небывлицы и даже тайно печатают обманные и возмутительные листки и книжки, чтобы распространять в народе смуту».

Появление в стране партий заставило редакцию перестроить свою работу. При газете в 1906 г., по замыслу председателя Совета министров С. Ю. Витте и министра внутренних дел П. Н. Дурново, был организован особый отдел по изданию брошюр — «народных книжек», «посвященных всецело пропаганде здоровых политических взглядов и опровержений лживых учений противоправительственных партий». На это ассигновалось до 60 тыс.

руб. Эти «народные книжки» объемом до 50 страниц выходили тиражом 10 тыс. экземпляров и стоили копейку.

Издание «Сельского вестника» — газеты для народа стало заботой забот правительства, в первую очередь МВД. Уже ее первые номера подверглись подробному рассмотрению. Учитывая характер аудитории, для годовых подписчиков редакция стала бесплатно рассылать приложения: «Календарь и справочная книжка», ежемесячно — книжки для народного чтения «Бог помочь» и др. Содержательная модель «Сельского вестника» неоднократно корректировалась. В ходе реформирования сети официальной печати в 1905 г. он был превращен по замыслу власти в самостоятельную, якобы независимую от министерств, популярную, е ж е д н е в н у ю с н о в о г о (1906) года газету, рассчитанную на крестьян; стал строиться «по более широкой программе» «на началах, соответствующих современным требованиям крестьянского населения Империи». Переход на новую периодичность, несмотря на существенную материальную поддержку, привел к падению тиража газеты. В 1905 г. «Сельский вестник» имел около 117 тыс. подписчиков и 15 400 экземпляров бесплатной рассылки, позднее его тираж составлял: в 1909 г. — 57 тыс., в 1913 г. — 59 тыс. экземпляров.

Так или иначе, «Сельский вестник» значительно расширял сферу информирования правительством населения страны. В тех условиях — недостаточной грамотности крестьян, их непревычки к регулярному чтению, нехватки у них времени на чтение газеты и денег на ее покупку — «Сельский вестник» способствовал постепенному формированию аудитории печати на местах. «При разговоре с мужиками... — отмечалось в 1902 г. в «Книжном вестнике», — постоянно приходилось слышать один и тот же ответ: „Вовсе почитать нечего. „Сельский вестник“ чуть не наизусть выучишь... Хорошего достать негде“». «Я получаю через волостное правление „Сельский вестник“, выписанный на свои скудные средства, а более нечего...», — заявлял в 1904 г. один из крестьян Владимирской губернии. Крестьяне сохраняли номера газеты, иногда в виде годовой подшивки.

Провинциальная официальная печать: губернские ведомости. В системе официальной журналистики страны большое значе-

ние имела провинциальная печать, которая к началу XX в. представляла собой развитую сеть губернских и епархиальных ведомостей.

История губернских ведомостей начиналась в 1830-е годы. Первые издания этого типа возникли в Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской губерниях. Осознав важность местной официальной печати, власть приняла решение издавать такие газеты во всех губерниях. Губернские ведомости всегда находились под бдительным оком правительства и Главного управления по делам печати, но их программа подвергалась уточнениям и некоторой модернизации в 1865, 1871, 1876 гг.

Газета в соответствии с программой состояла из двух частей — официальной и неофициальной. Официальная часть выполняла функции связи между правительственными учреждениями, информирования об их деятельности через публикацию документов как правительства, так и местной администрации (указы, циркуляры, распоряжения, постановления, сведения о присвоении чинов, о награждениях, о розыске и т. д.). Эта часть газеты не имела комментированной информации. Неофициальная часть, появление которой в губернском издании было санкционировано правительством с 1 января 1841 г., собственно и была первым, хотя и официальным типом провинциальной, местной газеты. Она несла читателю дозированную властью информацию по-разному в разное время.

Сама программа губернских ведомостей изначально была составлена так, что не давала возможности редакции представить читателю широкий диапазон информации в неофициальной части газеты. Редакция, «сообразуясь с характером и направлением „Правительственного вестника“», могла публиковать «сведения, относящиеся к местности», о сельском хозяйстве, урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, судоходстве; географические, археологические, статистические, исторические, топографические, этнографические материалы и др.; сообщения из уездов; рекламную информацию — о рыночных и справочных ценах, «о выданных привилегиях на изобетение, о состоявшихся торговых и других обществах» и др.; некрологи.

В провинциальной газете не могли появляться произведения беллетристики, «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические, перепечатки из частных изданий известий и слухов о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания».

Однако роль этого типа издания в жизни провинции России 1860–1890-х годов, становлении ее культуры была значительной. «Работа в „Губернских ведомостях“ в ту пору имела совершенно специфическое значение как важный вид общественного служения и привлекала лучших представителей местной прогрессивной и демократической интеллигенции», — утверждает историк литературы М. К. Азадовский. Историк журналистики Ю. А. Мишанин пришел к выводу, что в подавляющем большинстве губернских центров России на долю ведомостей «выпала задача приучить к чтению прессы самые отдаленные, глухие уголки российской провинции. В этом их культурно-историческое значение». На страницах неофициальной части губернских ведомостей, объединивших вокруг себя лучшие силы местной культуры, нашло отражение громадное количество краеведческого материала.

Повсеместно в губернских ведомостях постепенно шло расширение их проблемно-тематического комплекса, диапазона их информации, что часто зависело от политической атмосферы в стране, от индивидуальности редактора-издателя, от профессионализма редакционных сотрудников, от сложившихся отношений с местной губернской властью. Нередко на практике, когда неофициальная часть ведомостей редактировалась творческой личностью, ее проблемно-тематический комплекс обогащался и становился привлекательным для читателя. Так было:

— с «Нижегородскими губернскими ведомостями» при редакторах П. И. Мельникове (1845–1850), А. С. Гацисском (1862–1866), М. В. Овчинникове (1884–1889), который разделил официальную и неофициальную часть ведомостей в 1884 г.;

— с «Рязанскими губернскими ведомостями» начала 1860-х годов при редакторе Ф. Т. Смирнове, создавшем сеть местных

корреспондентов и с их помощью расширившем диапазон информации, когда неофициальная часть газеты достигла своего расцвета;

— с «Пензенскими губернскими ведомостями» при редакторах М. В. Сурине (1868–1871) и Н. Н. Пантелеевском (1873–1878), когда газета стала выходить ежедневно;

— с «Саратовскими губернскими ведомостями» при редакторах А. И. Соколове (1879–1880-е), Н. Ф. Хованском (1888–1892), когда издание приобрело значение народной газеты, в котором участвовали и селяне, печатались рассказы из народной жизни и др.;

— со «Ставропольскими губернскими ведомостями» при И. В. Бентковском, подписывавшем отделившуюся по его инициативе их неофициальную часть с 1875 по 1889 г., при котором эта газета достигла расцвета и приблизилась по типу к общественно-литературным изданиям;

— с «Терскими ведомостями» при редакторах Н. А. Благовещенском (1880–1889) и Е. Д. Максимове (1889–1893), расширившим программу этого официального органа.

Такие перемены с неофициальной частью губернских ведомостей не остались незамеченными внимательными читателями. Генерал Г. Е. Канаев в воспоминаниях замечает о «Томских губернских ведомостях» 1860-х годах, что эта их часть могла пойти «за настоящую как бы частную газету. Публика заметила появление оригинального провинциального органа печати и стала его читать...».

К началу XX в. губернские ведомости становятся неотъемлемой частью общественной и культурной жизни провинции. Ее неофициальная часть нередко де-факто превращается в самостоятельное издание.

Так, в 1890-е годы губернаторы П. Г. Погодин и Д. Г. Арсеньев провели коренное преобразование «Пермских губернских ведомостей». Их неофициальная часть с 5 июля 1894 г. стала выходить отдельно и с подзаголовком «Общественно-литературная, политическая и экономическая газета», формат которой был приближен к столичным ведомостям. Одно время она выходила

ежедневно. У редакции появились собственные корреспонденты. К сотрудничеству в газете были привлечены местные литераторы и поэты. Наконец, с 16 июля 1908 г. неофициальная часть газеты стала называться «Пермские ведомости».

Такого рода пример дает и история печати Уфимского края. В июне 1894 г. местный губернатор обращается в Главное управление по делам печати с просьбой об изменении программы подведомственного ему органа. Предварительно с этой целью им была проведена большая работа: выработана новая программа газеты, в соответствии с ней выпущен, по словам губернатора, «образцовый номер нового издания ведомостей», т. е. создана модель будущей газеты.

Все это было отослано в Главное управление с сопроводительным письмом, где аргументировалась необходимость реализовать предложение: «В Уфимской губернии единственный печатный орган составляют „Уфимские губернские ведомости“. Программа сих ведомостей столь необширна, а помещаются в ведомостях сведения частного характера так незначительны, что издание ведомостей в существующем их виде не удовлетворяет потребителям общественной жизни...» Новая программа состояла из следующих разделов: 1. Местный дневник. 2. Телеграммы Северного агентства. 3. Отдел общих известий. 4. Разные известия. 5. Местный листок.

Ведомости выходили раз в неделю: из-за этого даже телеграммы Северного телеграфного агентства, выписывавшиеся редакцией, помещались в газете лишь на шестой день после их получения. Поэтому губернатор предлагал выпускать ее ежедневно и с некоторым увеличением цены на нее. Его просьба Главным управлением была удовлетворена, программа утверждена.

Модернизация местного печатного органа была продолжена и дальше. С 15 февраля 1903 г. неофициальная часть «Уфимских губернских ведомостей» стала издаваться как приложение к ним под названием «Уфимские ведомости», а с 1906 г. уже как самостоятельная, «политико-общественная и литературная» газета «Уфимский край», но с обозначением внизу листа: «Неофициальная часть губернских ведомостей». Газета имела расширенную программу, с 1910 г. стала ежедневной.

Тип губернских ведомостей на рубеже веков претерпевает существенные изменения. Вот как это фиксирует свидетель тех лет в 1901 г., говоря о «Симбирских ведомостях»: «В настоящее время „Ведомости“ превращаются в довольно живую местную газету, чутко отзывающуюся на многие вопросы нашей жизни. „Ведомости“ особенно оживились с тех пор, как неофициальная часть их выделилась в самостоятельную газету с особой подпиской. Завела она корреспондентов в разных углах губернии, которые уже не ограничиваются одними банальными описаниями местных „торжеств“ и „освящений“». Эти изменения произошли после того, как в регионе появились два новых провинциальных земских издания.

Как и вся официальная печать, сеть губернских ведомостей страны находилась в кризисе. В 1907 г. их неофициальная часть была превращена в самостоятельную газету. В ходе реформирования правительственной печати, при денежной поддержке ее, по утверждению П. А. Столыпина, удалось основать «во многих провинциальных городах газеты правого направления, которых ранее почти не было», но интенсивный рост частной, коммерческой прессы, особенно после 1905 г., усилил конкуренцию на информационном, менее контролируемом властью рынке. Усилия правительства не давали желаемых результатов. Роль ведомостей в общественно-политической и культурной жизни провинции уменьшилась, но они по-прежнему выполняли функции управления, связи центральной власти с местной.

Официоз по призванию. Эволюция журналистики в XIX в. привела к тому, что произошло падение престижа официальной печати; одновременно появились такие частные издания, которые входили в правительственный лагерь, восполняли его потери на информационном рынке, как бы арендовались властью и претендовали на роль официоза («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Новое время» и др.). Истоки этого типа изданий восходят к началу истории русской журналистики и требуют специального изучения.

Как показал опыт, официальная печать в большей степени была средством управления и информирования, а вот по эффек-

тивности влияния на население она явно уступала частным изданиям. На протяжении XIX в. власть стремилась к расширению охвата информационного пространства страны и сферы воздействия через печать на общество. Об этом свидетельствует понимание ее лучшими представителями ограниченности в этом возможностей официальной журналистики и практика использования в целях правительства частной прессы. Успешным изданием такого рода была газета А. С. Суворина «Новое время» (1868–1917, Санкт-Петербург).

Довольно часто исследователи, становясь на позиции современников газет и журналов этого типа, ставят в вину их редакторам-издателям материальную связь в той или иной степени с правительством, получение от него прямых или скрытых субсидий. Следует, однако, заметить, что такой опыт не является чем-то исключительным только для российской власти. К материальной поддержке печати прибегают при необходимости как предприниматели (к примеру, используя скрытую рекламу), так и властные демократии (например, соблюдая плюрализм информационного процесса, они поддерживают и правые, и левые издания).

В начале XX в. «Новое время» представляло собой всемирно известное издание. На международной арене считалось, что газета Суворина во многом отражает правительственную точку зрения. «Как у нас, так и за границей хорошо известно, — констатировал министр финансов В. Н. Коковцев, — что из всех влиятельных органов печати „Новое время“, хотя и представляет совершенно частное издание, обыкновенно довольно точно отражает взгляды правительственных сфер». В. И. Ленин называл эту газету «неофициальным официозом правительства».

Купленная Сувориным на занятые в 1876 г. у варшавского банкира С. Л. Кроненберга 30 тыс. рублей, она стала центром самого крупного до Первой русской революции 1905 г. издательского предприятия с большим финансовым оборотом, а ее владелец стал миллионером. На пути к успеху Суворин проявил недюжинные способности предпринимателя, финансовую сметку, деловую хватку, понимание конъюнктуры информационного рын-

ка и потребностей аудитории; редакторское и журналистское мастерство. Его газета довольно быстро превратилась в одно из самых читаемых и авторитетных изданий.

В журналистском творческом процессе Суворин выступил как новатор, создав журналистское предприятие, на протяжении долгого времени приносившее стабильный доход и соединившее просветительские и коммерческие цели. Он смог в тех условиях сохранить возможную степень автономности газеты от правительства, поддерживая главные начинания властных структур, показав этим значение журналистики в управлении государством.

М. О. Меньшиков, свидетель последнего десятилетия деятельности Суворина, подчеркивал: «...Очутившись на государственном посту — руководителем самой крупной русской газеты, он понял свои обязанности к родному государству. Он очень больно подстегивал бездарную часть бюрократии, и не одна министерская карьера погасла в капле его едких чернил... Но он же систематически оберегал сколько-нибудь достойную власть, как двигатель какой ни на есть государственности».

«Новое время» было ранним вариантом взаимосвязи печати с властью, было под постоянным обстрелом так называемой прогрессивной интеллигенции и воспринималось ею как рептильное издание, что выразилось в кличке, которую ей дал классик сатиры М. Е. Салтыков-Щедрин, — «Чего изволите?». Все эти эмоциональные оценки современников по истечении XX в. воспринимаются как проявление идейной борьбы. Не вся печать должна была разрушать государство.

«Беспримерная в истории русской печати 36-летняя работа „Нового времени“, — подводил Меньшиков итоги деятельности Суворина, — была живой государственной работой, непрерывным законсовещанием, помогавшим законодательству и часто направлявшим его».

Суворин создал газету, которая более трети века по влиянию на общество была одной из основных в системе печати, а его выросшее издательское предприятие внесло неоценимый вклад в русскую культуру. Выработанный Сувориным тип издания про-

кладывал новые пути в русской журналистике, служил в известной мере образцом для других предпринимателей.

«Новое время» на протяжении всей своей истории оставалось одним из наиболее влиятельных органов в стране. Тираж газеты держался в основном на уровне 60 тыс. экземпляров, в годы революции он снизился до 40 тыс. Однако «Новое время» по-прежнему было одной из самых авторитетных газет в России и за границей.

В этом ее успехе сыграл роль ряд важных факторов. В первую очередь, профессионализм ее издателя-редактора. Еще до покупки «Нового времени», в отличие от многих других предпринимателей, Суворин освоил практически все стороны газетного дела — от рассыльного, корректора до ведущего публициста столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости», где он проработал 12 лет (1862–1874), опубликовал 400 статей, рецензий, фельетонов, рассказов и заметок. Ему была понятна гармония газетного дела, его суть, его механизм. Он строил газету как литературный «парламент», как парламент мнений. Его газета стала, как теперь говорят, информационным продуктом высшего класса. Предприниматель обеспечил свое издательство новейшей полиграфической базой. «Новое время» выходило на 8–16 страницах, текст ее набирался в три цвета, сопровождался иллюстрациями — до 20 и более в номере.

Сам редактор был одним из ведущих публицистов газеты. С 1881 г. вел редакционную колонку «Маленькие письма» (70–100 строк), что стало газетной традицией, хорошо известной читателям. Мастерски выписанные комментарии к злободневным событиям и фактам читались не только обывателем, но и царем, министрами, политиками, деловыми людьми. Публицист имел свое мнение, и оно было весомым, значимым, опиралось на аргументы, с которыми трудно было спорить.

Позиция Суворина и его газеты была самостоятельной и отличалась заботой об интересах России, интересах государства в целом. Публицист-философ В. В. Розанов писал: «Суворин был со страшно зорким глазом, человек с тою особенностью, что он эту зоркость никому не навязывал и скорее держал при себе... Он

слишком много видел на веку людей, положений, страстей, грехов, и видел громадную панораму. Ничему, кроме „целокупной России“, не отдавал души и ума».

Позиция государственника-патриота ярко проявилась в редакторской колонке в период войны с Японией. В это время Суворин модернизировал проблемно-тематический комплекс газеты, даже в ущерб материальной выгоде. Он перестал печатать биржевую информацию, которой обычно отводилось три колонки полосы, сократил число публикаций — литературных, развлекательных, о любимом театре. За счет этого в «Новом времени» расширился военный отдел. Большой резонанс получило его «Маленькое письмо» — комментарий к отчету с заседания военного ведомства (январь 1904 г.). Суворин подчеркивал, что страна начала войну с морской державой, у которой был мощный флот, не имея сама современно оснащенного собственного флота. Это его письмо положило начало целой газетной кампании.

Князь Л. М. Кочубей из Полтавы 2 февраля 1904 г. привез в редакцию Суворину 10 тыс. рублей и предложил организовать при газете центр по сбору пожертвований на развитие флота. 3 февраля редакция получила такую же сумму от бессарабского помещика Г. В. Калмуцкого. «Прекрасное дело пошло, — замечает в «Маленьком письме» 3 февраля Суворин. — Пожертвования на флот принимаются и в конторе „Нового времени“». Призыв «Нового времени» получил деятельную поддержку общества. Опираясь на примеры из военной истории страны, Суворин подчеркивал в «Маленьком письме» от 3 февраля 1904 г.: «Сильный флот — сильная Россия». Он цитировал письмо дворянина В. С. Россоловского: «Пусть воскреснут покоящиеся на дне „Варяг“ и „Кореец“. Давайте соберем миллион рублей. Вношу 10 тысяч рублей». Редактор при этом замечал, что «на усиление флота» жертвуют и крестьяне, и бедняки — «все». Деньги поступали обычно на имя Суворина, и он хорошо понимал, какую ответственность берет на себя, став доверителем общества. Ежедневно его «Маленькие письма» содержали отчет перед аудиторией:

— за 4-е февраля на имя Суворина пришло 47 726 рублей;

— за предыдущие три дня поступило 85 тыс. рублей;

— всего с 3 по 9 февраля собрано 99 188 рублей и 15 800 рублей процентными бумагами...

Кампания газеты адресовалась и к правительству страны. «Русское общество, — замечал Суворин, — приходит на помощь правительству и ждет от него отклика — вот что важно. Ответственное и народное чутье сказывается в этих пожертвованиях, что нам надо сделаться морской державою — вот что чрезвычайно серьезно».

В ходе кампании помимо отчетов и «Маленьких писем» была использована и проблемная публицистика. В феврале — марте 1904 г. в «Новом времени» вышел ряд аналитических, обобщающих статей: «Миллиард из копеек» (о народном фонде на строительство броненосца), «Война и финансы», «Наша финансовая готовность к войне» и др. В них говорилось не только о патриотическом энтузиазме общества, включившегося в строительство флота, но и о деятельности власти по материальному обеспечению военных действий, внушалась мысль о том, что у России есть на это средства: «За 11 лет Витте создал финансы, которые могут выдержать любые испытания. При нем золотой запас удвоился и составил 1845 млн. рублей».

В итоге газетной кампании к 1905 г. был создан Комитет по усилению военного флота во главе с Великим князем Александром Михайловичем, затем были организованы общественные комитеты Добровольного флота, помощи раненым и др. Одновременно вышел указ императора, предупреждавший возможные злоупотребления в патриотическом деле и запрещавший денежные поборы с простого народа без согласия рабочих артелей, фабрик и заводов и др. Император посчитал, что нет необходимости затрагивать «коренные основы народного благосостояния». К 1905 г. было собрано на реконструкцию флота более 17 млн. рублей. Этим был дан толчок воссозданию российского флота, его модернизации, проходившей в 1906–1912 гг. В 1912 г. были приняты Закон об Императорском российском флоте и Программа усиленного судостроения 1912–1916 гг.

Газета Суворина ставила и исследовала наиболее актуальные и сложные проблемы времени. В ее проблемно-тематическом

комплексе значительное место занимали вопросы партийного движения, парламентаризма, деятельности Государственной Думы, национальный (иностранческий), имперского национализма, революции и др. «На страницах „Нового времени“ разрабатывались и проводились, проводились и толкались вперед все реальные интересы России, — считал В. В. Розанов. — Это есть главная работа газеты, сущность ее за сорок лет существования. Мало-помалу она сосредоточила вокруг себя весь практический, деловой патриотизм. Газету полюбили вопреки всему, всем крикам, всей травле остального газетного мира».

Партийное движение, интенсивно развивавшееся в начале XX в., получило в «Новом времени» всестороннее и критичное освещение. Публицисты «Нового времени» понимали незрелость партийного движения в стране. Так, Н. Энгельгардт писал: «У нас партии возникли вчера, слагаются сегодня и группировка их происходит совершенно искусственно». Сопоставляя партийные системы Англии и США с партийным движением в России, Суворин видел незрелость последнего в стремлении разрушать государство: за границей отсутствуют антигосударственные партии, там и социалистические не являются таковыми.

Особой критике в газете подвергались партии радикальных по преобразованию общества программ. Редакция выступала против решения проблем страны с помощью революций. Она видела классовую подоплеку такого решения, партийную «защиту классовых интересов» в ущерб другим слоям населения. Она призвала учитывать «общность государственных, нравственных, бытовых и материальных интересов русских помимо политических настроений».

Существенным фактором в успехе «Нового времени» было умение его редактора налаживать связи с управленческими структурами страны, их высшими чиновниками, к примеру, такими государственными деятелями, как С. Ю. Витте, А. В. Кривошеин, П. А. Столыпин, С. И. Тимашев и др. Эти связи Суворина с верхами русской бюрократии носили характер взаимозависимости. Газета читалась царем и царским двором, управленческим аппаратом. Сохранились номера с пометками царя, его рекомендац

ями министрам и другим чиновникам принять к сведению высказывание, точку зрения, предложение редакции «Нового времени». Лестный отзыв газеты о чиновнике мог упрочить его служебное положение, способствовать продвижению его карьеры и т. д. Поэтому многие министры, чины высших государственных постов старались произвести собой на Суворина благоприятное впечатление. По словам В. В. Розанова, «совершенно легально и не подвергаясь ни малейшему риску, газета такого положения, как „Новое время“, может наделять величайших неприятностей всякому ведомству и отравить министру час его цветения».

Добившись такого положения «Нового времени» в обществе, Суворин сумел извлечь из него выгоду и для себя, и для газеты. Вот почему его издательское дело имело целый ряд льгот и выгод:

— наиболее крупные барыши приносило предоставленное властью Суворину почти монопольное право торговли печатной продукцией и ее распространения на станциях казенных железных дорог;

— министерства и ведомства рекомендовали казенным и частным учреждениям и предприятиям помещать в «Новом времени» различного рода обязательные платные объявления;

— Суворину предоставлялись амбициозные заказы, повышавшие авторитет его предприятия. Издание таких справочных книг, как «Весь Петербург», «Вся Россия», могло состояться при помощи в первом случае градоначальника Петербурга, во втором — министерств внутренних дел и финансов. Следует отметить, что Суворин, выпуская книги этого типа, нес убытки, которые ежегодно составляли десятки тысяч рублей. Но эти расходы покрывались с помощью заинтересованных учреждений, а сами книги повышали авторитет всего дела Суворина;

— используя авторитет «Нового времени», многие его сотрудники получали дополнительные доходы, выгодные места в финансовых структурах страны. Один из ближайших соратников Суворина публицист В. П. Буренин вошел в правление Волжско-Камского коммерческого банка. Н. В. Снесарев, секретарь редакции, одновременно состоял на службе в американском обществе «Вестингауз» и участвовал в скандальных махинациях во-

круг учреждения одноименного банка и проведения в столице трамвая.

Однако, пожалуй, самой существенной для газеты выгодой от этой связи с властью было получение редакцией от управленческих структур разнообразной, оперативной, эксклюзивной и конфиденциальной информации.

Связи Суворина с управлением страной были трех видов: открытые, скрытые и секретные, известные лишь предпринимателю. В числе последних, как это открылось уже в советское время — в 1920–1923 гг., была привилегия, предоставленная Суворину на публикацию всей информации Государственного банка, Министерства финансов (отчеты, котировки, распоряжения, циркуляры и др.). Эта монополия позволяла редакции диктовать банкам, которые периодически отчитывались о деятельности в печати, цены на объявления. В то же время публикация такой информации повышала доверие к газете представителей бизнеса и власти, вообще внимательных читателей.

Не менее значительным фактором в становлении газеты «Нового времени» было умение А. С. Суворина создать ансамбль деспособных, творческих сил. Редакционный коллектив нововременцев к началу XX в. был выпестован его заботами. Редактор, бывший журналистом, хорошо представлял, кто нужен для газеты. Рассматривая газету не как «собрание истин», а как «собрание мнений», он стремился «больше давать свободы личному мнению», предлагал сотрудникам «не навязывать своего взгляда». Суворин предпочитал заботиться, по его признанию, «главным образом о литературной форме», поэтому «много работал над чужими статьями», говорил «с сотрудниками по целым часам, но не столько об их статьях, сколько по их поводу».

Издатель и редактор «Нового времени» обладал чутьем на таланты. Об этом свидетельствует то, что он фактически дал путевку в большую литературу А. П. Чехову, с которым он не только сотрудничал, но и дружил. Чехов с присущей ему скромностью писал о Суворине 2 января 1889 г. поэту А. Н. Плещееву: «Этот человек относительно меня очень сильно заблуждается. Он готов ставить и печатать все, что только вздумалось бы

написать. У него азартная страсть ко всякого рода талантам, и каждый талант он видит не иначе как только в увеличенном виде. Уверяю Вас, что это так. Если бы его воля, то он построил бы хрустальный дворец и поселил бы в нем всех прозаиков, драматургов, поэтов и актрис».

Поработавший ряд лет в «Новом времени» секретарем редакции Н. В. Снеессарев, разошедшийся с газетой и выпустивший «разоблачительную книгу» о ней, отдавал ее редактору должное: «Главным талантом Алексея Сергеевича Суворина, более важным для газеты, чем его литературный талант, была его особенная способность делать журналистов. Именно делать, а не только отыскивать» (курсив наш. — Г. Ж.).

В редакции были собраны профессионалы, специалисты с определенным амплуа, тематикой. В течение всей истории «Нового времени» в нем работал известный публицист, сатирик и литературный критик Виктор Петрович Буренин (1841–1926. Владимир Монументов, Граф Алексис Жасминов и т. д.). В. А. Амфитеатров считал, что «Буренин шестидесятых годов — единственный сильный поэт, порожденный этою эпохою», выступавший в сатирическом журнале «Искра» в самом ее расцвете. Долгие годы он был ближайшим помощником Суворина по изданию «Нового времени» и заглавным публицистом этой газеты. Буренин обладал язвительным пером, доставлявшим критикуемым немало хлопот, так же, как и самому обличителю. Суворин в 1907 г. замечал в дневнике: «...Он действительно добрый человек. Злой в критике, но необыкновенно добрый и деликатный человек в жизни. Я много раз это испытал». Когда М. Горького, Суворина и П. И. Вейнберга выдвинули на избрание в академики, Алексей Сергеевич писал в 1902 г.: «Зачем я? Я журналист, не художник, не критик. Следовало давно выбрать Буренина». Так он ценил своего товарища.

Суворин привлек к сотрудничеству в «Новом времени» А. В. Амфитеатрова (1862–1938), ставшего с его помощью ведущим публицистом газеты. В начале столетия Амфитеатров выдвинулся в ряды наиболее популярных литераторов, получавших высокий гонорар, входивших в первую десятку наиболее читаемых авторов в России.

В числе возвращенных Сувориным сотрудников «Нового времени» были Юрий Беляев, Леонид Попов (Эльпе), Василий Розанов, Александр Столыпин, Николай Энгельгардт. В газете сотрудничали Александр Чехов, С. А. Венгеров, один из наиболее популярных литераторов тех лет И. Н. Потапенко, который с 1896 г. выступал в газете с воскресными фельетонами, литературными и музыкальными рецензиями под псевдонимом Фингал.

XX век в карьере Суворина-редактора начинался неудачно. В 1899 г. министр внутренних дел П. Л. Горемыкин с помощью полиции расправился с волнениями студентов: одна их часть была избита, другая брошена без суда и следствия в тюрьмы. В обществе царило возмущение такой расправой. Интеллигенция поддерживала студенчество. Многие профессора в знак протеста оставили кафедры. Суворин выступил с комментарием этих событий в «Маленьком письме», подчеркивая, что не дело студентов бунтовать, их дело учиться и они должны покориться государю. На другой день после выхода в свет этого комментария император издал указ о прекращении газетной полемики по студенческому вопросу. Прогрессивные журналисты обвинили Суворина в угодничестве по отношению к власти, связав его выступление в газете с появлением указа. Алексей Сергеевич безуспешно пытался всеми силами, вплоть до обращения в суд чести, снять с себя этот навет.

В редакции в связи с этими событиями произошел конфликт. Часть сотрудников ушла в создававшуюся тогда газету «Россия». Казалось бы, редакция «Нового времени» понесла существенные потери.

Однако Суворин извлек из коллектива новые резервы, предоставил им больший простор для творчества, смог найти и привлечь новых сотрудников. В их числе в первую очередь надо назвать Михаила Осиповича Меньшикова. Вот что писал в 1916 г. В. В. Розанов: «Одной из важнейших его услуг перед Отечеством было то, что он быстро и верно оценил особые и исключительные политические дарования, „общий дух“ и золотое перо Меньшикова. При неудаче Меньшиков мог бы вечно прозябать на розовых страницах наивных „Книжек недели“ Гайд Гайдебурова: при-

званный в „Новое время“, он быстро, почти моментально развернулся в громадный государственный ум, зрелый, спокойный, неутомимый, стойкий, „не взирающий ни на что“, кроме Отечества и его реальных нужд, и подающий советы, решения, „входы“ и „выходы“ от А до У».

Судьба официального публициста. Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918)— один из наиболее известных и талантливых русских публицистов конца XIX — начала XX вв., наиболее влиятельный публицист официального лагеря¹. «Кроме Меньшикова трудно назвать другого русского литератора, — писал в 2003 г. известный историк литературы и философ Вадим Кожин, — который бы так полно и объективно запечатлел в своем творчестве бытие России последних двух десятилетий перед революцией 1917 г.».

Судьба Меньшикова закончилась трагично. Он был расстрелян на Валдайской возвышенности в 1918 г. как контрреволюционный публицист, «верный сторожевой пес царской черной сотни», как его в полемическом исступлении назвал В. И. Ленин.

Творческую деятельность Меньшиков начал в конце 1870-х годов, публикуясь в «Кронштадтском вестнике», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе». С 1892 г. он сотрудничает в газете «Неделя» и «Книжках „Недели“», был секретарем их редакции, публицистом. Его статьи были посвящены моральным вопросам, отношениям между людьми, к природе, труду, здоровью — физическому и нравственному.

В 1894 г. в «Неделе» (№ 3–7) печатался цикл статей Меньшикова «Думы о счастье». Дважды, в 1898 и 1901 гг., они выйдут в виде книги. В них автор ставит проблему органически цельной культуры, близкой к природе и Богу, связанной с сельским трудом, трудом на земле. Меньшиков критически противопоставляет ей городскую цивилизацию.

В 1985 г. в «Книжках „Недели“» (№ 2) появляется его статья «Смысл свободы», имеющая принципиальное значение в пони-

¹ Останавливаемся несколько подробнее на судьбе этого публициста, поскольку в учебной литературе по журналистике М. О. Меньшиков почти совсем не представлен.

мании позиции публициста. В ней сделан упор на то, что «язва нигилизма обезобразила прекрасные черты свободы и заставила отшатнуться от нее». Статья оказалась созвучной размышлениям Л. Н. Толстого, который писал Михаилу Осиповичу: «Читал собравшимся вашу прекрасную статью... и очень хвалил». Уже в начале профессиональной работы Меньшикова писатель заметил его газетно-журнальные выступления, что сыграло важную роль в становлении Меньшикова как публициста. 1890-е годы были для него годами духовно-нравственного поиска, и он увлекался идеями и взглядами Толстого. «Читая Толстого, имея высоко ценимое мною счастье беседовать иногда с ним, я чувствовал самым реальным образом, что делаюсь лучше, свежее, благороднее, насколько вообще я на это способен, — признавался в 1904 г. Михаил Осипович. — Думаю, что под безотчетным влиянием этого мыслителя я написал свои лучшие статьи и книги».

Большой резонанс у читателей получил цикл статей Меньшикова в «Книжках „Недели“» 1896 г. (№ 4 и 5) «Ошибки страха», хорошо уясняющие, по словам Толстого, принцип «непротivления злу». После выхода третьей статьи этого цикла журнал «Книжки „Недели“» получил от цензурного ведомства предостережение, а его редактору В. П. Гайдебурову было предписано отказаться от сотрудничества с Меньшиковым.

С апреля 1901 по март 1917 г. Меньшиков является ведущим публицистом «Нового времени», выступает в газете по самым острым и злободневным вопросам. Его статьи носили аналитический и проблемный характер, приглашали к дискуссии и раздумьям. Творчество Михаила Осиповича становится в эпицентр общественного внимания. Особый интерес вызывали его публикации под постоянной рубрикой «Письма к ближним», которую он вел в «Новом времени» 16 лет. В этой газете только за десять лет, с 1907 г. по 1917 г., было опубликовано 292 статьи, обзора, рецензии, в том числе 152 «письма».

«Письма к ближним» — сознательно выбранное публицистом название для циклов своих произведений. Под ним же они собиравались как особое издание: сначала в виде ежемесячных журнальных книжек, затем в виде ежегодников. Состоялось 16 выпу-

сков. Вообще же вышло в свет более тысячи его «Писем к ближним». Это был тип своеобразного дневника: жанр, опирающийся на древнерусскую духовную эпистолярную традицию, рассчитанный на душевный, откровенный разговор. Его адрес — ближние, что обязывало автора ко многому.

«Кто ближний мой?» — задавался вопросом автор в «письме» «Буква „S“, перебежавшая океан» о первом сеансе радиосвязи между Европой и Америкой. Этот вопрос заставляет поразмыслить: способствует ли прогресс цивилизации человеческой связи? «„Ближний“ — значит родной, но чувство родства неудержимо падает в современном обществе, — отмечает публицист, — и в охлажденной, рассеянной семье, и в государстве».

«Лихорадочная забота о путях сообщения, как в век римского упадка, похожа на поиски потерянных ближних, на жажду все более и более тесного, непрерывного соединения — всех со всеми. Но иногда хочется сказать: „Полно, господа, расстояние ли разъединяет людей?“ Можно стоять рядом и быть в то же время бесконечно далеко. Помните: „Шел священник и прошел мимо“, „подошел левит, посмотрел и прошел мимо“. Раз потеряна способность „увидеть и сжалиться“ — нет ближнего, и как будто двух людей, стоящих рядом, разделяют океаны и материки». Меньшиков создавал письма как связь с ближними.

Однако происходившие на мировой арене исторические события, в первую очередь война Японии с Россией, и их осмысление в творчестве; углубление процесса политизации общества, кризиса в его социальной и духовной жизни — всё это привело к тому, что публицист «Нового времени» твердо встал на позиции государственника. Ему казалось, что Россия катится к краху.

В 1904 г. в «Письмах к ближним» выходит его статья «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин». Она строится на сопоставлении отношения к войне этих выдающихся деятелей русской культуры: «Три великих имени, три измерения духа русского, три знаменитости, признанные во всем свете. Все трое, встревоженные громом войны, откликнулись на нее громко и каждый по-своему». Публицист оперирует такими фактами, как «живая драма, не написанная, а пережитая» художником В. В. Верещагиным; по-

явление «огромной статьи» Толстого «Одумайтесь!» в “Times”, которую он не называет и не цитирует напрямую по цензурным условиям, но по некоторым фразам в тексте ясно, что речь идет о ней, и статьи «Заветные мысли» Д. И. Менделеева.

«Не знаменательно ли, — ставит проблему публицист, — что люди одного и того же древнего поколения, одного века, почти сверстники, отнеслись к войне полярно-противоположно?»

С восхищением он описывает мужественное поведение на войне художника-баталиста Верещагина, палитра которого составила ему славу «врага войны». Но погиб он трагически — «добился смерти, прямо кошмарной по ужасу: от взрыва, огня и морской пучины одновременно».

Автор умело вводит в сравнение с ним фигуру Л. Н. Толстого как «врага войны». «Непоколебимо веруя в основное благородство этого великого человека, — признается публицист, — я не могу оспаривать его иначе, как с глубокой почтительностью. Но есть пункты в учении Толстого, с которыми я никогда согласиться не мог. *Amicus Plato? Sed vagis amica veritas* («Платон — друг, но истина — большой друг»). «Как и многим пророкам и мудрецам, Толстому... — заявляет Меньшиков, — недостает того непосредственного постижения вещей, которое утаено от мудрых и открыто младенцам».

Публицист обвиняет Толстого «в глубоком презрении к человеческому роду, такому, каков он есть, к его бесконечной ткани государств, религий, установлений, к его пестро-узорному труду, к его промышленности и торговле, к науке и искусству, ко всему, что тешит бедное человеческое сердце. Отсюда же одновременно отрицание брака, создающего людей, и отрицание войны, уничтожающей их». «С этими крайними отрицаниями мне, — заявляет Меньшиков, — согласиться трудно». Толстой обвиняется им в умственной анархии, а его учение он называет анархическим.

У читателя, по замыслу автора статьи, начинает вырабатываться установка на то, как надо относиться к войне: не как Толстой — отрицатель ее, а как Верещагин, трагически погибший на боевом посту, к судьбе которого сочувствие естественно возникает у каждого.

Далее в статье дано сопоставление Толстого с Менделеевым, который как раз в отношении к войне «диаметрально противоположен» ему: «Вот природа русская, как она есть, вот вера естественная, внушенная не книгами, а самой жизнью». У Менделеева, ставшего тогда публицистом, автор находит «почти простонародное политическое мирозерцание», по которому ученый «стоит за мир, но, чтобы отстоять мир, он не видит иного способа, как тот, который принят во всей природе: действие с одной стороны должно быть уравновешено противодействием с другой. Против силы должна быть выставлена непременно сила же. Настоящую войну он считает не только вероломной со стороны Японии, но и неизбежной...»

Таким образом, читатель такой известной газеты, как «Новое время», при всех красивых и прекрасных отступлениях о великом и хорошем Толстом на конкретном сравнении трех деятелей русской культуры получает модель единственно верного выбора: не слушать призывы Толстого против войны, внимать словам публициста Менделеева, а за образец брать поведение Верещагина. По Меньшикову, Толстой как философ слишком далек от жизни, даже оторван от нее и живет собой.

Начиная с этого произведения одним из направлений публицистики Меньшикова становится нейтрализация влияния Толстого на общество. Их личные отношения прерываются. Но по-прежнему между ними оставалась невидимая временная связь. Они по-прежнему следили за творчеством друг друга.

Позиция Толстого лаконично выражена писателем в письме от 14 сентября 1905 г. великому князю Николаю Михайловичу Романову: «Я — человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом». Меньшиков в этом смысле был полным антиподом Толстого. Он прямо заявлял: «При всей сложности моей натуры я, кажется, более государственный, чем революционер, ибо при двукратном выступлении революции — в 1881 и 1905 гг. — я безотчетно становился на сторону государства... Я убежден, что ничто так не развращает народ и не революционизирует его в большей степени, чем безнаказанность зла в представителях самой власти. Вся

подлая часть народа получает при этом неслыханную поддержку, соблазн и оправдание. Вся благородная часть народа получает глубокое оскорбление».

Имя Толстого все чаще встречается на страницах его дневника «Письма к ближним» и в статьях газеты с критическим оттенком, а для наглядности в сопоставлении с разного плана и масштаба известными историческими лицами. Так, в памфлете Меньшикова «Два пророка» (1907) дано сравнение пророков Моисея и Толстого, но основным и, главным образом, негативным героем его является именно Толстой.

В год 80-летия Л. Н. Толстого, несмотря на протесты юбиляра, общественность чествует великого русского писателя и мыслителя.

22–25 июня в Петербурге состоялся первый профессиональный съезд журналистов России — так он был назван журналом «Журналист» в 1914 г. На нем присутствовало 133 (50 непетербургских) представителя 89 повременных изданий. На съезд для наблюдения был командирован градоначальником особый чиновник.

Основным вопросами съезда, по формулировке отчета из «Вестника Европы», написанного К. К. Арсеньевым по горячим следам события, были: «как самой печати наиболее достойно почтить день 80-летия Л. Н. Толстого и какая задача лежит на русской печати в смысле указания наилучших способов повсеместного ознаменования этого радостного для России дня, без нарушения воли великого писателя». Форум высказался за создание фонда на дом-музей им. Л. Н. Толстого.

Ссылаясь на опыт Англии, где чествуется Шекспир, Германии, где существует культ Гете, публицист и историк В. Я. Богучарский в обстоятельном докладе подчеркнул, что в России есть равновеликий им Л. Н. Толстой, и «на обществе лежит обязанность увековечить за поколениями настоящими и грядущими те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого».

Литераторы и журналисты, посвятив съезд великому писателю, показали обществу, в котором светская и духовная власти стремились остановить чествование Толстого, какое значение

они придадут тому, что было сделано для России Толстым, какую огромную роль играет его Слово для России и всего мира.

На фоне всего этого, возражая против чествования журналистами Толстого, М. О. Меньшиков решился дискредитировать его публицистическую и журналистскую деятельность. Основным поводом к этому послужило эссе писателя «Не могу молчать!» — протест против казней, прозвучавший летом 1908 г. на весь мир. Пройти мимо такого выступления Толстого Меньшиков по статусу официального публициста не мог. Он попытался снизить эффект публицистического слова великого писателя на мировое общественное мнение.

В «Новом времени» печатаются одна за другой его статьи: «Лев Толстой, как журналист» (11 июля), «Толстой и власть» (10 августа). Конечно, Меньшиков хорошо понимал, какую обиду он наносит Толстому, когда в первой статье характеризует его шедевр «Не могу молчать!» как «просто слабо написанную, не волнующую, не убедительную статью». Мало того, вопреки фактам, он делает следующий обобщающий вывод: «Самый плохой сорт писаний великого беллетриста — его газетная публицистика. Тут он почти никогда не выше посредственности, часто ниже ее. О таланте Толстого в этой области не может быть и речи».

Во второй статье Меньшиков пытается объяснить, почему в созданных условиях власть вынуждена прибегать к жестоким мерам, почему он ее защищает от нападок Толстого. «Когда революционеры ополчаются на правительство, — замечает он, — образованное общество может оставаться более или менее равнодушным. Что такое революционеры? В подавляющем большинстве это не слишком внушительный народ... Пока на правительство восстает вот эта слабость, образованный круг может сохранять сочувственный власти нейтралитет». Другое дело, когда на эту стезю встает Толстой и когда он «выступает не против таких-то и таких-то чиновников, а вообще против учреждения власти, сложившейся в веках, т. е. составляющей факт природы. Тут мы, люди культуры, невольно выходим из своего равнодушия. Здесь перед нами разворачивается зрелище грандиозное, почти траги-

ческое. Здесь каждый должен определенно выяснить — перед совестью своей, — на чьей он стороне».

Меньшиков полемизирует со взглядами Толстого на государство. Он считает, что есть «общечеловеческие, обязательные для всех правительств» «законы самой природы», «установления человеческие, столь долговременные и прочные, как собственность, торговля, власть, деньги и пр.». В части статьи, названной по-прокурорски обвинительно «Подговор к насилию», явно навеянной крестьянскими выступлениями 1905–1907 гг., Меньшиков останавливается на требовании Толстого уничтожить частную земельную собственность. «Этого хочет будто бы весь народ, это будто бы „вечное и справедливое требование всего народа“, это будто бы идеал народный. Говорю „будто бы“, потому что в действительности, конечно, нет ничего подобного».

В конце статьи Меньшиков даже делает упрек Толстому: проповедуя отказ от земельной собственности, сам-то он от нее не отказался.

Своим выступлением публицист, можно сказать, вызвал огонь на себя. Протест против его точки зрения был выражен в выступлениях многих видных деятелей русской культуры. Известный литератор и общественный деятель К. К. Арсеньев назвал публикацию Меньшикова «длинным вздорным фельетоном». Во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» он дал достойную отповедь журналисту «Нового времени». «Появясь в самый разгар эпидемии смертных казней, статья Л. Н. Толстого „Не могу молчать“ должна была произвести — и действительно произвела — потрясающее впечатление, даже в том неполном виде, в каком она воспроизведена русской печатью», — подчеркивал Арсеньев. «Нужен большой запас черствости, чтобы не испытать на себе этого действия, — иронизировал он по поводу выступления Меньшикова, не называя его имени, а отсылая читателя к статье из № 11614 «Нового времени», — и еще больший запас... бесцеремонности, чтобы сделать попытку ослабить или уничтожить его в других».

Новым поводом полемики с взглядами Толстого для Меньшикова стал уход 23 декабря 1908 г. из земной жизни Иоанна

Кронштадтского. Обе статьи, посвященные святителю, — «Памяти святого пастыря» (23 дек.) и «Завещание отца Иоанна» (25 дек.) — публицист построит на сопоставлении двух великих современников Иоанна Кронштадтского и Льва Толстого. Созданы они вдохновенным пером. Автор, явно симпатизируя отцу Иоанну, поднимает в них большие проблемы цивилизации. Провожая в мир иной известного духовного пастыря, Меньшиков подчеркивает, что Иоанн Кронштадтский «мужественно выступил против нашей революции и в церковных проповедях», ссылаясь на «знаменитую 13-ю главу послания к Римлянам, напоминал власти ее „долг подавлять смуту“».

В первой статье Меньшиков подчеркивает: «Только „святой“ объемот все воображение народное, всю любовь — и особенно восторженную любовь наиболее любящей половины нации — женщин. За эти тридцать лет ни один человек в России не сосредоточивал на себе такого всеобщего поклонения, как „кронштадтский батюшка“. Сколь ни громадна слава гр. Л. Н. Толстого, он подавляющему большинству простонародья неизвестен во все. С именем его не соединено таинственных, заветных чувств, что связывают с „отцом Иоанном“ всякую деревенскую бабу, всякого пастуха, всякого каторжника в рудниках Сибири».

Публицист рассказывает о встречах с отцом Иоанном, о его жизни и деятельности, о его отношении к Богу, к его врагам. За всем повествованием подспудно стоит противопоставление Толстому, поэтому естественно, что конец статьи посвящен именно этому сравнению: «Оба великих сверстника, кронштадтский и яснополянский старцы, полярно противоположные по духу, составляют гордость России, ибо оба выражают с исключительной силой наш национальный гений. Толстой воплотил в себе могущество оторвавшейся от народа аристократии: знатный, богатый, художественно одаренный, Толстой вместил в себя все утверждения и все отрицания мира. Выросший под громадным влиянием Руссо и Шопенгауэра, Толстой доразвился в наитиях Будды и Лаоцзы. Не то отец Иоанн: подобно Ломоносову, он вышел из народа, из глухих северных преданий, из той благочестивой старины, которая осталась в полузабытом прозвище „святая

Русь". Невдалеке от освещающих север, точно полярное сияние, гробниц угодников соловецких отец Иоанн воспринял свое озарение веры, свою глубокую приверженность к непостижимому Богу, свою страсть к Христу и к общению с ним через трогательные обряды, древние, как сам народ, священные, как родное прошлое».

Обратим внимание на последние слова текста, прямо полемизирующие с неприятием со стороны Толстого этого типа общения с Христом. Сопоставление «старцев» получает завершение в лаконичном рефрене уже сказанного: «Бурно мятущийся и гневный Толстой — самое великое, что создала интеллигенция наша. Неподвижный и пламенный в своей вере отец Иоанн — самое великое, что создал простой народ за последние 80 лет». Дальнейшим завершающим обобщением Меньшиков как бы отодвигает фигуру Толстого на второй план: «Отец Иоанн — носитель народной культуры, от Антония и Феодосия Печерских, от Сергия Радонежского до Тихона Задонского и Серафима Саровского. Плоть от благороднейшей плоти народной, кость от костей его, кронштадтский старец не мечтал только о святой Руси, сам нес ее в своем сердце! Вот чем он дорог народу. Вот почему народ сразу признал его своим, как все сразу видят светильник на верху горы».

Во второй статье Меньшиков анализирует деятельность Иоанна Кронштадтского в соответствии с теми «двумя заветами», которые оставил почивший, — благочестие и труд. «Я думаю, — приходит он к выводу, — благочестие, проповедуемое церковью, не только совместимо с гражданской свободой, но составляет необходимое условие последней. Только благочестие обеспечивает свободу, и ничто больше! Только нравственный закон, обуздывающий людей до начала всякого деяния, в самом источнике их — воле — может примирить отдельные свободы, согласить их и уравновесить». Меньшиков рассматривает благочестие как «нравственный регулятор»: «И государственность, и христианство начали обуздывать дикую свободу и преобразовывать ее в культурные, правовые нормы. Одной государственности оказалось недостаточно, так как внешнее насилие ставит пределы,

но не останавливает стремления дикой воли. Необходима была строгая религия, власть над совестью и рассудком, чтобы заставить каждого гражданина быть собственным судьей и стражем закона».

«Принято думать, — замечает публицист, — будто общества падают от тирании и возрождаются от свободы. Но история учит, что судьбу гражданственности решает третье сопутствующее условие — нравственное состояние. И тирания, и свобода одинаково возвышают общество при благочестии его, и одинаково роняют — при нечестии» (курсив наш. — Г. Ж.). Автор статьи ссылается на историю Рима и ислама. Будучи благочестивыми, в начале республики Рим, в начале тирании ислам «возвышались и покоряли народы. Наоборот, разврат цезаризма, как разврат афинской демократии, погубили древний мир».

Статью «Завещание отца Иоанна» завершает явный выпад против Толстого, затрагивающий и прошлое ее автора, от которого он во многом отказался: «В нашей стране Маниловых и Обломовых, в век философии неделания и непротивления, отец Иоанн звал народ русский не к ленивому, а к деятельному благочестию и звал к благородной свободе. Личной религией его был неустанный труд, направленный волей Бога. Пусть примет народ наш ту же веру — и он спасется».

Но король русской публицистики, этой, по его словам, десятой музы, до конца деятельности и жизни пронесет имя Л. Н. Толстого. В «Новом времени» выйдут его статьи: «Две души Л. Н. Толстого» (1909. 23 окт.), «Страдает ли граф Л. Н. Толстой?» (1910. 13 апр.), «Памяти Л. Н. Толстого» (1910. 9 ноября), «Очень сложное самоубийство» (1910. 14 ноября), «Кризис толстовства» (1910. 20 ноября) и др. В них по-прежнему дается высокая оценка Толстого как художника слова, писателя. Статью Меньшикова «Памяти Л. Н. Толстого» архиепископ Никон (Рождественский) назовет панегириком еретику. Толстой, так или иначе, будет влиять на творчество Меньшикова, для которого без Толстого не существовало другого Времени. А задачей публициста, по Меньшикову, является разъяснять «смысл времени, какой самому читателю не всегда постижим и ясен».

Творчество М. О. Меньшикова было разнотемным, многогранным, но и рассказанный здесь сюжет показывает, какого высокого уровня достигла русская газетная публицистика начала XX в. Это был отклик на жгучие проблемы современности. Это была летопись жизни тех лет, сохранившая потомкам ее дыхание.

§ 3. ЧАСТНАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ

Печать страны в течение всей ее истории основывалась властью, хотя почти с начала ее возникновения рядом с официальными изданиями выходили с разрешения власти частные. Развитие капиталистических отношений, информационного рынка способствовало постепенному росту числа и влияния в обществе частной прессы.

В большинстве своем частные издания носили коммерческий характер и были во многом аполитичными, программирующими просветительский характер. Незначительную их часть с некоторой натяжкой можно назвать оппозиционной — насколько позволял цензурный режим (ряд журналов или, например, газета «Русские ведомости»). Начало XX столетия — период становления действительно оппозиционной, политической, партийной журналистики, значение которой в обществе возрастало вместе с обострением в нем атмосферы, ростом конфликтности, противостояния разных социальных групп и сил.

В начале века русская периодическая печать интенсивно развивается. По сравнению с началом века (1074) к 1908 г. число изданий в России удвоилось (2028), а в канун Первой мировой войны почти утроилось (2915). Наблюдается рост провинциальной печати.

В системе журналистики России как результат внутренней политики власти, деятельности цензурного ведомства слабое развитие получил национальный типологический фактор, хотя русское государство всегда было многонациональным. Более близкие к Европе регионы имели прессу на родном языке: Поль-

ша (на конец XIX в.) — 64 издания, Прибалтика — 90, часть Закавказья: 5 — на армянском языке, 5 — на грузинском, некоторые европейские диаспоры: на немецком — 41 издание, на французском — 8.

Существенным качественным типологическим явлением в сети прессы начала века стало увеличение числа газет и тонких, массовых, обычно иллюстрированных журналов, за счет которых журнал как тип издания продолжал конкурировать на информационном рынке с газетой.

Многоликая журналистика. Эпоха господства в обществе русского толстого журнала уходила в прошлое. Среди изданий этого типа наиболее влиятельными в начале XX в. в образованном обществе, среди интеллигенции были «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир Божий» (табл. 2).

Интересную попытку модернизации толстого журнала предпринял В. С. Миролюбов, ставший в 1899 г. редактором предназначавшегося для народного чтения «Журнала для всех». Рассчитывая на провинциального читателя, Миролюбов, сохранив традиционные для толстого журнала отделы и рубрики, значительно — в 5 раз — уменьшил объем журнала. Номер имел менее 80 страниц, правда увеличенного формата. Это позволило его удешевить. Он стоил 1 рубль в год.

Претерпел изменения проблемно-тематический комплекс.

Первоклассная литература (произведения А. П. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна, А. Блока, В. Брюсова и др.), как и в толстом журнале, в «Журнале для всех» доминировала. Одновременно в нем печаталось много научно-популярных статей не только по гуманитарным, но и по естественным наукам; рассказывалось о путешествиях, жизни разных народов и стран, о замечательных людях мира; важное место заняли религиозно-нравственные вопросы. К 1903 г. тираж журнала достиг 80 тыс. экземпляров. Он стал одним из самых распространенных изданий в стране. В 1905 г. Миролюбов поставил свое издание на службу революции. Осенью 1906 г. «Журнал для всех» был закрыт властью.

Таблица 2

Ведущие журналы России 1900–1914 гг.

№ п/п	Издание	Годы	Редактор	Тираж, экз.
1	Русская мысль	1880–1918	В. А. Гольцев — до 1906 г., П. Б. Струве	до 15 тыс.
2	Русское богатство	1876–1917	Н. К. Михайловский — до 1904 г., В. Г. Короленко	до 15 тыс.
3	Вестник Европы	1866–1918	М. М. Стасюлевич — до 1908 г., К. К. Арсеньев	до 6 тыс.
4	Мир Божий	1892–1906	А. И. Богданович	до 16 тыс.
5	Исторический вестник	1880–1917	С. Н. Шубинский — до 1913 г., Б. Б. Глинский	до 10–13 тыс.
6	Журнал для всех	1897–1906	В. С. Миролюбов	от 15 тыс. до 80 тыс. в 1903 г.
7	Современный мир	1906–1918	Н. И. Иорданский	—
8	Сатирикон	1908–1914	А. Т. Аверченко	—
9	Новый сатирикон	1913–1918	А. Т. Аверченко	—

Угасание традиционного толстого журнала было одним из признаков прощания журналистики с литературным процессом. Журналистика обособлялась от него. Это прощание сопровождалось энергичным творческим поиском, вылившимся в Серебряный век русской культуры.

Искусствоведы, историки литературы говорят об эстетическом взрыве, который характеризует эту эпоху. Опорой для такого утверждения служат не столько имена ее крупных деятелей, таких как В. Брюсов, Л. Бакст, А. Бенуа, С. Дягилев, З. Гиппиус и т. д., сколько журналы, которые сейчас объединяют под обложкой символизма и модернизма, — «Мир искусств» (1899–1904), «Весы» (1904–1909), «Золотое руно» (1906–1909), «Аполлон» (1909–1917), «Старые годы» (1907–1917) и др. Эти журналы обычно имели небольшие тиражи (табл. 3). Тираж в 1 тыс. экземпляров рассматривался как успех. В. Я. Брюсов, один из лиде-

ров символизма, писал 22 января С. А. Полякову, будущему редактору журнала «Весы»: «У Нового Пути подписчиков 1217. Каково! ...Сколько раз мы уговаривали Вас издавать журнал. Эти 1217 были бы наши!»

Таблица 3

Журналистика русского символизма

№ п/п	Издание	Годы	Редактор	Тираж, экз.
1	Мир искусства	1899– 1904	С. П. Дягилев, с 1904 г. — А. Н. Бенуа	до 1000
2	Весы	1904– 1909	С. А. Поляков, факт. — В. Я. Брюсов, в 1909 г. — А. Белый	От 670 до 1095
3	Золотое руно	1906– 1909	С. А. Соколов, с 1906 г. — А. А. Курсинский, с 1907 г. — Г. Э. Тастевен	
4	Аполлон	1909–1917	С. К. Маковский	
5	Перевал	1906–1907	С. А. Соколов (12 номеров)	
6	Труды и дни	1912– 1916	Э. К. Метнер (9 номеров)	

Эти новаторские издания отличались не только полемической публицистикой, но и синтезом изображения и слова, содержания и формы. Их творцы стремились «создать свой, принципиально новый тип журнала и книги». Это были эстетические шедевры нашей журналистики, давшие высоко качественный образец этого синтеза тогда, когда еще только активизировался процесс развития изобразительного ряда информационного процесса.

Мало того, интеллигенция, которая создавала и сотрудничала в журналах модернизма и символизма, как ни странно, в своем творчестве опиралась на, как это потом определяют теоретики, организаторскую функцию печати. Вся их деятельность сопровождалась проведением имевших громкий успех выставок, большой лекционной просветительской работой, устройством

публичных чтений. Усилия мирискусников, например, получили признание на Всемирной выставке в Париже, где они завоевали ряд наград.

Говоря об этом опыте, особо следует подчеркнуть интенсивное развитие изобразительного ряда журналистики, эволюция которого у нас не изучена, хотя его роль в современных массмедиа существенна. Выход печати на более свободный информационный рынок, массовизация информационного процесса, появление на рынке информационных потребностей более массовой аудитории, включая женщин (для такой аудитории характерны эмоциональное и чувственное восприятие информации, потребность в образности, картинке); появление на информационном рынке движущегося изображения — синематографа — и его быстрое коммерческое освоение; массовизация типологии журналистики, где значительное место стали занимать иллюстрированные издания; активное внедрение в практику графики, рисунка, фотографии, карикатуры; профессионализация фотодвижения; наконец, очень существенный фактор — бурное развитие рекламы, базирующейся на синтезе информационных средств воздействия на потребителя — всё это свидетельствовало о том, что информационный процесс стал интенсивно одеваться в изобразительный ряд. И это получило отражение в многоликости журналистике России.

Одним из свидетельств уменьшения значения толстых журналов был рост выпуска альманахов — прибежища неудовлетворенных литераторов, куда, по словам А. Блока, можно «сплавить остатки своих произведений и быть отмеченным в газетных и литературных календарях». За 1900–1917 гг. появилось в свет 1103 альманаха — больше, чем за прошлые полвека (973). Обозревая литературные итоги 1907 г., Блок замечал, что «сборники и альманахи затопили книжный рынок и явно должны скоро совсем сменить умирающие „толстые“ журналы».

«Альманахи как бы заменяли собой литературные отделы журналов», — пишет об этой тенденции В. Р. Лейкина-Сквирская, подсчитавшая по указателям, что в 1900–1917 гг. в них участвовал 7061 автор. Форма коллективного сборника, отличающаяся

гибкостью тематики, позволяла целенаправленно представлять новые литературные течения, которыми была так богата культурная жизнь общества начала XX в. Однако в системе русской печати журнал по-прежнему численно превосходил газету. Ди-

Год	Газеты	Журналы
1908	794	1234
1909	854	1319
1910	897	1494
1911	1007	1536
1912	1131	1656
1913	1158	1757
1914	1293	1818

намика типологического развития печати России этого периода (в процентах по отношению к всей периодике) выглядит следующим образом:

Из этих данных видно, что журналы развивались динамичнее газет даже в период расцвета русской журналистики, но общий разовый тираж газет явно превосходил журнальный. Нельзя забывать и состояние аудитории тех лет, привыкшей к чтению журналов. В этом смысле интересен и поучителен опыт первоходца такого типа журнала, как тонкий, иллюстрированный, семейный, — «Нива» (1870–1918) издателя Адольфа Федоровича Маркса.

В юбилейном, выпущенном к 25-летию журнала, номере 1894 г. редакция подчеркивала, что все толстые журналы выступали «под знаменами», занимая «непременно боевую позицию», а на журналиста смотрели «исключительно как на борца». «Так называемые толстые журналы, книжки которых по преимуществу должны были состоять из литературных произведений, точно стыдились этой литературы, называя себя журналами политическими, и старались создать себе направление путем пропаганды консервативных или либеральных идей».

А. Ф. Маркс выступил новатором в журналистике. «О том, что для печатного органа может существовать вполне достойное задач живого слова „направление“ и вне сферы политиче-

ских вопросов, — замечалось в редакционной статье, — не думали вовсе. Никто не решался сказать открыто, что задача проведения в общество чисто семейных, здоровых начал может явиться для журнала „направлением“ одинаково достойным, как и задача проведения тех или других начал политических». Программа журнала с годами совершенствовалась, но фактически почти не менялась на всем протяжении его издания, о чем свидетельствует контент-анализ содержания 18 отделов «Нивы» за первые 30 лет, проведенный в 1902 г. А. Д. Тороповым. Опыт А. Ф. Маркса к началу XX в. стал общим достоянием и был использован в практике предпринимателей России. На рубеже веков «Нива» уже стала культурным достоянием страны и по-прежнему занимала в системе журналистики особое место. С 1880-х годов «Нива» имела самый большой тираж в русской периодике. Творческая и продуктивная работа редакции над содержанием журнала, установлением связей с читателями, распространением издания дала плоды: постоянно росло число его подписчиков и тираж. К 1914 г. тираж «Нивы» достиг 240 тыс. экземпляров.

Кроме того, ежемесячно выходило еще 700 тыс. экземпляров различных приложений «Нивы». Вот почему А. Ф. Маркса назвали фабрикантом читателей.

Уже в пореформенный период наметилась тенденция роста иллюстрированных тонких журналов. За 20 лет — с 1870 по 1889 г. — в Петербурге возникло 29 иллюстрированных журналов, в Москве — 10, провинции — 5. Все они были попытками подражать «Ниве», но оказались недолговечными, и лишь журнал А. Ф. Маркса просуществовал почти полвека. Период революции 1905 г. принес расцвет этому типу издания:

Годы	1856–1874	1882	1904	1905–1907
Тыс. экз.	10	20	65	200

По подсчетам исследователя А. С. Воронкевича, к 1917 г. треть периодики составляли иллюстрированные еженедельники, содержавшие беллетристику, информационные обзоры общественно-политической жизни и как обязательный компонент и самостоятельный жанр — иллюстрацию. Однако все они

уступали по тиражу «Ниве»: «Вокруг света» (1908 г. — 42 тыс.), «Природа и люди», «Огонек», «Искра», «Вестник знания», «Север» (1911 г. — 2 тыс.) и т. д.

Именно в этот период происходит становление типологии еженедельников, отражающей многообразие потребностей массовой аудитории. Они дифференцируются на общественно-литературные, семейные, литературно-художественные, военные, спортивные, театральные, научно-популярные, музыкальные и др. Появление большинства новых изданий было отражением тех изменений, которые тогда происходили в стране. Аграрная политика П. А. Столыпина с выделением крестьян на хутора вызвала к жизни «частные, популярные, иллюстрированные журналы, несущие хозяйственно-практические и просветительские функции»: еженедельные журналы, выходявшие в Москве: с 1907 г. «Нужды деревни» на базе журнала «Хозяин», с 1909 г. «Крестьянское дело» (с 1913 г. — «Колос», затем — «Новый колос»); двухнедельники «Хлебороб» (Харьков, 1907–1917), «Друг земли» (Москва, 1909–1914), «В помощь хозяину» (1912–1914), «Помощь земледельцу» (Вятка, 1912–1914), «Друг пахаря» (Саратов, 1914–1915).

Развитие народного представительства в управлении государством послужило основой для более интенсивного издания земской периодики не всегда достаточно определенного типа, к примеру, губернских земских управ: «Сельскохозяйственный бюллетень» (Пенза, 1911–1913), «Сельскохозяйственно-экономический листок Вологодского земства» (1910–1914), «Сельскохозяйственный бюллетень» (Самара, 1906–1911), «Сельскохозяйственный вестник Новгородского губернского земства» (1913–1917) и др.

Процесс урбанизации получает своеобразное преломление в типологии журналистики. Рост городского населения требовал занятия появившегося у горожан свободного времени, что сказалось на потребности в спорте, игре, забавах и т. п. Это дало толчок становлению спортивной журналистики. Наряду с изданиями, посвященными отдельным видам спорта: «Самокат» (с 1894 г., с 1904 г. «Самокат и мотор», а с 1907 г. — «Автомо-

бильное дело»); «Автомобиль» (с 1901 г.), «Воздухоплаватель» (1905–1917) и др., — стали выходить универсальные журналы «Спорт» (1900–1904, 1908), «Русский спорт» (1909–1919), «К спорту!» (1911–1918). К Первой мировой войне в стране вышло 45 спортивных изданий, в основном журналов. Спортивная информация и хроника прочно вошли в состав проблемно-тематического комплекса большинства типов газет страны: «Русское слово», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Петербургский листок» и др.

Особую часть еженедельников составляли юмористические и сатирические журналы, число которых особенно выросло на волне обличительства периода Первой русской революции, когда в 38 городах России было издано свыше 2500 номеров около 500 наименований сатирических журналов общим тиражом до 40 млн. экземпляров. На этой волне печати вырос и лучший за всю историю страны сатирический журнал. Молодые сотрудники журнала «Стрекоза» в 1907 г. предложили издателю реформировать его. Художнику А. Радакову пришла счастливая мысль назвать будущий журнал «Сатирикон», который вышел в 1908 г. и радовал читателей вплоть до 1918 г. (с 1913 г. — «Новый сатирикон»). С 9-го номера 1908 г. его редактировал талантливый литератор Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925). Благодаря таланту Аверченко и блестящему творческому коллективу, сплотившемуся вокруг него (Тэффи, Саша Черный, П. Потемкин, Н. Ремизов, А. Радаков, А. Бенуа и др.), «Сатирикон» пользовался неизменной популярностью аудитории в течение десяти лет. А. И. Куприн назвал его «чудесной отдушиной, откуда лился свежий воздух».

Период расцвета русской журналистики сопровождался ее типологической демократизацией. Многоликая журналистика была ее следствием. Повышение темпа жизни, рост капиталистической конкуренции заставили аудиторию приступить к освоению более оперативной информации — начался век газет.

Начало эпохи газет. Действительно, в системе печати начала XX в. наиболее влиятельными в общественно-

политической и культурной жизни страны были газеты как основной источник оперативной информации для широкой аудитории. «С каждым годом газета становится все более видной частью нашей литературы, все более важным фактором нашей общественной жизни», — констатировал А. В. Пешехонов в итоге проведенного им в 1900 г. контент-анализа политических газет России. В статье С. Кривенко «Газетное дело и газетные люди», появившейся на страницах журнала «Русская мысль» в 1906 г., очень точно отмечены основные тенденции становления газетной периодики. «Несмотря на цензурные и разные другие неблагоприятные условия, — пишет Кривенко, — газетное дело у нас замечательно быстро растет и развивается»:

— число столичных и в особенности провинциальных газет с каждым годом увеличивается, потому что увеличивается число читателей и растет спрос на газеты, в особенности на газеты дешевые;

— значительная часть больших газет увеличивает формат до размера больших английских и американских газет;

— газеты вводят иллюстрированные и другие приложения;

— начинают попутно выходить дешевые издания («Новости», «Биржевые ведомости», «Сын Отечества», «Слово» и др.), которые расходятся в десятках тысяч экземпляров: «Одна из таких маленьких газет, говорят, расходится теперь в 150 тысяч экземпляров».

Все это, утверждает Кривенко, «указывает на прилив совершенно нового читателя, который прежде газетами не занимался». Газеты стали приспосабливаться «уже на всякую потребу, стараясь больше всего разнообразить содержание»; «уличные листки, с их совершенно особою разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романами, имеют в виду городского полуинтеллигентного читателя, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно». «Газета становится все более и более предметом насущной потребности, — обобщает Кривенко, — не одних только богатых классов и интеллигенции, но и простого народа... Газеты сплошь и

рядом выписываются в складчину и читаются по очереди или вслух целыми группами».

Что же представляла собой тогда общественно-политическая частная газета? Это достаточно основательно и емко раскрывает исследование А. В. Пешехоновым 88 газет: политических, частных, выходивших на русском языке и не менее двух раз в неделю. К ним были отнесены и арендованные частными лицами «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Анализировались газеты от 5 октября 1900 г., в том числе: 21 столичное издание (почти четверть всех), остальные — губернские. В 42 губерниях вообще таких частных газет не было. 26 губерний имели по 1 газете, 11 — по 2, 3 — по 3, в Таврической губернии было 4, в Херсонской — 7. Таким образом, юг России был больше насыщен частными изданиями по сравнению с другими регионами страны, что объясняется спецификой южной аудитории.

Данные, полученные Пешехоновым, позволяют понять модель русской политической газеты начала XX в. Газета имела два отдела — редакционный и издательский. За первый отдел выплачивался гонорар, второй, фактически рекламный, наоборот, его обеспечивал. Он состоял из объявлений, справок, биржевых и торговых известий. Кроме того, рекламный элемент содержали заметки и статьи об официальных и придворных новостях, отчеты с заседаний Думы, земств, суда; обзоры печати, информация о театре, искусстве и спорте и др. Из этого можно сделать вывод, что в политической газете начала XX в. реклама занимала более 40%.

Модель политической газеты России можно представить следующим образом.

Издательский отдел — 42% информации, в том числе: объявления — 34, справки — 6, торговая информация — 2%.

Редакционный отдел — 58%: информация без литературной обработки — 61, литературно обработанная информация — 28, разная информация — 11%.

Содержание редакционного отдела: хроника — 18, международные известия — 14, внутренние известия — 9, отчеты

ты о заседаниях — 9, официальный отдел, придворные известия — 2%; фельетон — 13, фельетонные, беглые заметки на злобу дня — 7, статьи подзаголовочные — 5, передовые статьи — 3%; обзор печати — 4, театр, искусство, спорт — 3, остальное (письма, некрологи, смесь, новости науки, иллюстрации) — 4%.

Модель политической газеты отчетливо демонстрирует, что ее содержание было информационным. 61% его составляла фактография. Кроме того, все из разделов «Разная информация» (11%), а также «Фельетоны, беглые заметки на злобу дня» (7%) носили информационный характер. То, что сейчас считается публицистикой, занимало всего пятую часть (около 20%) газеты. При этом под фельетоном понималось беллетризованное произведение, написанное непринужденно, в легком стиле. Это могла быть информационная статья, байка, очерк, эссе, путешествие и др.

Модель провинциальной газеты существенно не отличалась от столичной. Правда, в последней больше места занимала литературно обработанная информация, отдел фельетонов был в 1,5 раза больше. В провинциальной газете был более развит раздел внутренних известий благодаря публикации местных новостей, что делало провинциальную газету еще более информационной.

Газеты России начала XX в. были массовыми для того времени, а вообще — относительно массовыми, их тиражи редко выходили за 50 тыс. экземпляров. Однако за короткий отрезок времени после Первой русской революции информационный рынок страны увеличился в несколько раз, о чем свидетельствует и рост тиражей газет.

Динамика тиражей наиболее распространенных газет страны отражает, во-первых, падение роли на информационном рынке правительственных и проправительственных, официальных изданий. К 1913 г. в первой десятке тиражных изданий остались искусственная народная газета «Сельский вестник» и неофициальное суворинское «Новое время». Тираж «Церковных ведомостей» поддерживался Св. Синодом на одном уровне — около 40 тыс. экземпляров.

Во-вторых, попытки политических партий, появившихся на общественном горизонте страны накануне и в ходе Первой русской революции, выйти на информационный рынок не увенчались большими достижениями. Наиболее оппозиционные самодержавию издания под давлением со стороны власти были вынуждены выходить за рубежом. Довольно развитая, умеренная в политических требованиях кадетская печать не охватывала массовой аудитории, что в конечном итоге послужит провалу партии конституционной демократии на политической арене уже во время Великой русской революции 1917–1920 гг., когда в движение придут самые низы общества.

В-третьих, основными взаимосвязанными тенденциями развития журналистики, которые подтверждаются и особенностями типа общественно-политической газеты тех лет, являются ее усиленная коммерциализация, стремление удовлетворить многообразные потребности информационного рынка, господство на нем информационного характера прессы. Все 10 наиболее тиражных, хотя и разного качества, газет 1913 г. отвечают этим тенденциям (табл. 4).

В-четвертых, все ведущие издания государства были столичными с явным преобладанием среди них петербургских. В этом смысле заслуживает упоминания практика опытного издателя московской газеты «Русское слово» И. Д. Сытина, уловившего этот момент и создавшего в Петербурге ее мощное отделение.

В-пятых, успех на информационном рынке имела частная печать, рассчитанная на самого массового читателя. Газета «Новое время» представляла собой исключение из этого правила, как основной тип информационного издания XIX в., хотя и уступавшего в тиражном рейтинге информационного рынка начала XX в., но имевшего уже традиционно сложившуюся аудиторию.

Каждая из газет, добившаяся высокого тиража, имела свою информационную нишу, специализацию на определенной информации. «Русское слово» давало разнообразную информацию энциклопедического характера и достаточно высокого качества. «Сельский вестник» работал на неохваченной печатью ниве крестьянства.

Таблица 4

Динамика развития тиража газет России
в начале XX в.

№ п/п	Газета	Издатель	Место изд.	Годы	Тираж, тыс. экз.		Рейтинг тиража	
					1897	1913	1897	1913
1	Свет	В. В. Комаров	СПб.	1882–1917	70	98	1	6
2	Сельский вестник	МВД	СПб.	1881–1917	70	127	2	3
3	Новое время	А. С. Суворин	СПб.	1868–1917	50	62,5	3	8
4	Биржевые ведомости	С. М. Проппер	СПб.	1880–1917	50	92,5	4	7
5	Русские ведомости	В. М. Соболевский, с 1882 г. — «Тов-во Р. В.»	М.	1863–1918	40	30	5	10
6	Петербург. листок	А. В. Владимирский	СПб.	1864–1917	28	111	6	4
7	Петербург. газета	С. Н. Худяков	СПб.	1867–1917	25	40	7	9
8	Русское слово	И. Д. Сытин	М.	1895–1918	10	263	8	1
9	Газета-копейка	В. А. Анзимиров, М. В. Горюцкий	СПб.	1908–1917	—	более 250	—	2
10	Листок-копейка	Ю. Б. Бак, Тов-во кадет. парт.	СПб.	1908–1918	—	100	—	5

«Новое время» поставляло самую оперативную и официально-го характера, из авторитетных источников информацию. В «Биржевых ведомостях» преобладала наряду с информацией широкого диапазона финансово-экономическая, деловая и коммерческая. «Вечернее время» отличалось опережением в подаче злободневных новостей, дополняло читателей полученную днем информацию. «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Свет» и другие издания этого типа отвечали разнообразным информационным потребностям народившейся массовой аудитории, потрафляли в разной степени ее невзыскательным вкусам.

Провинциальная периодика имела более низкие тиражи. Обычная губернская газета распространялась от 1 до 3 тыс. экземпляров в день. Лучшие провинциальные газеты после 1905 г. «Киевская мысль» (1906–1918), «Южный край» (Харьков), «Одесские новости», «Одесский листок» (1880–1917), «Приазовский край» (1891–1919, Ростов-на-Дону) выходили тиражом от нескольких до 40 тыс. экземпляров. Однако провинциальная пресса в России, имевшей огромное информационное пространство, играла в жизни общества существенную роль. Обозреватель «Исторического вестника» М. Туринский в статье «Газеты в провинции», замечая, что в 1911 г. был забыт юбилей — 100-летие со дня выхода первой провинциальной газеты, появившейся на свет в глухой тогда Казани («Казанские известия», 19 апреля 1811 г. — 29 декабря 1820 г. — Г. Ж.), подчеркивает: «...Нигде в мире провинциальная печать не имеет такого важного и государственно-го, и общественного значения, как у нас в России».

§ 4. МАССОВАЯ ПЕЧАТЬ НАЧАЛА XX в.

Начало XX в. ознаменовалось становлением русской массовой печати. Ее развитие тормозилось властными структурами. Коммуникационное взаимодействие власти с народом долгое время обеспечивалось Русской Православной Церковью, но с усилением процесса секуляризации общества, расширением информационного пространства, появлением новых информацион-

ных и визуальных технологий (синематографа, фотоиллюстрирования, радиотелеграфа) традиционных связей власти с народом было уже недостаточно. Деятельность РПЦ, интеллигенции, издателей-предпринимателей, работавших в русле отечественных просветительских традиций, вела к росту потенциальной читательской массовой аудитории. И как только информационный рынок получил большую свободу, так он сразу же был заполнен продуктом, обращенным к самым разным слоям народа, привел к демократизации типологии журналистики, создал такие типы изданий, которые отвечали потребностям новой аудитории.

В типологической структуре журналистики это нашло отражение, во-первых, в смещении ролей журнала и газеты, опередившей по значимости в обществе журналы как средство информирования и комментирования, оперативного воздействия.

Во-вторых, в расцвете иллюстрированных тонких журналов, которые дополнили общение с аудиторией мощным эмоционально-чувственным воздействием на нее через изобразительный, визуальный ряд информации. В этом выразилось распределение общественных ролей газеты и тонкого журнала, ставших наиболее распространенными типами изданий на том этапе. Процесс их взаимовлияния качественно обогащал их содержание и форму. Одной из общих составляющих информационного диапазона газеты и тонкого журнала стала реклама — такая информация, которая быстро объединила в себе новации информационного процесса тех лет.

В-третьих, в трансформации содержания печати, ее проблемно-тематического комплекса, с одной стороны, в направлении ее политизации, т. е. использования манипулятивных потенциалов прессы, с другой стороны, в направлении развлечения (и через него отвлечения аудитории от насущных проблем как одного из методов манипулирования общественным мнением).

В-четвертых, в развитии малой печати и ее движения в сторону развлекательной журналистики. Новая форма периодических изданий отразила усиление эмоционально-чувственного воздействия на читателя путем обращения к инстинктам с помощью информационной сенсации через визуализацию информации под воздействием синематографа и рекламы.

Первопроходцами в России такого типа изданий, получивших на мировом информационном рынке название *renny-press*, стали «Петербургский листок» (1864–1917), «Петербургская газета» (1867–1917), «Современные известия» (1867–1887, Москва), «Московский листок» (1881–1917), «Свет» (1882–1917, Санкт-Петербург), «Новости дня» (1883–1906, Москва) и др. Некоторые исследователи, не учитывая условия функционирования русской журналистики, относят эти газеты к бульварной, желтой прессе, что явно не соответствует действительности.

В практике журналистики России было выработано более точное их название — малая печать, которая была явлением демократизации журналистского творческого процесса. Она была обращена к более массовой (неэлитарной) аудитории, нараставшей в ходе урбанизации общества массе горожан. В общении с таким читателем редакции газет учитывали его социально-психологические, демографические и другие особенности, что сказывалось на содержании и форме изданий, которые, естественно, значительно отличались по содержанию и форме от других типов периодики. Кроме того, как печать, обращенная к народу, эти издания жестко контролировались светской и духовной цензурой, что сдерживало влияние на них стихии информационного рынка, и это играло существенную роль в характере подачи малой прессой информации.

В газетах этого типа доминировали городские новости, информация, хроника, находившие место в отделах и рубриках, к примеру, «Петербургского листка»: «Уличный листок», «Справочный листок» («Листок»), «Биржа», «Судебные вести», «Сцены с натуры», «Петербургский калейдоскоп», «Слухи и вести», «Мимоходом» и др.

Существенное место в малой прессе на рубеже веков занимал изобразительный ряд. Редакция «Петербургского листка» стала даже специально оговаривать на титуле: «Газета... с рисунками в тексте».

Важной составляющей контент малой прессы были романы разных типов: сначала преобладали переводные — «под Эжена Сю», затем отечественного производства — под лубок:

авантюрно-приключенческие, о благородных разбойниках, исторические, сенсационные и др. («Адская жизнь», «В мире парижских мазуриков» и т. п.). Немало литераторов специализировалось в этом жанре, который обычно появлялся в подвалах газетного листа на протяжении долгого времени и назывался поэтому роман-фельетон. Юморист предлагал рецепт изготовления такого произведения:

Воды простой ведр сто взять надо,
Прибавить крови полведра,
С полфунта посылнее яда
И сала пуда полтора.
Железной ржавчины прибавить,
Архивной пыли мер пяток
И греться все в котле поставить,
Не обращая в кипяток.

Особую популярность на этом поприще получил А. М. Пазухин (1851–1919), сотрудничавший в «Московском листке» 37 лет и напечатавший в нем более 50 больших романов, не считая многочисленных рассказов и сенок. В. А. Гиляровский, бывший репортером этой газеты, уверяет: «Многие читали только А. М. Пазухина, его незатейливые романы из мещанской и купеческой жизни, всегда кончавшиеся общим благополучием».

Сам «Московский листок» — тип более позднего издания малой прессы — отличался большой оперативностью, информационной насыщенностью, публиковал уголовные репортажи, криминальную хронику, сенсационную информацию, охватывавшую все события города. Его создатель, издатель и репортер Н. И. Пастухов (1831–1911), прославившийся на репортажах о пожарах и как автор бесконечного романа о разбойнике Чуркине, обладал рыночной интуицией, и его газета имела долговременный успех. Пастухов молвой был назван первым репортером Москвы. Б. А. Щетинин писал в 1911 г. в «Историческом вестнике» (№ 9): «Он даже выработал особый пожарный стиль, „перлами“ которого впоследствии пользовалась плеяда репортеров „пастуховской школы“».

В общении с аудиторией Пастухов-редактор делал упор на исторически сложившиеся традиции русской аудитории, используя близкие ей формы фольклора и лубка. Романы такого типа в газете печатались шесть раз в неделю. Помещались сцены из народного быта, лирические и юмористические стихи. В листке была популярная у читателей рубрика «Раешник», доставлявшая большие хлопоты тем, кто попадал в ее герои (недобросовестные купцы, трактирщики, торговцы, владельцы предприятий, представители Думы, земства и др.). Под этой рубрикой, к примеру, появился такой шедевр:

Пред совестью хозяина Пассажа
Пас сажа.

Пастухов ввел такого же типа рубрику «Советы и ответы», где печатались лаконичные и критичные публикации, в которых пропесочивались купцы, фабриканты, торговцы, продававшие некачественные товары, нарушавшие санитарные нормы при хранении продукции, обиравшие непомерными штрафами работников, не заботившиеся об условиях их жизни, и т. д.:

«Мебельщику С-ому. На Большую Дмитровку.

Вы жалуетесь, что Вам снятся сны беспокойные, погодите — не такие еще будут сняться, если Вы только не перестанете обижать и обсчитывать своих рабочих».

«Околоточному Рабиновичу. Серпуховский участок.

Кажется, прошло то время, когда ваша братия ходила славить, блуждая по лавкам, а вы все еще это занятие не оставляете, смотрите, как бы вас за это начальство не припугнуло».

Информацию, служившую основой таких публикаций, Пастухов добывал сам, ее доставляли ему и завербованные им корреспонденты. «...С утра до поздней ночи носился он по трактирам, не стеснялся пить чай в простонародных притонах, — вспоминает Гиляровский, — и там-то, главным образом, вербовал своих корреспондентов и слушал разные разго-

воры мелкого люда, которые и печатал, чутьем угадывая, где правда и где ложь».

Малая печать распространялась в местах скопления горожан — в трактирах и пивных, владельцы которых чаще всего были ее подписчиками. Здесь нередко газеты читались вслух и обсуждались их публикации. Читателями их были, по воспоминаниям очевидцев, средние и мелкие купцы, чиновники, прислуга, ремесленники, рабочие, кучера, прачки, лакеи, лавочники и др.

Именно в малой прессе выработался русский репортаж, ярким представителем которого стал В. А. Гиляровский (1853–1935), прошедший в «Московском листке» школу Пастухова, как и многие другие выдающиеся журналисты — к примеру, В. М. Дорошевич. Гиляровский, рано начавший писать, перепробовал до прихода в журналистику множество профессий: от бурлака, грузчика до актера, путешествовавшего с гастрольями по стране. Сотрудничал в юмористических журналах, «Русской газете». Наконец, с 1881 г. он стал репортером «Московского листка», начав выступать под рубрикой «Записки тетральной крысы», вел «Хронику происшествий». Потоком шли в газете его отчеты, репортажи, корреспонденции об убийствах, разбоях, пожарах, выставках, театральных постановках и т. п. Гиляровский получил признание как знаток московской жизни и летучий репортер, умевший добыть оперативный и сенсационный факт, работавший с опережением других репортеров, создавший собственную сеть источников информации из добровольных помощников — в пожарном управлении, среди служащих железной дороги, обитателей уголовного мира Хитровки, московских трущоб. Об этом он ярко и эмоционально сам рассказал в книгах «Мои скитания» (1928) и «Москва газетная» (1934).

Признанием его таланта стало приглашение в 1883 г. в «Русские ведомости», по словам Гиляровского, «для оживления московского отдела газеты», где он проработал почти 16 лет — до 1899 г., выступая с репортажами, прозвучавшими на всю страну, такими, как «Обреченные» (1885), «Катастрофа на Ходынском поле» (напечатан в газете 20 мая 1896 г.). На день празднования

коронации Николая II в Москву прибыло до 200 русских и иностранных корреспондентов, и только Гиляровский оказался среди участников события и рассказал о нем как очевидец, подробно и мастерски. «...Я был единственный из всех проведший всю ночь в самом пекле катастрофы, среди многотысячной толпы, задыхавшейся и умиравшей на Ходынском поле», — пишет Гиляровский и с гордостью репортера добавляет: «Целый день допечатывали газету. Она была единственная с подробностями катастрофы. В корреспондентском бюро меня тоже встретили овациями русские и иностранные корреспонденты. Интервьюировали, расспрашивали, осматривали, фотографировали».

Творческая биография В. А. Гиляровского показывает роль малой прессы в развитии журналистского начала в так называемой большой печати, где сотрудничали литераторы. Она поставляла для нее лучшие репортерские, хроникерские кадры.

В условиях более свободного рынка после 1905 г. происходит трансформация типа малых газет. Они становятся ближе к уже выработанному в мировой практике стандарту — penny-press, что получает отражение даже в их названиях — газета-копейка. Первая «Газета-копейка» вышла 19 июня 1908 г. в Петербурге. Ее издавали М. В. Городецкий и В. А. Анзимиров. Ее номер стоил копейку, а подписка на год — 3 рубля. Основную роль в предприятии играл Анзимиров, который с 1909 г. стал выпускать «Журнал-копейку», «Деревенскую газету», «Московскую газету-копейку», «Альбом-копейку»; разнообразные приложения, расширявшие аудиторию: «Дом и хозяйство», «Здоровая жизнь», «Веселый балагур», «Искорки» и др.; руководил «Народным издательством» (ранее, с 1895 г. руководил издательством «Народная польза»), выпускавшим «Библиотеку сенсационных романов» (52 книги), энциклопедический словарь и др. В 1913 г. предприятие получает статус объединенной компании «Копейка».

В первом номере редакция «Газеты-копейки» заявила, что газета будет содействовать проявлению «творческих начал народной мысли и труда», «бороться с мутью, поднятой со дна океана народной жизни войной и революцией». Ее содержание основывалось на преступлениях, скандалах и интересных челове-

ских историях. Газета состояла из 4–6 страниц малого формата, печаталась на желтоватой курительной бумаге. Успеху ее способствовали дешевая цена номера и популярный, доступный читателю язык. Стартовав тиражом в 11 тыс. экземпляров, «Газета-копейка» уже в 1909 г. добилась тиража в 150 тыс., а в 1910 г. — 250 тыс. и стала одной из самых распространенных газет в стране. В июне 1909 г. общий тираж петербургской и московской «Копеек» и «Журнала-копейка» составил 600 тыс. экземпляров. Редакция их позиционировала свою газету как «самую дешевую, самую распространенную и самую прогрессивную». На самом деле это было коммерческое предприятие с довольно большими доходами от рекламы, занимавшей 38,4% всей газетной площади. Каждый номер давал доход около 1000 рублей.

Демьян Бедный в 1913 г. иронизировал по поводу изданий этого типа:

«Газета-копейка». Содержание номера

Билет
 Варшавской лотереи,
 Жилет,
 Лакейских две ливреи,
 Чулки,
 Бумажные ботинки,
 Брелки,
 Секретные картинки,
 «Эффект»,
 Мазь для особых целей,
 Комплект
 Резиновых изделий,
 Одна
 Продажная идеяка.
 Цена
 За весь товар — копейка!

«Газеты-копейки» были новым явлением русской журналистики, отражением процессов ее капитализации и демократизации. Эволюция русской печати привела к тому, что в начале XX в. на более свободном информационном рынке она

стала отличаться большим типологическим разнообразием, разнотипностью изданий (общественно политические, партийные, биржевые, массовые разных типов, включая «Копейки», и др.). Но тот же рынок заставлял редакции учитывать его информационные потребности, что вело к определенной унификации предлагаемого на нем товара. Историк Н. М. Лисовский уже в самом начале века отмечал сближение малой и большой прессы: «...Малая пресса по примеру большой развивает политический отдел; большая пресса так же, как малая, стремится к приобретению возможно большего количества фактического материала, организуя репортерскую часть в широких размерах; как та, так и другая начинают давать односторонние приложения».

§ 5. «РУССКОЕ СЛОВО»

Процесс демократизации журналистики, становление капиталистических отношений и самого творческого журналистского процесса дали русской культуре наиболее успешную, наиболее тиражную ежедневную газету «Русское слово» (1895–1918). Ее расцвет и ее достижения были тесно связаны с деятельностью издателя-предпринимателя Ивана Дмитриевича Сытина, обладавшего тонким чувством конъюнктуры информационного рынка, «человеком умно-коммерческим», как его назвал А. В. Амфитеатов, и талантливого журналиста новой формации — XX века, короля русского фельетона Власа Михайловича Дорошевича (1865–1922).

К началу XX в. он уже имел богатый и разнообразный журналистский опыт работы в изданиях разного типа: «Московский листок», «Новости дня», юмористические журналы, «Одесский листок», редакция которого предоставила Дорошевичу возможность в 1895 г. совершить турне по Европе и Америке, откуда он посылал в газету циклы очерков и репортажей «Путевые и непутевые заметки», «Америка» и др. Самым значительным эпизодом журналистской биографии Дорошевича этих лет является его поездка без официального разрешения на остров-каторгу Саха-

лин и создание цикла очерков о каторге, печатавшихся в «Одесском листке» в 1897–1898 гг., затем в газетах «Россия» и «Русское слово», где в период Первой русской революции вышел последний очерк этого цикла «Политические на Сахалине» (1906. 24 июня — 2 июля).

Собранные автором вместе, очерки послужили основой книги «Сахалин» (1903), выдержавшей несколько изданий и получившей в обществе значительный резонанс. «Русские ведомости» назвали книгу «красноречивой защитой угнетенного человечества», «красноречивым обвинительным актом против всего, что стремится уничтожить в человеке человека». Как писал сам ее автор, в книге о Сахалине есть «тысячи недостатков и всего одно достоинство: Правда».

Эта творческая работа заставила Дорошевича более полно осознать роль журналистики в обществе: «Задачей честной и нравственной печати всегда было, есть и будет будить общественную совесть, протестовать против общественного зла, бороться, сражаться за те идеи добра и света, которые дороги обществу.

И иначе не может быть.

Ведь печать — это выражение общественного мнения» (1896. — Курсив мой. — Г. Ж.).

В 1899 г. Дорошевич получил приглашение работать в только что созданной московской газете «Россия» (28 апреля 1899 — 16 января 1902 г.), где ярко проявил себя в амплуа судебного репортера.

Предприниматель И. Д. Сытин давно заметил на журналистском горизонте Дорошевича и пытался привлечь его в свое издание, которое не удовлетворяла его. В 1895 г. он инициировал выход газеты «Русское слово», в 1897 г. стал ее издателем (номер впервые с его подписью вышел 12 декабря). С помощью газеты он стремился решать проблемы своего мощного предприятия: «Дешевая газета даст мне покупателей: газета будет тянуть книгу, а книга — газету. А самое главное... подписка на газету даст мне оборотный капитал, который будет для меня как бы беспроцентной ссудой». Но газета приносила убытки. Так, в 1901 г. этот убыток составлял почти 29

тыс. рублей. Для ведения газеты Сытину нужен был талантливый профессионал. Предприниматель специально ездил в Одессу для переговоров с Дорошевичем, сотрудничавшим тогда в «Одесском листке», но только 26 июля 1901 г. был заключен контракт.

Дорошевич дал согласие стать неофициальным редактором «Русского слова», оговорив при этом себе широкие полномочия, что хорошо отражено в его письме Сытину из-за границы (1902 г.), где публицист знакомился с опытом газет, к примеру, английской газеты «Таймс»: «...Если вы хотите, чтобы я отдал делу все силы и действительно сделал для него все, что могу, — мое неперемное условие: все мои указания должны исполняться в точности. Я знаю, чего я хочу, к чему я иду, что мне нужно для газеты. И если мои указания не будут выполняться буквально, я умою руки...». Вместе с тем Дорошевич обязался помимо «общего наблюдения и редактирования» газеты постоянно писать в нее: выступать в год с 52 воскресными фельетонами и не менее чем с 52 статьями по текущим вопросам общественной жизни. Труд его оплачивался высоко: он получал 32 тыс. рублей в год — неслыханную тогда сумму, кроме того, предприниматель обязался ежегодно выплачивать журналисту по 20% из чистой прибыли от издания газеты.

Официально редактором газеты был Ф. И. Благов, зять Сытина. Естественно для успеха газеты огромную роль играла ее производственная база. Сытин специально для газеты выстроил новое здание, где помещались ее редакция, редакции журналов-приложений к газете — «Вокруг света», «Искра» — и типография, снабженная новейшей техникой. Редакция «Русского слова» одной из первых в стране заменила почтовую связь на телеграфную и телефонную. Подборки информации, полученные новым способом, оперативно помещались в газете. Дорошевич добился круглосуточного использования телефонных линий Московского телеграфного агентства.

Редакция имела два отделения: московское и петербургское, где было до ста сотрудников; его с 1906 г. возглавил А. В. Руманов, имевший хорошие связи в столице и посольствах Франции

и Великобритании. Была создана мощная сеть корреспондентов за границей и в России. У газеты были отделы: общественно-административный, иностранный, хроники, финансовый, парламентский, народного образования, судебный, военный, провинциальный, театральный, музыкальный, обзор печати и др. На правах отдела был и журнал «Искра» — еженедельное иллюстрированное приложение к газете.

Вся мощная структура редакции по добыванию информации несла в газету столь же мощный ее поток, который доставлял в редакцию не менее 12 тыс. строк. Из них около 3 тыс. поступало и обрабатывалось журналистами днем, основная же часть информации доходила до них между 21 часами вечера и 5 часами утра и тогда же готовилась к печати. Всего в набор сотрудники отдела сдавали от 6,5 до 8 тыс. строк.

Журналистский авторитет Дорошевича и материальное благополучие газеты сыграли немалую роль в привлечении к сотрудничеству в ней многих видных публицистов и репортеров: А. В. Амфитеатрова, В. А. Гиляровского, С. А. Яблоновского, Вас. Немирович-Данченко, священника Г. С. Петрова, И. Н. Потапенко и др. К сотрудничеству в ней в той или иной степени причастно большинство видных литераторов (Л. Андреев, А. Блок, И. Бунин, М. Горький, Вяч. Иванов, А. Куприн и др.).

Понимание Дорошевичем задач газеты было выражено им в аналитическом, подводящем итоги многолетней практики работы над «Русским словом» эссе, созданном в 1916 г. к юбилею И. Д. Сытина:

«Газета...

Утром вы садитесь за чай. И к вам входит ваш добрый знакомый. Он занимательный, он интересный человек.

Он должен к тому же быть приличен, воспитан, приятно, если он к тому же еще и остроумен.

Он рассказывает вам, что нового на свете.

Рассказывает интересно, рассказывает увлекательно.

Он ни на минуту не даст вам скучать.

Вы с интересом слушаете о самых сухих, но важных предметах.

Высказывает вам свои взгляды на вещи.

Вовсе нет надобности, чтоб вы с ним во всем соглашались.

Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско.
Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманием, интересом, как умного и приятного противника.
Он заставляет вас несколько раз улыбнуться меткому слову.
И уходит, оставляя впечатление с удовольствием проведенного получаса.
Вот что такое газета.
Газета...
Вы сидите у себя дома.
К вам приходит человек, для которого не существует расстояний.
Он говорит вам:
— Бросьте на минутку заниматься своей жизнью. Займемся чужой. Жизнью всего мира.
Он берет вас за руку и ведет туда, где сейчас интересно.
Война, парламент, празднества, катастрофа, уголовный процесс, театр, ученое заседание. Там-то происходит то-то.
Он ведет вас туда, показывает вам, как это происходит, делает вас очевидцем.
И вы сами присутствуете, видите, как, где и что происходит.
И, получаса поживши мировую жизнью, остаетесь полный мыслей, волнений и чувств. Вот что такое газета».

Дорошевич прав, говоря, что он создавал «новый для России тип» газеты с «колоссальным тиражом». И это определяло все характеристики «Русского слова». Учитывая особенности массовой аудитории тех лет, редактор предпочел, сохранив старых читателей газеты, изо дня в день переводить их «из класса в класс», «постепенно приучая их к газете нового типа», и одновременно растить нового читателя. Это была длительная и упорная работа. При этом принципов было два.

1. «...Мы должны поднять вкус читателя и уровень его требований к газете. До сих пор в дешевой газете он имел и сведения и литературу второго сорта. Мы должны приучить его читать и требовать себе настоящей газеты».

2. «Наша газета должна быть общедоступной». И перед Первой мировой войной «Русское слово» стало самой дешевой, т. е. самой доступной, из больших политических газет в России.

Естественно, для такой газеты существенна проблема отношений к обществу и правительству. Позиция Дорошевича здесь состояла в том, чтобы его «Русское слово» служило обществу, гово-

рило только с обществом и обращалось только к обществу, поэтому оно «никогда не стремилось играть влиятельную роль. Вся его сила — в его распространении».

«Быть обществу слугой. Но не лакеем, — подчеркивал Влас Михайлович. — Служить интересам общества...»

«Правительства меняются.

Интересы России остаются все те же.

И, служа только этим интересам, „Русское слово“ остается всегда независимым органом.

Независимым и от сменяющихся правительственных программ, и от сменяющихся общественных увлечений».

Речь идет об информационно-аналитической политической газете — в том смысле, как это тогда предполагалось (вспомним выводы исследования русских газет А. В. Пешехонова). Дорошевич считал, что его газета должна «распространять идеи здравые, чуждые революционных крайностей и излишества, но и чуждые всему темному, мрачному». «Газета здравого смысла, — пояснял он, — неизбежно должна быть газетой прогрессивной. Здравый смысл не может быть иным».

Одна из важнейших характеристик «Русского слова» — независимость, внепартийность, надпартийность. Быть такой политической газетой в условиях политизации общества было крайне трудно. Все предложения кадетов, октябристов продать им газету Дорошевич отверг. Однако на волне всеобщего обсуждения проблем демократизации общества И. Д. Сытин, избранный в 1908 г. депутатом Московской городской думы, решил соответствовать духу времени и сделать «Русское слово» газетой с демократическим направлением. Вступление миллионера на стезю политики привело в ходе конкурентной борьбы к разоблачительным публикациям в прессе против него. Сытин стал все больше вмешиваться в редакционные дела, нарушая этим договоренность с Дорошевичем, который в ответ переехал в Петербург. Некоторое время издатель искал замену главному редактору.

В середине 1912 г. «Русским словом» стал руководить Н. В. Валентинов (Вольский) (1879–1964) — журналист, политик специалист по экономической проблематике, член РСДРП, отошедший

к тому времени от активной партийной работы, осуществлявший замысел Сытина активнее участвовать в предвыборной борьбе в Государственную Думу. В газете появились политические критические статьи о спекуляции нефтью («Жидкое топливо для британского флота», «Нефтяной ажиотаж», «Нефтяной ажиотаж в Англии» — 6, 14, 19, 20 июня); цикл статей по делу М. Бейлиса — печатались полностью речи защитников, судебные репортажи и отчеты, критические отзывы А. Франса, М. Метерлинка, Ж. Клемансо и др. о политике русского правительства в этом деле. Для справки: за неправильное с точки зрения власти освещение судебного процесса по делу Бейлиса в 1913 г. на прессу обрушилось 102 кары: было арестовано 6 редакторов, привлечено к суду 8, было 36 случаев конфискации изданий, 43 штрафа на сумму 12 850 рублей, закрыто 3 газеты. Одновременно сенсационный судебный материал поднимал тиражи прессы. Тираж «Русского слова» к 26 октября 1913 г. вырос до 325 700 экземпляров.

Конечно, в этом более важную роль сыграл выход в качестве приложения к «Русскому слову» Полного (насколько тогда это было возможно) собрания сочинений Л. Н. Толстого. В газете появились отрывки из личных дневников писателя. Наконец, за выпуск подготовленного Толстым «Круга чтения» Сытин по представлению Московского цензурного комитета оказался на скамье подсудимых и ему пришлось уничтожить тираж этой книги. Ситуация для него складывалась угрожающая. И тогда в газете появилась верноподданническая публикация: панегирик династии Романовых, приуроченный к юбилею — 300-летию правления ими Россией, что стало поводом для Валентинова расстаться в декабре 1913 г. с «Русским словом». Главными причинами этого расставания все-таки было то, что редакционный коллектив фактически не принял протезе Сытина и того направления, которое им насаждалось.

Некоторое время «Русским словом» осуществлялось коллективное руководство под приглядом Дорошевича, а затем все вернулось в прежнее русло — он вновь стал полноправным редактором газеты.

Краткий перерыв в руководстве Дорошевичем «Русским словом» не сказался на редакционном кредо. «На знамени нашей га-

зеты: братство, мир, свободный труд, общее благо», — заявила редакция еще 18 ноября 1905 г. В программной статье в ноябре 1906 г. она уточняла: «Программа газеты в ее названии — „Русское слово“. Прямое, не темное и мрачное, а просвещенное русское слово. Русское слово, несущее не ненависть, не раздор, не распадение страны на десятки враждующих между собой племен, — а зовущее к возрождению общей великой родины.

Наш идеал: единая, неделимая, обновленная и возрожденная Россия...».

В этом кредо газеты редакция предвосхитила тот идеал, который ляжет в основу строительства жизни страны в довоенный период, а затем и белого движения в годы Великой русской революции.

Редакция ставила первой задачей «умиротворение родины при помощи реформ, а затем дальнейшего развития их соответственно требованиям времени, росту политического сознания народа, насущным нуждам страны». Речь шла о борьбе — «ежедневной, неустанной, упорной», но о «борьбе словом, борьбе мыслью, борьбе убеждением, борьбе при помощи просвещения масс».

Дорошевич был основной творческой силой «Русского слова». Это касалось всего: выработки типа газеты, диапазона ее информации, организации ее проблемно-тематического комплекса, разнообразия формотворчества, включая стиль самого редактора-публициста. Лучше самого участника процесса создания этой газеты не скажешь. Предоставим слово П. Мурашеву, одному из ее сотрудников:

«Дорошевич считался гением газетного дела, он умел выделить событие, которое могло интересовать широкие круги. Это событие муссировалось, интерес к нему подогревался, и читатель с напряжением начинал следить из номера в номер за развитием его. К моменту, когда событие так или иначе кончалось, выдвигалась новая сенсация. Чаще всего сенсацию преподносила сама жизнь, требовалось только умело подать ее публике.

Если, скажем, в Государственной думе дебатировался важный законопроект или где-то в Тобольском уезде „кака-то

стерва пырнула ножом“ Распутина, как он телеграфировал об этом царице, средства на всестороннее освещение отпускались в изобилии. На родину Распутина командировался ближайший корреспондент (из Екатеринбурга), в помощь ему из центра направлялся солидный сотрудник. Сплетни, слухи, беседы, фельетоны втягивали читателя в круг нездорового, напряженного любопытства.

Интерес к какому-нибудь законопроекту подогревали корреспонденты из Гос. думы, петербургский информатор собирал интервью, причем он умел влезть в самые высокие сферы. Корреспонденты были разбросаны по всей России и во многих крупнейших городах за границей.

Мурашев замечал: «Дорошевич был царь и бог, так как авторитет его среди сотрудников был очень высок». Важнейшим требованием редактора для репортажа, информации, хроники была оперативность. Вошли в редакционный обиход его слова: «Хороший репортер должен быть на пожаре за 15 минут до его начала».

В организации номера газеты Дорошевич большую роль отводил его основной проблеме, сенсации, главному событию дня, поэтому целью проводимых им редакционных совещаний было, говоря журналистским жаргоном, «нащупать гвоздь данного дня». «Каждый заведующий отделом говорил о важнейшем по его отделу событии или вопросе, которые требовалось сугубо осветить. Из этих гвоздей выбирался самый важный и на него направлялось все внимание».

В современной практике такой подход называется мозговой атакой, но при этом нужен такой лидер, как Дорошевич, которому было свойственно чувство нового во всем. Одной из первых его редакция взяла на вооружение то, что сейчас называют социологией журналистики. Она стала использовать опросы, посылать по телеграфу анкеты «экспертам» и получать от них ответы на то, что интересовало аудиторию, и это станет важной составной частью ее связи с читателем, ее диалога с ним. Дорошевич писал о том удивлении, которое вызывали у графа С. Ю. Витте «телеграфные всероссийские „анкеты“ по различным общественным вопросам, которые производило „Русское слово“.

— Но такой быстроты в собирании сведений нет даже и у правительства.

— На то мы и газета! — заявлял с гордостью редактор».

Он сам как публицист выступал в «Русском слове» по наиболее острым, актуальным и проблемным вопросам. «Знаете, очень часто меня охватывает желание, — признавался Дорошевич, — бросить писать на все эти „злобы дня“, как бы жгучи они ни были. Мне кажется, что мой долг описать все, чему „свидетелем Господь меня поставил“. Описать просто, фотографически точно». Летописец современности — как пушкинский Пимен, чьи слова Влас Михайлович здесь привел, — не только хроникер, но и взволнованный происходящим аналитик, свидетель человеческих деяний. Вероятно, поэтому на страницах «Русского слова» многолюдно. Дорошевич создает портреты современников в циклах «Джентльмены. Новое поколение купечества», «Торгово-промышленники» и т. д., целую галерею политиков и общественных деятелей (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, губернатор Н. М. Баранов, Азеф, Гапон), актеров, художников, скульпторов, ученых (М. Г. Савина, Ф. И. Шаляпин, М. Н. Ермолова, М. М. Ковалевский, Паоло Трубецкой, Верещагины, А. П. Чехов и др.). Это — яркие запоминающиеся образы.

Дорошевич как литератор выработал своеобразный стиль письма, создал образцы русского фельетона. Это хорошо понимали уже его современники. «Титан газетного фельетона» — так его назвал В. А. Нелидов, заметивший, что своим фельетоном он «мог вас тронуть до слез, рассмешить до упаду, заинтересовать и убедить — словом, владел всеми клапанами вашей души».

Не менее важным вкладом публициста в русскую журналистику был его неповторимый стиль, в противоречивых отзывах о котором современники восхищались, иронизировали, пародировали, даже отрицали, но все признавали мастерство, профессионализм, оригинальность манеры Дорошевича. Вот как характеризовал ее опытный журналист А. Р. Кугель: «эти скользкие, колющие и дразнящие короткие строчки»; «...самый характер его стиля, особенности его темперамента соответствовали этому «staccato»... Его отрывистый слог, скачки мысли и игра противоположностей

действительно исключали округленность периодической речи...». «Он первый — замечал П. Мурашев, — стал писать короткими фразами, начинавшимися с абзаца. Иногда в строчке было одно слово. Получалось сильно, крепко. Остро. Умно. Многочисленные подражания Дорошевичу были бездарны и скучны».

Короткая строка — творческое открытие Дорошевича — дала его тексты энергичными, упругими; наполняла их эмоциями и чувством, заставляла читателя бежать глазами вдоль газетных колонок. Она кричала — наступил век оперативной газеты. И автор умел сплести такую вязь слов, которая создавала образ и несла мысль. Это было уникальное явление журналистского творческого процесса.

Пример редактора вдохновлял его сотрудников. В воспоминаниях журналистов газеты хорошо представлена та атмосфера творчества, требовательности к слову, ответственности за него, которая царил в редакции «Русского слова».

Редакция имела компетентные источники информации в Министерстве иностранных дел. Ею были заключены соглашения с европейскими политическими газетами об обмене информацией. В период войны с Японией у газеты было на фронте 20 военных корреспондентов. Особую известность получили статьи В. И. Немировича-Данченко, которого называли королем военных корреспондентов и который в первый же год войны дал в газету 350 сообщений, и В. Е. Краевского, совершившего под маской британского подданного Перси Палмера рейд в армию противника и выступившего с сенсационными репортажами под рубрикой «Вражеская страна в военное время».

Редакция приложила все возможные усилия к завоеванию провинциального читателя: в 1903 г. Дорошевич объявил «поход на провинцию». Редакция постепенно добилась организации на местах целой сети корреспондентов, оперативно снабжавших газету актуальной, свежей информацией. К 1916 г. в провинциальном отделе насчитывалось 200 корреспондентов. Расширению аудитории «Русского слова» способствовало то, что из ежедневных газет такого типа она была самой дешевой. «Русское слово» имело сначала 4 страницы, с 1905 — до 6 — 8, позднее — до 12 —

14 страниц. При этом цена годовой подписки до 1913 г. не изменялась. Она составляла 7 рублей, с 1903 г. вместе с приложением — 8, в 1905 г. — 9 рублей.

Довольно быстро «Русское слово» стало и самой распространенной газетой в стране. Вот какова динамика становления тиража газеты «Русское слово» (тыс. экземпляров):

1897	1901	1904	1905	1906	1910	1911	1913	1914	1916	1917
12,0	30,6	117	157	98	156	200	300	500	739	1200

Газету называли фабрикой новостей, Левиафаном русской прессы. Сразу же после того, как 24 ноября 1905 г. появились Временные правила о повременных изданиях, И. Д. Сытин обратил внимание на то, что по ним правительство не могло запрещать продажу газеты в розницу. Он принялся энергично расширять розничную продажу «Русского слова» через городскую сеть киосков, лотков и магазинов. В 1906 г. открыл в своем доме на Тверской улице еще одно фирменное торговое предприятие — книжный магазин «Русское слово».

Впервые в 1904 г. газета принесла предприятию прибыль более 32 тыс. рублей, в 1906–1907 гг. — по 40 тыс. рублей. Доходность «Русского слова» носила стабильно растущий характер. В 1912 г. она составила 294 014 рубля чистой прибыли, в 1913 г. — почти 300 тыс. рублей.

Высокий авторитет газеты в стране и за рубежом, ее тиражность, охват самой большой аудитории по сравнению с большинством русских изданий — всё это способствовало росту на ее страницах рекламы. При этом Дорошевич сохранял независимость газеты от рекламодателей. Так, когда Ф. И. Благов потребовал упоминать в разделе новостей рекламодателей в благожелательном или даже одобрительном тоне, Влас Михайлович отверг это требование официального редактора.

С 1912 г. И. Д. Сытин брал самую высокую цену за объявление: рубль за строку перед текстом и 60 копеек — после текста. На ее страницах постоянно помещались котировки московской фондовой биржи, обзоры петербургской биржи, обзоры хлебно-

го, лесного и других рынков, материалы акционерного и торгового отделов и др. В репертуаре объявлений доминировали индивидуальные в 2–3 строки: реклама акционерно-паевых кампаний (около 20%), разных организаций биржевых и выставочных комитетов, коммерческих институтов, зрелищных заведений и ресторанов. Перед войной 1914 г. увеличилось число публикаций, рекламирующих операции и финансовые обороты банков.

Казалось бы, «Русское слово», как успешное коммерческое предприятие, авторитетное издание, которое имело направление, не противоречившее установкам власти, не должно было встречать цензурных препятствий. Но здесь необходимо учитывать то, что цензурное ведомство всегда с пристрастием относилось к печати, обращенной к массовой аудитории, поэтому независимо от направления любое издание, добившееся большого тиража, попадало под его пристальное внимание. Сытин же был на примете Главного управления по делам печати как предприниматель, участвовавший в толстовском народном издательстве «Посредник» (1884–1925) со дня его основания. Этим объясняется постепенное вхождение Ивана Дмитриевича в роль издателя этой газеты, и то, что она сразу же попала под прицел цензуры.

23 августа 1897 г. Сытин получил право на издание «Русского слова», 12 декабря вышел в свет номер с фамилией нового издателя, а уже в октябре обер-полицмейстер Москвы Д. Ф. Трепов рапортовал генерал-губернатору, что Сытин «предполагает совершенно изменить состав ее редакции и сотрудников, для чего... уже начал приглашать в число последних лиц, политически неблагонадежных и известных Департаменту полиции, предполагая даже назначить первым редактором одно лицо, состоящее под негласным надзором полиции (имелся в виду сотрудник издательства Сытина В. П. Вахтеров, видный общественный деятель в области народного просвещения. — Г. Ж.). При этом обновленном составе сотрудников консервативная газета, каковой до сих пор являлось „Русское слово“, перейдет в руки либеральной партии...»

В одном из писем предприниматель в то время жаловался на цензора С. И. Соколова: «...Морит во всю, просто хоть газету закрывай».

С появлением во главе «Русского слова» В. М. Дорошевича контроль за газетой, в редакцию которой вместе с ним пришли видные сотрудники газеты «Россия», усилился. Главное управление по делам печати предложило Московскому комитету цензуры указать редактору Благову «на неприличный тон и хлесткий характер статей, с некоторого времени появляющихся в газете»; предупредить его о том, что «повторение подобных статей повлечет за собой административные меры воздействия»; потребовать от редактора внимательно следить за статьями Дорошевича и Яблоновского, которые постоянно касались запрещенных для обсуждения в печати тем, давая резкую характеристику должностным лицам и порядкам. Статьи Г. Петрова по вопросам религии и нравственности признавались «неуместными» на страницах «уличного листка». Уже через три месяца министр внутренних дел изъял «Русское слово» из списков газет, допущенных к обращению в народных читальнях и библиотеках. 14 октября 1903 г. за публикацию статей, где говорилось о необходимости предоставить земству прав самоуправления (№ 260, 280), во второй раз за два месяца редакции была запрещена розничная продажа газеты. Главное управление по делам печати подчеркивало в письме к генерал-губернатору, что запрет розницы последовал «за принятие в последнее время газетой нежелательного направления».

В годы революции у цензурного ведомства хватало забот с партийными, политическими газетами, а «Русское слово», по замечанию цензора, издавалось в спекулятивных целях и было «постоянно кричащим о себе органом», т. е. бившим на сенсацию. Но цензурному ведомству приходилось учитывать распространенность сытинского издания. В этом смысле представляет интерес сюжет с публикацией в нем в 1905 г. отчетов о Всероссийском крестьянском съезде (№ 293–295). Отчеты заняли в газете видное место, включали в себя выступления и представителей революционно настроенных крестьян, и сторонников мирной реформы.

Московский цензурный комитет 9 ноября 1905 г. возбудил судебное преследование против редактора «Русского слова»

Ф. И. Благова, мотивируя это в ходатайстве в Московскую судебную палату тем, что «как самый крестьянский съезд, так и оглашение газетой его деятельности имеют целью возбуждение крестьянского сословия против класса землевладельцев, клонящееся к нарушению права собственности последних». Эта же озабоченность содержится в письме тульского губернатора на имя управляющего Министерством внутренних дел от 10 ноября 1905 г.: «„Русское слово“ — самая распространенная газета среди сельского населения, — подчеркивает высокопоставленный чиновник, — и, если она не будет привлечена к судебной ответственности за напечатание статей о крестьянском съезде, губернской власти нет возможности и основания толковать крестьянам незаконность порубок помещичьих лесов». В донесениях цензоров в Московский цензурный комитет неоднократно звучал этот мотив об опасности широкого распространения сообщений о бунтах и стачках: «Русское слово» «более других, одинакового с ней направления изданий, не имеющих такого тиража, содействовало развитию этих бунтов и стачек».

В итоге судебные дела против Ф. И. Благова возбуждались одно за другим. Только с 1 мая по середину июня 1906 г. Московский комитет цензуры на основании рапортов цензора В. А. Истомина 9 раз ходатайствовал о возбуждении судебных преследований за помещенные в газете статьи о работе Государственной Думы, ее отношениях с правительством, о погромной политике власти, о голоде в Поволжье. В тех условиях обычно дело прекращалось за отсутствием состава преступления и заканчивалось снятием ареста с номеров издания, но при этом редакция несла большие материальные потери, так как процедура длилась в лучшем случае полмесяца, арестованные номера шли не к читателю, а на макулатуру. Только за два года — 1905 и 1906 — цензурное ведомство и Департамент полиции усмотрели преступное содержание статей в 63 номерах «Русского слова», тогда как за предыдущих семь лет — лишь в 41 номере.

И в постреволюционный период газета оставалась под неослабным контролем Главного управления по делам печати и его аппарата. Как подсчитал историк А. Н. Боханов, с 1907 по 1912 г. редак-

ция выплатила штрафов почти на 26 тыс. рублей, что сказывалось на балансе газеты. Ф. И. Благов по-прежнему оказывался на скамье подсудимых. 8 октября 1910 г. в газете был напечатан подробный отчет с похорон председателя Первой Государственной Думы С. А. Муромцева, которые были использованы либеральной и демократической общественностью как повод для проведения демонстрации против самодержавия. Благов был арестован по приказу градоначальника на три месяца, но шумное обсуждение этого события в прессе заставило власть выпустить редактора «Русского слова» уже через две недели. Сам же инцидент способствовал поднятию тиража газеты.

Именно «Русское слово» фактически по-настоящему вывело журналистику России на международный уровень. В. М. Дорошевич констатировал: «„Русское слово“ вошло в семью политических газет Европы. Сведения и суждения „Русского слова“ — выдержки из статей — передаются по телеграфу представителями крупных органов иностранной печати, и „Русское слово“ часто входит с крупнейшими политическими газетами, главным образом английскими, в соглашение относительно обмена сведениями».

ГЛАВА IV

Процесс капитализации журналистики

§ 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ЖУРНАЛИСТИКИ

Наиболее существенным итогом революции была интенсификация процесса капитализации страны. Буржуазия пожинала плоды: не только расширяла экономические возможности, но и стремилась войти во властные структуры, политически организоваться. В капитализации журналистики, по мнению историка С. Срединского (1924 г.), Россия от Запада не отставала: активно шел процесс образования издательских, газетно-журнальных фирм, трестов, синдикатов. «В последние годы накануне революции у нас, — замечает Срединский, — можно было насчитать до полудесятка газетных трестов. Крупнейшими были издательства И. Д. Сытина в Москве и А. С. Суворина в Петербурге».

На первое место по мощности капитала и производственной мощности к 1914 г. вышло предприятие Ивана Дмитриевича Сытина (Москва), которое выпускало 25% книжной продукции страны на русском языке, обладало самой тиражной к тому времени газетой «Русское слово» (с 1897 г.), несколькими журналами (с 1892 г. — «Вокруг света», с 1901 г. — «Искра» и др.), самым крупным народным книгоиздательством, двумя оборудованными по последнему слову техники типографиями, отделениями-магазинами в Москве (4 магазина) в Петербурге (2), в Варшаве,

Екатеринбурге, Иркутске, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Харькове и на Нижегородской ярмарке. В 1916 г. Сытин приобретает еще акции бумажных фабрик и известного издательства А. Ф. Маркса (Санкт-Петербург), выпускавшего кроме книг наиболее распространенный журнал «Нива». Уставный капитал сытинской фирмы в 1914–1916 гг. удваивается, к марту 1917 г. он еще вырастает более чем в 2 раза и составит 22,3 млн. рублей. Издательский репертуар «Товарищества И. Д. Сытина» (1901–1910 гг.) выглядел следующим образом:

Тип издания	Число изданий	Кол-во экз.
Календари	21	51 038 050
Лубок — народная литература	598	33 959 833
Картины — религиозные	215	30 597 250
Беллетристика	837	15 935 833
Картины — разные	322	15 421 130
Буквари	58	13 950 640
Духовно-нравственные издания	192	13 601 935
Портреты царя и членов императорской фамилии	58	11 846 865
Детские книги	272	4 503 875
Учебники и учебные пособия	369	4 168 010
Словари, энциклопедии, справочники и др.	84	875 480
Всего	4838	212 145 216

Далее по рейтингу шло издательское дело А. С. Суворина (Санкт-Петербург), долгое время лидировавшее в стране. Оно включало в себя газеты «Новое время» (с 1876 г., Санкт-Петербург), в XIX в. одна из наиболее тиражных, с 1882 г. — два выпуска: утренний и вечерний, с 1891 г. имела еженедельное иллюстрированное приложение; «Еженедельное Новое время» (с 1879 г.), «Вечернее время» (с 1911 г., Санкт-Петербург), «Время» (с 1905 г., Москва), «Телефон „Новое время“» (1904–1905 гг.),

«Земледельческая газета» (1904–1905 гг.); ряд журналов — «Исторический вестник» (с 1880 г., в 1900 г. имел тираж 10 тыс. экземпляров); «Шахматы» (с 1894 г.) «Russko-Britanskoie Vremia», «Лукоморье», «Конский спорт» и др.; с 1894 г. — справочные периодические издания «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия»; мощное книгоиздательство; контрагентство-монополист по распространению газет и другой печатной продукции почти по всем железным дорогам страны; отделения-магазины в Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове; бумажную фабрику с 30 тыс. десятин леса в Новгородской губернии.

Трестами становятся издательства «Копейка» (Санкт-Петербург), владевшее книгоиздательством, типографией, периодикой во главе с массовой «Газетой-копейкой» (1908–1917 гг.) и журналом «Солнце России», и «Московское издательство», имевшее книгоиздательство, типографию, газеты «Коммерсант», «Вечерние известия», «Трудовая копейка», журналы «Женское дело», «Детский мир». Каждый номер «Газеты-копейки» приносил доход от рекламы около 1 тыс. рублей. По минимальным расценкам он складывался из следующего: ширина колонки страницы — 66 мм, число колонок — 4; цена строки непарелью объявлений на первой полосе — 80 коп., на последних страницах — 40 коп., среди текста — 1 руб. 20 коп., прислуге и лицам, предлагающим свой труд — 50 коп. На первой полосе реклама занимала 444 строки на сумму 355 руб. 20 коп., на пятой — 320 строк на 160 руб., на шестой — 640 строк на 320 руб. Всего объявлений — 1400 строк, или 38,4% всей газетной площади номера. Общая сумма платы за них порядка 830 руб., на самом деле больше.

В п р о в и н ц и и также начинается процесс преобразования газетных издательств в акционерные предприятия. К примеру, таким был «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), принадлежавший Донскому акционерному обществу печати и издательского дела, использовавшим крупнейшую на юге страны бумажную фабрику.

Все эти предприятия были акционерными: в их совокупном доходе выпуск газет не был основным его источником. Так, наи-

более представительное для этого периода издательство И. Д. Сытина получало главную прибыль от производства календарей, лубочной продукции, букварей и др. Каждый год Сытин продавал свыше 50 млн. лубочных картин; только тираж календаря «Мир в рассказах для детей» педагогов В. П. Вахтерова и его жены, выдержавшего множество изданий, в 1910 г. составил 1 млн. 290 тыс. экземпляров. Что касается основного детища Сытина начала XX в. — его газеты «Русское слово», то ее хозяин главным для своего дела справедливо считал растущую на нее подписку. По утверждению Сытина, она «давала ему оборотный капитал», «как бы беспроцентную ссуду».

Однако с ростом тиража газеты на ее выпуск естественно требовалось все больше материальных средств и расходов. Тираж «Русского слова» за 1900–1915 гг. увеличился в 20 раз, а расходы на бумагу и печатание — в 22 раза. О величине издержек, можно судить, к примеру, по следующим цифрам. В 1904 г. на производство газеты пошло около 59 тыс. пудов бумаги, в 1913 г. — более 434 тыс.; на типографские расходы было потрачено соответственно более 102 200 и 1 754 000 рублей. В совокупности за 15 лет издержки на бумагу и производство составили почти 50%.

К 1916 г. предприятию Сытина в сутки нужно было 7 тыс. пудов бумаги, из них 30% шло на «Русское слово», между тем все фабрики страны тогда не производили столько бумаги. К этим издержкам добавлялись траты на содержание редакции и конторы газеты, которые за эти 15 лет в то же время увеличились в 27 раз и составили 25% всех затрат. К 1915 г. на них шло почти 1,5 млн. рублей в год. Все эти расходы окупались не столько подпиской и розничной продажей издания, сколько публикаций рекламы. За те же 15 лет доход от нее в «Русском слове» составил: в 1900 г. — около 50 тыс. рублей, в 1915 г. — 1 249 200 рублей. Эти деньги при разном рекламном рынке покрывали от 20 до 80% годовых затрат на производство газеты.

Таким образом, пример наиболее распространенной газеты в стране показывает, что чем выше тираж издания, тем оно более крепко привязано к общему механизму капиталистического хозяйства, информационному рынку. Ее благополучие обе-

спечивается успешной совокупной деятельностью фирмы, треста или акционерного предприятия, которому газета, в свою очередь, дает самую выгодную и востребованную на рынке рекламу.

Процесс акционирования журналистики получает наиболее широкое развитие в предвоенные годы, когда в России особенно ощущался экономический подъем, когда крупное издательское дело требовало больших капиталовложений и предприниматели активно использовали банковский кредит, что вело к установлению финансового контроля банков над акционерно-паевыми предприятиями, а представители банков входили в качестве пайщиков в акционерные компании. К 1914 г. финансовый капитал фактически овладел большинством крупных газет в столицах и провинции. Даже издательское дело миллионера И. Д. Сытина в борьбе за монополию на информационном рынке опиралось на Русско-Азиатский коммерческий банк.

К этому времени издательское дело становится составной частью экономической системы России. В стране насчитывалось 90 акционерных издательских, полиграфических и бумагоделательных компаний.

§ 2. РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО БИЗНЕСА

Журналистика превращается в бизнес и средство обогащения, о чем свидетельствует карьера многих дельцов печати. Так, С. М. Проппер, приехавший в Россию, как говорят, без гроша в кармане, приобрел на аукционе за 13 рублей право на издание в Петербурге газеты «Биржевые ведомости» (1880–1917), сделал в ее постановке упор на выбивание и публикацию рекламы. При этом он не брезговал никакими средствами, «шляясь, — по словам С. Ю. Витте, — по передним влиятельных лиц» и «выпрашивая казенные объявления, различные льготы». Редактор «Биржевых ведомостей» И. Н. Ясинский откровенно рассказывал в «Романе моей жизни», что Проппер «прибегал к шантажу, объявляя в биржевом отделе газеты те фирмы, которые отказывались

печатать объявления, некредитоспособными. Делал он это ловко, между строк. В банках его называли револьвером. На бирже — зайцем». Директор департамента полиции С. П. Белецкий вспоминал, что, обеспокоенный появлением в «Биржевых ведомостях» фельетонов о Распутине, он предложил уже другому редактору газеты Горелову (Гаккебушу) взятку в 600 рублей с тем, чтобы фельетоны перестали помещать. Взятка была принята, и упоминания о Распутине исчезло со страниц «Биржевых ведомостей». К 1916 г. капитал Проппера превышал 3 млн. рублей.

Редактор-издатель С. Н. Худеков разбогател на выпуске в столице массовой популярной «Петербургской газеты» (1867–1917), в 1890-е годы купил в центре города особняк князей Голицыных и стал сдавать в аренду его помещения, а во дворе дома поставил типографию для своих изданий.

Одним из наиболее ярких примеров деятельности, основанных только на рекламном бизнесе в России, является Торговый дом «Л. и Э. Метцель и К^о». Он был учрежден в 1878 г. в Ростове-на-Дону как Центральная контора объявлений Л. Метцель. С 1891 г. ее правление перебраслось в Москву, а сама «контора» была преобразована в товарищество под названием Торговый дом. Его главой и владельцем стал Людвиг Морицович Метцель (родился в Праге в 1854 г.) — пионер широкой постановки рекламного дела в стране (совладельцем Л. Метцеля был его брат Эрнест, умерший в 1900 г.). Современники Метцеля отмечали, что его Торговый дом «опередил по размерам деятельности большинство подобных учреждений за границей». Эта деятельность была направлена на «увеличение доходности русских газет и журналов путем привлечения в них объявлений из всех стран мира». Она способствовала улучшению материального положения провинциальной печати. Фирма Метцеля имела отделения в Петербурге, Варшаве, Берлине, своих представителей в Париже, Нью-Йорке, Бостоне и Тегеране. Через контрагентство этой фирмы к 1914 г. проходило более половины публикаций рекламных контор страны, а оборот фирмы превышал 10 млн. рублей.

Процесс капитализации печати предоставил власти новые возможности в использовании экономического контроля за журна-

листикой, материально зависимой от рекламных публикаций. Историк А. Н. Боханов, обстоятельно анализируя этот элемент капитализации печати, подчеркивает, что «существовала своеобразная взаимозависимость между общественно-политической позицией газеты и ее материальным благополучием». Хорошо знавший газетную «кухню» А. С. Суворин писал: «...Для многих объявителей один только слух о закрытии или приостановке газеты равнялся тому, что она исчезала совсем». Так как зависимость частных газет от рекламы постоянно возрастала, то увеличивалась и заинтересованность капиталистов-издателей в ограждении своих органов от возможных административно-цензурных репрессий. «В результате газета должна была полностью быть лояльной по отношению к царизму, чтобы не потерять благорасположение капитала в лице рекламодателей».

Газеты стали издаваться на деньги в большей степени рекламодателей, чем подписчиков и читателей. Редакция такой качественной газеты, как «Русские ведомости», признавала в своей статье от 12 ноября 1912 г., что «большой газете выручка от ее продажи окупает разве что половину ее собственных издержек».

Рекламный бизнес претерпевает к этому времени значительные качественные изменения: рекламодателями становятся не мелкие коммерческие заведения, отдельные предприниматели и лица, а мощные финансово-промышленные предприятия, в балансах которых стала выводиться специальная строка на рекламу, содержащая десятки тысяч рублей. Особенно вырастает в газетах доля рекламы, идущей от акционерно-паевых предприятий. Приведем данные по двум авторитетным изданиям страны — «Новому времени» и «Русскому слову» (табл. 5).

Таблица показывает, что банковский капитал активно размещает рекламу в ведущих изданиях страны. При этом надо учитывать, что публикация, например, банковских балансов занимала одну-полторы страницы газеты, а стоимость полосы под рекламу в «Новом времени» составляла более 1 тыс. рублей. Такие расходы могли себе позволить лишь крупные финансовые предприятия. Естественно, газете, имевшей такие денежные поступления, трудно проводить политику, независимую от рекламодателя.

Таблица 5

Динамика использования газетной площади
акционерно-паевыми предприятиями
в «Новом времени» и «Русском слове»

Рекламодатель	1898 г.		1912 г.			
	НВ		НВ		РС	
	I	II	I	II	I	II
Банковский капитал ...	47	682	49	564	29	197
Общества	105	654	94	635	57	422
Частн. желез. дороги	23	232	14	97	6	21
Другие	39	196	31	218	24	103

Примечание: I — число рекламодателей, II — число их рекламных публикаций; под банковским капиталом имеется в виду сами банки разных типов, их конторы и дома, кредитные общества и ломбарды; общества включают в себя страховые, судоходные, горные, металлургические, нефтяные, табачные и др.

Одна из наиболее влиятельных газет, «Новое время», после смерти А. С. Суворина в 1912 г. постепенно переходит в руки банков. Если ее основатель — бизнесмен старой формации, имевший в обществе большой авторитет, умел по-своему ладить с финансовым капиталом, то в судьбе его сына Алексея Алексеевича (1862–1937, псевдоним Порошин) банки сыграли коварную роль. Его попытки выпускать собственную газету наталкивались на их диктат.

В 1903 г. Суворин-младший стал на самостоятельную дорогу, вышел из «отцовского дела». Правда, его краткосрочные долги превышали 200 тыс. рублей. А. С. Суворин оплатил их. Его сын наладил выход газеты «Русь» (1904–1908), которая зарабатывала популярность на том, что остро полемизировала с «Новым временем». Суворин-старший тем не менее оплачивал большую часть бумаги для «Руси». Несмотря на это, дефицит за весь период издания этой газеты составил более 1 млн. рублей.

В 1908 г. газета А. А. Суворина, уже имевшая название «Новая Русь», стала публиковать письма в редакцию, репортерские заметки с критикой работы нескольких банков, а затем повела против них настоящий крестовый поход, обвиняя их в недобросовестных

поставках в интендантство и другие государственные учреждения, требуя предать виновных суду. На редактора сразу же начались гонения: банк, в котором он постоянно учитывал векселя, отказался произвести учет. Другие банки, куда пришлось Суворину обращаться, тоже отказали и вообще закрыли ему кредит. Они же инициировали в газете «Речь» публикации с обвинениями редакции «Новой Руси» в шантаже банков. При этом при встрече с редактором «Речи» П. Н. Милюковым сотрудник «Новой Руси» летчик Попов дал ему пощечину — разразился скандал. В итоге всех этих событий газета осталась без средств и прекратилась.

Этот сюжет позднее получает развитие. В 1914 г. А. А. Суворин издавал налаженную по английскому образцу радикальную газету «Новь», имевшую определенный успех в обществе. Газета активно пропагандировала в обширном специальном отделе идеи и практику кооперации. Ее тираж стал расти. Предпринимателю понадобилась новая большая ротационная печатная машина. Суворин заказал ее в Англии, но на ее доставку в Россию у него не хватило денег. Он обратился за кредитом к банкирам, которые согласились дать ему ссуду, но с условием прекратить восхваления кооперации и предоставить им в полное распоряжение финансово-промышленный и торговый отделы газеты. Суворин не принял такие условия, и газета вскоре была закрыта.

С «Новым временем» — газетой слишком известной, читавшейся самим царем и его окружением, ставшей значительным достоянием журналистики страны, — так получиться не могло. В этом случае финансовый капитал избрал иную стратегию. Сначала его влияние проводилось через пайщиков «Нового времени», представлявших правления банков. К примеру, А. И. Гучков, директор Волжско-Камского коммерческого банка, финансист и магнат, был членом совета акционерного общества А. С. Суворина; председатель правления этого же банка П. Л. Барк был главным финансовым консультантом суворинского предприятия.

Представители финансового капитала отчетливо понимали высокую рыночную конъюнктуру этой фирмы, хотя и видели, что в деле Суворина в начале века было не все благополучно. Так, в беседе с одним из основных публицистов «Нового времени» М. О. Менши-

ковым П. Л. Барк посчитал, что газета ежегодно может давать «8% верных, а при хорошем хозяйстве и 10% на капитал». Поэтому, когда А. С. Суворин решился поправить дела и привлечь новый капитал, организовать паевое товарищество, банков, желающих купить паи, было немало: Санкт-Петербургский учетный и ссудный, Волжско-Камский коммерческий, Утемана, Русский торгово-промышленный, Утина и др. Известный английский бизнесмен Базиль Захаров предложил Суворину вообще купить все его предприятие. Конечно, опытный издатель остановил выбор на том банке, с которым уже давно имел связи, — Волжско-Камским коммерческим.

Чтобы по-прежнему контролировать дело, Суворин оставил за собой большую часть паев (650 из 800). В числе главных пайщиков оказались А. И. Гучков, П. Л. Барк, А. А. Столыпин, С. Т. Морозов, Волжско-Камский коммерческий банк. Издательское, типографское и книготорговое товарищество «Новое время» с основным капиталом в 4 млн. рублей получило высочайшее утверждение в августе 1911 г. На следующий год А. С. Суворина не стало, и финансисты активизировались, а когда в 1915 г., во время войны, в газете уменьшилось число казенных, обязательных объявлений и ей угрожал крах, хотя тираж даже вырос, коммерческие банки — Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Русско-Французский, Санкт-Петербургский частный — окончательно завладели «Новым временем». В знак протеста А. А. Суворин устроил в редакции громкий, со стрельбой, скандал, что, естественно, ни на чем не отразилось.

На информационном рынке места сантиментам нет. Его двигателем и бичом является конкурентная борьба за прибыль и доходы, за свою нишу в информационном процессе, за читателя, за выгодное распространение продукции.

§ 3. КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА НА ИНФОРМАЦИОННОМ РЫНКЕ

Многие издательские фирмы, газеты и журналы не выдерживали конкуренции и погибали. Так, сытинский трест постепенно поглотил типографию А. В. Васильева, литографию

М. С. Соловьева, в 1913 г. одно из крупнейших лубочных издательств Москвы Торговый дом Е. И. Коноваловой, перед войной 1914 г. — типографию Кудинова, в годы войны — мощное предприятие А. Ф. Маркса.

В этих условиях начинают создаваться объединения предпринимателей, которые только и могли выстоять в конкурентной борьбе. Это касается крупнейших отечественных компаний, даже таких, как издательства А. С. Суворина, А. Ф. Маркса, И. Д. Сытина. Их столкновения на информационном рынке вполне естественны, и от руководителя дела зависело, как решался возникший конфликт, как найти выход из кризисного положения и др. Несмотря на то, что крупные предприниматели понимали необходимость уступок в чем-то друг другу, гибкой стратегии для взаимной выгоды, тем не менее и между ними шла скрытая, подпольная и порой нечестная борьба за потребителя, за государственные заказы, за льготы, за право иметь возможность по более дешевой цене закупать бумагу, с выгодой распространять и продавать свою продукцию и т. д. Всё это находило отражение в деятельности издательских предприятий.

Особое значение в условиях расширения информационного рынка для каждого из них имела система доставки собственной печатной продукции потребителю. Понимая это, Д. И. Сытин в XIX в. создает хотя и примитивную по современным понятиям, но по тем годам вполне надежную и дешевую сеть распространителей народной литературы, лубка и картинок из офеней.

Более развитый информационный рынок, несший читателю и более оперативную продукцию, потребовал от предпринимателей поиска других путей доставки печати. Появляются артели газетчиков, т. е. продавцов газет, которые естественно преследуют свои цели к выгоде, повышая цену изданий. С развитием железных дорог крупные предприниматели пытаются использовать их. В этом отношении несомненны заслуги А. С. Суворина — основного инициатора борьбы за распространение периодики и книг по железнодорожным магистралям. В конце 1884 г. он перекупает право продажи печатной продукции на станциях двух дорог — Николаевской и Варшавской. С этой же целью в 1886 г. Суворин

заключает контракт с Управлением казенных железных дорог на 3 года и расширяет права еще на две магистрали, затем включает в свою сферу дорогу на Кавказские Минеральные воды. Все это позволяло ему оттеснить с информационного рынка многих конкурентов. Имея киоски на станциях, Суворин, чтобы обеспечить путь к провинциальному читателю своим изданиям, часть продукции других предпринимателей вообще не продавал, у некоторых брал газеты в ограниченном количестве экземпляров, наконец, как посредник, завышал на них цену, причем до 60%:

Газета	Цена в столицах, коп.	Цена в киосках Суворина, коп.
«Биржевые ведомости»	2	5
«Курьер»	3	5–10
Другие столичные газеты	3–5	10

Редактор-издатель газеты «Новости» О. К. Нотович пытался добиться для себя права на распространение печати по Варшавской железной дороге. Суворин сразу же обратился за помощью к министру финансов С. Ю. Витте, который не только отстоял право на нее Суворина, но и в дальнейшем помогал ему, хотя порой довольно негативно отзывался о его «Новом времени».

В связи с этим следует заметить, что предприятие Суворина к тому периоду составляло, можно сказать, неофициальную часть государственной структуры, а его хозяин имел в бюрократических кругах большой вес. В этом отношении его можно сравнить с М. Н. Катковым, у которого было свое информационное пространство и своя сфера деятельности. Поэтому дальновидные правительственные чиновники, как и Витте, — А. В. Кривошеин, П. А. Столыпин, С. И. Тимашев и др. — поддерживали инициативы Суворина. И он долго оставался фактическим монополистом по распространению печати по железным дорогам. К началу XX в. Суворин имел контракты с восемью крупными магистралями и на 50 станциях продавал печатную продукцию, неся при этом убытки в 40 тыс. рублей, но получая преимущества в дру-

гом — в расширении сети подписчиков на свои издания, особенно на «Новое время», и их розничной продажи. За 1901 г. чистая прибыль от издания газеты составила 236 тыс.рублей, в 1902 г. она превысила 300 тыс.

Предпринимательская деятельность А. С. Суворина развивалась в основном в XIX столетии. Он был бизнесменом старой формации. Его предприятие можно назвать семейным, при котором в деле участвуют родственно близкие люди, поэтому в ходе конкурентной борьбы между собой порой делаются уступки друг другу, более сильные издатели берут на себя убытки других и т. п.

К началу XX в., особенно после революции 1905 г., происходит становление более свободного рынка, тесно связанного с общим процессом капитализации экономики страны, на который государство не могло оказывать решающего давления. В конкурентной борьбе вперед выходят новые предприниматели, более чутко учитывающие реалии этого рынка, рассчитывающие в своем большинстве на силу и возможности капитала. В первую очередь здесь надо назвать имя И. Д. Сытина, который в 1903 г. перехватил аренду по распространению печати на 38 железнодорожных станциях.

Возможно, в ответ на этот вызов Суворин в том же году преобразует свое контрагентство в самостоятельное паевое предприятие «Контрагентство А. С. Суворин и К^о», имевшее монопольное право торговли печатной продукцией на станциях казенных железных дорог. Оно стало важной статьей дохода Суворина. Так, позднее, в 1910/11 операционном году от него было получено более 125 тыс. рублей прибыли. В 1903 г. Суворин вместе с издателями С. Н. Худяковым («Петербургская газета») и В. А. Владимирским («Петербургский листок») пытались создать компанию «Артель» для продажи произведений печати, но не получили поддержки.

В 1903 г. идея все-таки была реализована в организации «самостоятельного неполного товарищества на вере», где основным пайщиком был Суворин. От его лица дела вел А. И. Ефремов, но постепенно основной силой этого предприятия становится один из его вкладчиков — И. Д. Сытин. В январе 1907 г. оно было пре-

образовано в Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог «Контрагентство печати», где работало 400 агентов. По инициативе Сытина московские издатели газет договорились о негласном картельном соглашении по ценам и условиям сбыта газет, образовав тайный синдикат, где ведущие позиции занимали Сытин и Суворин. Синдикат захватил право на распространение печати на всех европейских магистралях России. Сибирская железная дорога находилась в сфере влияния Союза русского народа.

Синдикат, однако, не исключал борьбы его участников на информационном рынке. Когда А. А. Суворин попытался продвинуть свою газету «Русь» («Новая Русь») в провинцию, где она в случае успеха конкурировала бы с «Русским словом», Сытин предпринял ответные меры и это способствовало тому, что Суворин-младший обанкротился.

К 1910 г. Сытин фактически овладел товариществом: у него было 350 паев, у Суворина — 150, у остальных — по 25. В 1909 г., а также и в 1910 г. доход от контрагентства составил 60 тыс. рублей. 25 апреля 1911 г. Суворин, Сытин и еще 13 вкладчиков учредили Товарищество на вере под фирмою «Контрагентство А. С. Суворин и К^о» для издательской деятельности и торговли произведениями печати на станциях железных дорог, пароходах, пристанях и во всех городах и селах Российской империи. Главная контора нового агентства перебралась из Петербурга в Москву, в сферу влияния Сытина. Агентство арендовало 600 киосков на станциях 28 из 44 крупных магистралей страны. Вообще же тогда в России было 60 казенных и частных дорог. Пайщиками агентства были 34 коллектива и предпринимателя. Основной его капитал составлял сначала лишь 160 тыс. рублей. К январю 1913 г. он вырос до 410 тыс.

Усиление одного треста, монополизация им производства определенной печатной продукции, системы распространения ее, рост его доходов наталкивались на информационном рынке на естественное противодействие конкурентов, прибегавших к всевозможным ухищрениям в неравной борьбе. При этом такое противодействие нередко совершалось под при-

крытием, через подставных лиц, с использованием прессы, порой как бы с благородными целями — под видом борьбы с монополизацией и т. п.

Конечно, Сытину пришлось испытать на себе такого рода действия конкурентов. К началу XX в. он был не только известным предпринимателем, миллионером, но и просветителем, много сделавшим для развития народного образования; известным меценатом, активно занимавшимся благотворительностью. Его заслуги были признаны общественностью. В 1890 г. он стал членом Русского библиографического общества при Московском университете и взял на себя расходы по изданию журнала «Книговедение». Он был членом Московского общества детских приютов, Общества покровительства беспризорных и освобожденных из мест заключения, Казначейского общества попечительства о детях народных учителей и учительниц и др.

В 1908 г. Сытин был избран депутатом Московской городской думы. Выход издателя в политику был сразу же замечен прессой. Уже на следующий год против него в печати стали публиковать компромат. В газете «Москва» в июле 1909 г. появились две статьи, одна из которых выразительно называлась «Книжник-фарисей». Поводом к этим публикациям стал Первый всероссийский съезд издателей и книгопродавцев в Санкт-Петербурге. На нем была принята резолюция, осуждавшая правительство за ограничения свободы издательской деятельности. Что касается Сытина, то его выбрали в оргбюро следующего съезда. После этого форума состоялся банкет, где Сытин, выступая, подчеркнул, что Россия только тогда будет грамотной страной, когда ее издатели пойдут навстречу запросам мужика. Сытин заявил, что 30 с лишним лет он трудится над распространением в народе «хороших, нужных и полезных книг». В прошлом сотни его офеней снабжали деревню такими русскими сказками, как «Бова Королевич».

Репортер, присутствовавший на банкете, имел об этом другое мнение. Он высмеял Сытина в статьях, помещенных в конкурировавшей с его изданиями газете «Москва», считая, что ничего «хорошего и полезного» в средневековой «кровоной» сказке про

Бову Королевича нет. Продажа такого рода книг позволила Сытину разбогатеть. Затем корреспондент довольно точно, хотя и невольно, отразил в своих статьях то, как предприниматель умело учитывал потребность читателя текущего информационного рынка.

§ 4. Эволюция ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПЕЧАТИ

В постреволюционный период происходит захват капиталом информационного рынка, он освобождается от дотошной государственной опеки, и русская журналистика испытывает расцвет. Однако процесс капитализации печати тогда обычно рассматривался как негативное явление. Известный публицист С. Н. Кривенко в статье «Газетное дело и газетные люди», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1906 г., замечал: «Капитализация литературы имеет немало отрицательных сторон, так что даже и на то хорошее, что при этом делается, ложится какая-то особая тень сомнения или же прямо накладывается коммерческое клеймо».

Капитал создавал условия для демократизации журналистики, многообразия ее форм, развития ее аудитории, удовлетворения разнообразных потребностей читателей; для функционирования новых типов изданий, особенно частной прессы, независимой в материальном отношении от власти; для оперативной периодики, несущей рекламную информацию, и др. Важной потребностью капитала была необходимая для него гласность, рекламирование финансовых оборотов, производимой продукции, а также, что не менее значимо, потребность участия в социально-политической жизни общества, в управлении им с помощью информационных потоков. Это способствовало модернизации типологии русской печати, обновлению и расширению диапазона информации журналистики, ее содержания, проблематики.

Экономическая информация и тематика, вопросы промышленности, финансов и торговли становятся обыденными для

общественно-политической печати и основными — в отраслевых изданиях. Но к этому русская журналистика прошла долгий путь. Экономическая мысль, экономическая информация в русской печати имеет богатую историю, которая как целостное явление не изучена. Понимание ее необходимости и важности в развитии страны способствовало созданию специальной журналистики уже на ранних этапах истории русской периодики.

Помещик Тульской губернии Василий Алексеевич Левшин, издавая в 1814–1815 гг. журнал «Экономический и технологический магазин», рассказывал о намерениях, с которыми он предпринимал его выпуск: «Сношение между хозяевами и учеными, открытия практических трудолюбцев, их полезные изобретения и мнения ни через что столько не могут распространяться для блага отечественного, как посредством издания журналов, в которых помещаются сего рода материи, не токмо в отечестве еще неизвестные и на чужеземных языках описанные, но и собственными соотчичами нашими приобретенные, практикою подтвержденные и после многих испытаний признанные верными».

В начале 1825 г. управляющий Департаментом горных и соляных дел, директор Горного кадетского корпуса Е. В. Карнеев, определяя программу задуманного им «Горного журнала», первого в мире такого типа издания, которое выходит до сих пор, подчеркивал, что «издание Горного журнала должно споспешествовать и самим Наукам. Известно, сколь богата земля наша произведениями Минерального царства и сколь мало доселе описаны месторождения их... Журнал извлечет из неизвестности безгласные ныне о сем сведения, породит новые известия, вдохнет соревнование к распространению всякого рода познаний по всем предметам Горных наук и Искусств... Кто знает? Может быть, издание Горного журнала, нами начатое, составит эпоху в Российской горной истории; может быть, он послужит и важным и благоуспешным по сей части переменам... Цель будем иметь священную: пользу отечества, просвещение современников и благодарность потомков».

Эта священная цель найдет в Отечестве своих последователей, а в эпоху Великих реформ 1860-х годов получит новые импуль-

сы. Настроения тех лет хорошо отразил профессор Ф. В. Чижов в программе газеты и журнала, разработанной им для костромских предпринимателей А. П. и Д. П. Шиповых: «Требования нашей помышленности двоякие: с одной стороны, она нуждается в объяснении общих и частных причин промышленных вопросов, как для самих промышленников, так и для читающего класса народа, с другой — в живых известиях о ценах, запросах товаров, о сравнительных прејскурантах машин, о новых изобретениях, о способах сбыта и получения произведений и т. п.».

В конце XIX в. интерес к пути экономического развития страны, экономической информации существенно возрос. К обсуждению этих проблем, к публикации разного рода таких сообщений помимо специальных изданий подключилось большинство общественно-политических, литературных журналов и газет. «Труды Вольного экономического общества», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Научное обозрение», «Вестник Европы», «Русское богатство» печатали статьи, исследовавшие разные стороны стратегии экономики государства, практические проблемы сельского хозяйства, промышленности, транспорта, финансов, торговли; обращались к показу опыта зарубежных стран. К примеру, были опубликованы статьи М. И. Туган-Барановского «Статистические итоги промышленного развития России», «Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма» («Труды Вольного экономического общества», 1898), «Основная причина кризисов в капиталистическом хозяйстве» («Мир божий», 1899); Старого профессора (псевдоним) «Денежный кризис и наша банковская политика» («Народное хозяйство», 1900); В. М. Чернова «Типы капиталистической и аграрной эволюции» («Русское богатство», 1900) и др.

В еженедельном иллюстрированном, тонком экономическом и сельскохозяйственном журнале «Хозяин» (1898. № 51) была помещена статья В. Денисенко «Чем победила нас Америка на всемирном рынке». Автор предлагал практические меры, которые позволят ликвидировать отсталость России от Америки в сельском хозяйстве и промышленности: «1) разумно поставленное общее образование для всех, с курсом естествознания примени-

тельно к сельскому хозяйству; 2) распространение специального сельскохозяйственного образования не снизу, а сверху, посредством возможно большего числа высших сельскохозяйственных институтов и обращение кафедр по агрономии при университетах в факультеты; и 3) замена средних и низших сельскохозяйственных школ курсами по предметам сельского хозяйства, что будет и дешевле и обещает больше успеха».

Вокруг выходящей в свет экономической литературы разворачивались бурные дискуссии, особенно вокруг теоретических идей К. Маркса. Полемику в прессе вызвали труды В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882), «Наши направления» (1893), «Очерки политической экономии» (1895); М. И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894), «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) и др. Вызвала споры переведенная на русский язык книга немецкого ученого Бём-Баверка «Теория Маркса и ее критика» (1897).

В начале XX в. в печати активизировалось сотрудничество ученых и экономистов, сами журналисты начинают специализироваться на финансово-экономических вопросах. В «Биржевых ведомостях» по этим проблемам выступает В. С. Зив, в «Финансовой газете» — акад. В. М. Бехтерев, проф. М. В. Бернацкий, экономист И. И. Левин, в «Торгово-промышленной газете» — Г. Гольдберг и т. д.

Раннему этапу процесса капитализации сопутствовало постепенное осознание предпринимателями, коммерсантами значения печати в успехе их деятельности. В пореформенный период, замечает историк В. Я. Лаверычев, крупная торгово-промышленная буржуазия активно стремилась в своих интересах использовать печать. Она «создавала и находила газеты и журналы, отражавшие и защищавшие предложения и ходатайства по вопросам экономической политики, рабочему вопросу. При этом капиталисты оставались на узкословных, „купцовских“ позициях». Основным их требованием к прессе и журналистам была поддержка ими протекционизма: поддержка отечественного производства и капитала, в первую очередь в тамо-

женном вопросе. Эти самые «купцовские позиции» с их сословными предрассудками были особенностью экономического развития аграрной России. На этом этапе ее торгово-промышленная буржуазия имела еще ограниченное понимание возможностей и задач периодической печати. Отсюда и отсутствие у нее определенной политической программы.

§ 5. ГАЗЕТА «РОССИЯ»

Однако процесс осознания буржуазией общественного значения журналистики шел. Одним из проявлений этого было создание на самом рубеже веков газеты «Россия» (28 апреля 1899 — январь 1902 г.). Ее история тесно связана со сложившейся на внутреннем информационном рынке монополией «Нового времени» А. С. Суворина. Группа капиталистов во главе с С. И. Мамоновым пыталась осуществить проект издания авторитетной информационно насыщенной газеты, своего рупора, противостоявшего «Новому времени».

Их интересы совпали со стремлением ряда сотрудников суворинского издания уйти из него. Они испытывали неудовлетворенность тем, как смотрели на них в оппозиционных кругах общества. Поводом для разрыва с «Новым временем» послужила позиция редактора, осудившего волнения студентов в феврале 1899 г.

Творческая часть редакции: А. В. Амфитеатров, И. Н. Потепенко, Г. П. Сазонов, В. А. Тихонов — заключила договор с Мамоновым на выпуск газеты. Г. П. Сазонов, как политически благонадежный, получил право на издание в Петербурге ежедневной газеты «Россия». Он стал и ее редактором-издателем. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин отмечал, что издатели «открыли газете самый широкий кредит и существование ее с первых дней оказалось вполне обеспеченным». Проект финансировал зять Мамонова М. О. Альберт, крупный промышленник и финансист, тесно связанный с германским Обществом электрического освещения 1886 г., Обществом Невского судо-

стротельного завода и др. Первоначальный капитал предприятия составлял 250 тыс. рублей. Газета стоила дешево — 7 рублей в год. Это при успешном ведении газетного дела, творческом подходе, особой направленности против «Нового времени» позволило редакции через полтора года добиться по тем временам солидного тиража — 40 тыс. экземпляров (у суворинской газеты тираж составлял 60 тыс.).

В первом номере редакция обнародовала программу газеты, обещая «любить свет и ненавидеть тьму». Она считала, что уже в названии газеты находит отражение ее программа: «Россия просвещенная, обильная в плоти и в духе, незыблемо твердая в устоях своей самобытности и их мощью окрыляемая к постоянному движению вперед: Россия — кроткая, но твердая волею мать объединенных ею народов».

Редактор Г. П. Сазонов взял на себя руководство экономическим, финансовым, крестьянским и земским отделами, А. В. Амфитеатров — политическим и литературным, Л. Ю. Гольштейн — иностранным, В. А. Гиляровский — московским, В. М. Дорошевич — провинциальным, профессор П. И. Ковалевский — научным, Ю. Д. Беляев — театральным, И. Ф. Соловьев и Я. А. Рубинштейн — музыкальным.

Ведущим публицистом газеты был А. В. Амфитеатров (1862–1938), считавший «Россию» своей газетой, где он действительно в 1899–1900 гг. был неофициальным редактором, но, по его словам, с 6 ноября 1901 г. он «совершенно отказался от редакционного участия в „России“, сохранив за собою право неприкосновенности своего фельетона». Выступал он в этой газете под псевдонимом Old Gentleman.

Амфитеатров был литератором широкого профиля, писал всё: стихи, сатиру, публицистику, беллетристику (романы, повести, драмы, рассказы), литературно-критические статьи и рецензии. Выходец из культурной духовной семьи, закончил юридический факультет Московского университета. Учился пению, в том числе и в Италии, два сезона пел в Тифлисе и в Казани. Отличался большой начитанностью и эрудицией. «Трудно было найти, — вспоминал А. А. Золотарев, — такую

область человеческого знания, о которой он не мог бы найти в сокровищницах своей памяти если не подлинных фактических данных, то, по крайней мере, веселого анекдота, каламбура или исторической справки о том, кто, когда и как над ней работал».

Начинал творчество Амфитеатров в журналах «Будильник», «Осколки», «Искра»; печатался в «Русских ведомостях». В 1880-е годы имел более 60 псевдонимов. По-настоящему в журналистику вошел с приглашения в «Новое время» А. С. Суворина, где сотрудничал с 1891 по 1899 г., стал одним из ее ведущих журналистов, воскресным фельетонистом. Его выступления под рубрикой «Москва. Типы и картинки» о разных сторонах жизни второй столицы страны, ее быте, экономике, культуре, искусстве, об острых проблемах самоуправления, общественном настроении получили большую популярность у читателей. Он вполне вписывался в ансамбль суворинской газеты.

Из «Нового времени» Амфитеатров ушел со скандалом, оставшись должником Суворина, что не помешало ему быть инициатором антинововременской кампании в «России», во внутренних обозрениях которой обличение Суворина и критика его газеты становятся обычным явлением. Особый эффект в этом смысле имел памфлет ведущего публициста «России» В. М. Дорошевича «Старый палач» (1900. 22 янв.). В образе литературного палача был представлен известный литературный критик В. П. Буренин, критический темперамент которого получил отражение в блестящей и злой эпиграмме на него Д. Д. Минаева¹:

По Невскому бежит собака
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он её не укусил!

¹ Минаев Д. Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 298.— В учебном пособии С. Я. Махониной «История русской журналистики начала XX века» (М., 2002. С. 91) известная эпиграмма неожиданно приписана Дорошевичу. Ошибка повторена в в ее же учебно-методическом комплексе (3-изд. М., 2008. С. 91).

К концу XIX в. в литературных кругах за Бурениным закрепилась слава беспринципного критикана, хотя известно, что Л. Н. Толстой называл его талантливым. Образ старого палача из кандалного отделения, нарисованного острым сатирическим пером Дорошевича и прямо в тексте названного по фамилии, надолго врезался в память читателей.

Появление памфлета имеет некую предысторию. В бытность работы в «Новом времени» Амфитеатров был неоднократно обижен Бурениным, особенно его грубой эпитаграммой:

Своей фамилии взамен
Ты кличку взял old gentleman;
Верней бы искренней и прямо
Назваться русской кличкой хама.

Похоже, Дорошевич отвечал резким памфлетом именно на нее. Амфитеатров же написал сатиру на нравы журналистов «Нового времени» — «Сказку о легкомысленной блохе и ее житейских огорчениях» (1901), где был выведен вполне узнаваемо под именем холопствующего Ивана Ивановича Клопа А. С. Суворин.

Влас Михайлович Дорошевич, талантливый журналист, испытывавший тогда творческий расцвет, написавший к этому времени цикл очерков об острове-каторге Сахалин, печатавшихся в «Одесском листке», где он работал, был приглашен в «Россию». Здесь он продолжил печатать сахалинские очерки, что способствовало успеху газеты.

Дорошевич оправдал надежды редакции, завоевав яркими публикациями в этой газете славу лучшего судебного репортера, выступавшего в качестве защитника «маленького человека» от бездушной и безжалостной бюрократической машины судопроизводства. Он считал, что для публициста не может быть малых тем, незначительных проблем там, где за ними стоит человеческая жизнь, судьба человека.

Первый судебный репортаж-очерк Дорошевича, опубликованный в семи номерах газеты, был посвящен делу братьев Степа-

на и Петра Скитских, служащих Полтавской консистории, обвиненных судом в 1897 г. в убийстве секретаря консистории. «Это был первый труд Дорошевича для „России“, — вспоминал Амфитеатров. — Дорошевич прожил в Полтаве две недели, с утра до вечера производя свое „газетное“ дознание — по следам и в поправку дознания следственной части. Он лично допросил чуть ли не сотню свидетелей и частных лиц, он впитал в себя все слухи, мнения, толки, нужные для нравственной оценки героев процесса. Дело Дорошевича о Скитских — плод не только художественной интуиции, большого литературного таланта, но и самой тщательной, кропотливой проверки и переоценки хаоса показаний, слов, фактов, впечатлений. Статья о Скитских — это совершенство газетной работы». Амфитеатров ссылаясь на слова адвоката С. А. Анреевского, так отзывавшегося о работе публициста: «Если бы фельетон Дорошевича попал в сборник адвокатских речей, он превзошел бы все известные образцовые речи наших адвокатов по делам с косвенными уликами». Подсудимые были оправданы. «Целую руку, написавшую этот фельетон», — благодарила автора в своем послании провинциальная учительница.

Рассмотрим подробнее, сохраняя манеру подачи текста автором, в качестве примера другой очерк Дорошевича «Детоубийство», само название которого приковывает к нему внимание читателя. Вот его эмоциональное начало:

«Страшно! За человека страшно! Что делают присяжные заседатели? — снова раздаются вопли и завывания.

Суд присяжных снова под судом и следствием. Преступник-рецидивист, он снова оправдал виновного.

— И кого оправдал!..

Мать-изверг...

Задушила собственного ребенка.

С любовником жить захотела...

Гулять, веселиться!..

Распутница!..

Ребенку засунула пробку в горло!..

Спокойно гуляла, когда ребенок у нее на руках задышался...

И оправдали!..

Не страшно?..»

После такого зачина, зовущего читателя возмутиться, автор предлагает оставить эти вопли и завывания и посмотреть, «как дело происходило в действительности». Подсудимая Мария Татаринова в 16 лет была выдана замуж в деревне, через год муж привез ее в Петербург. Он оказался лентяем и выпивохой, с работой у него не ладилось, жил и пил за счет жены, трудившейся на табачной фабрике за 40 копеек в день, в месяц — 10 рублей. 2 рубля платили за квартиру. Так длилось два года. Мария билась, как рыба о лед, — жили впроголодь. Муж решил уйти. Ушел, прихватив имевшиеся в семье 17 рублей, но, пропив их, вернулся домой.

Такое отношение к ней мужа, нужда толкают молодую женщину на сожительство с соседом, по ее понятиям богатым. Дорошевич описывает мастерового Гомиловского, который жил с миловидной женщиной 17 лет и считал ее за это развратной особой. Мария забеременела. Сосед ни в какую не признает отцовства, издевается над нею. Мария до последнего ходит на фабрику, работает. Больная, с ребенком на руках она вернулась из больницы к Гомиловскому, который выгнал ее. Пожалела хозяйка квартиры, приютила. Мария голодала, питалась обедками, которые из жалости давала ей хозяйка.

Дорошевич показывает, что в этих нечеловеческих условиях молодая мать любила дитя, ухаживала за ним, наряжала, как могла. Через неделю женщина пошла искать работу, но с ребенком ее никто не брал. В воспитательном доме отказали взять ребенка: надо было внести 25 рублей. Гомиловский на это денег не дал. Мария заболела, ребенок умирал около голодной матери. Сосед продолжал издеваться. Бил ее. Оказавшись, в конце концов, на улице, Мария бродила трое суток по городу, в безумстве, не помня как умертвила дитя... Гомиловский встретил ее, привел к себе, переспал с нею, а протрезвев, понял, что дело плохо, и вызвал дворника, который привел полицию, и началось правосудие.

Пересказанный здесь очерк завершается обращением к присяжным, от решения которых зависела дальнейшая судьба Татариновой:

«Вот вам и вся „женщина-изверг“, „развратница“, „содержанка“, вот вам ее „веселая жизнь“ и... „ненависть к малютке“».

Вот истинная обстановка дела, та, которая открылась на суде перед присяжными.

Вы присяжный, — положи руку на сердце, могли бы вы обвинить мать, обезумевшую от ужаса и отчаяния, выкинутую на улицу, обреченную с ребенком на голодную смерть, — могли бы вы обвинить ее, особенно если рядом остается совершенно безнаказанный отец, спокойно обрешкий их на смерть?»

Присяжные вынесли опавдательный вердикт. Заканчивается очерк словами: «Они обвинили этим не того, кто сидел на скамье подсудимых, но разве они виноваты в том, что на скамью посадили не того, кого следовало?»

Произведению Дорошевича характерны диалогизм, простота изложения, отсутствие сложных юридических терминов, ясный русский язык, лаконизм (всего 9 книжных страниц). Беседуя с читателем, автор как бы доказывает ему свою точку зрения. Никаких рассуждений вообще, так называемых публицистических отступлений — интересно и живо рассказано о сложном судебном деле. Очерк современен по стилю, изложению, хотя написан целый век тому назад.

Такой характер присущ был и другим многочисленным судебным репортажам, очеркам и отчетам из зала суда Дорошевича: о юноше Н. Грязнове, убившем отца, хозяина большой ружейной мастерской в Туле, издевавшегося над ним, его матерью и сестрами («Оправданный отцеубийца»); о Татьяне Золотовой, покончившей с собой после насилия над ней со стороны следователя («Две правды. Разговор в вагоне»); о А. Л. Тальма, безвинно обвиненном в убийстве бабушки и ее горничной («Тальма на Сахалине», «Дело Тальма» и др.); о крестьянке Анне Коноваловой, подзреваемой в убийстве мужа-пьяницы, который измывался над нею, и др. Публицист заставил невинно осужденных оправдать. Министр юстиции Н. М. Муравьев, хорошо знавший эту практику Дорошевича, назвал его «незванным защитником», вторым прокурором, четвертым судьей, 13-м присяжным поверенным.

Творчество Дорошевича в «России», конечно, не сводилось к расследованию судебных процессов. Он писал на социальные, культурные, литературные темы. Сенсационной была публикация в газете в феврале 1901 г. его статьи «Бакинское всеسوждение» о трагедии на тамошних нефтепромыслах, где по вине их хо-

заяв погибло несколько сот рабочих. Публицист раскрывает чудовищную эксплуатацию рабочих, показывает жалкую и копеечную цену в Баку человеческой жизни.

Немало фельетонов и статей Дорошевич посвящает вопросам народного образования, в котором господствуют чиновники, насаждающие шаблон и мыслебоязнь. Замечательна и актуальна до сих пор его статья «Русский язык» (1901. 13 июня), где подчеркивается, что «язык народа — это половина „отчизноведения“, это „душа народа“». Конечно, главной защитой русского языка, его оригинальности была сама практика Дорошевича.

В редакции «России» усилиями А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича создалась творческая соревновательная атмосфера. Она поспособствовала появлению в газете 13 января 1902 г. памфлета Амфитеатрова «Господа Обмановы», ставшего настоящей сенсацией, выстрелом в рутину тех лет. И автор памфлета, и редактор «России» Г. П. Сазонов на другой день были отправлены в ссылку.

16 января газета закончила свой короткий, но славный путь. История появления этого произведения и его последствий описана самим автором. Причины публикации его анализировались современниками Амфитеатрова и историками. Александр Валентинович не был ни революционером, ни истым оппозиционером, тем более в то время. Для многих это был дерзкий и непонятный поступок. Журналист Александр Чехов заявлял: «Интересно, что в обществе и в редакциях никто не жалеет Old, а и все единодушно именуют его подлецом. Единодушие поразительное».

Произошло стечение многих обстоятельств. Во-первых, без сомнения, Амфитеатров старался реабилитировать себя в глазах общественности, интеллигенции за бывшее свое нововременство. Во-вторых, программа газеты и ее название обязывали думать за всю империю. На это ее нацеливали и вкладчики капитала. В-третьих, у автора было хорошее творческое настроение, творческая конкуренция с коллегами по газете, в первую очередь с Дорошевичем. В-четвертых, Амфитеатрову был присущ хотя и своеобразный, но все-таки либерализм. В-пятых, ему была свойственна журналистская дерзость: найдя замысел, он не мог от

него отказаться, столь он был заманчив и смел, «в пику тем в редакции (Сазонову, например), кто пенял его, что он мало работает». Журналистом Чеховым приводится свидетельство жены Амфитеатрова, что муж отправил в типографию фельетон «с загадочной улыбкой и с словами: „Пусть не говорят, что я ничего не делаю!“». Увидев на другое утро фельетон в печати, он сказал: „Болваны, они не поняли, что они напечатали!“»

«Господа Обмановы» легко прочитываются как господа Романовы, а село Большие Головопяты, Обмановка тож — родовая вотчина Обмановых вполне воспринимается читателем, воспитанным на образах творений М. Е. Салтыкова-Щедрина, как Россия, где 300 лет царствует одна династия. В центре памфлета отец и сын — Александр III как Алексей Алексеевич Обманов и Николай II как Никандр Алексеевич Обманов. Основное событие — смерть отца-императора и отношение к этому сына. В памфлете вспоминаются все близкие отцу и сыну, при этом совпадают первые буквы их инициалов: Н-иколай I, сын П-авла — Н-иколай П-амфилович, жена Александра III — М-ария Ф-едоровна — М-арина Ф-илипповна и т. д.

Интересен образ Николая II. Он ярко характеризуется как Ника-Милуша, воспитанный жестким отцом и временем с духом либерализма.

«Ника-Милуша... был смущен более всех, — иронизирует Амфитеатров. — Это был маленький, миловидный, застенчивый человек, с робкими, красивыми движениями, с глазами то ясно-доверчивыми, то грустно-обиженными, как у серны в зверинце. Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет».

Оказавшись по воле отца в деревне, Ника не спился, в разврат не впал, так как имел «природную опрятность натуры», да и побаивался «родительского возмездия». Правда, в результате такого воспитания «в голове его образовалась совершенно фантастическая сумятица», с которой он и приступил к правлению Обмановкой. «...Бес и ангел боролись за направление чувств и мыслей нового собственника села Большие Головопяты». Но у автора не было сомнений, что «ангел Ники» должен ретироваться перед «веселым бесенком».

Памфлет имел большой успех даже в придворных кругах. В результате Амфитеатров отделался незначительным пребыванием вдали от столиц. В конце 1902 г. он уже был переведен в Вологду, вскоре оказался в Петербурге. Больше пострадал вкладчик средств в газету «Россия». Хотя она выходила менее трех лет, ее убытки достигли 400 тыс. рублей, а М. О. Альберт потерял на этом предприятии почти 200 тыс. рублей. Несмотря на шумный успех «России», ее рекламный отдел не пользовался таким же успехом. Реклама давала менее трети бюджетных поступлений. За короткое время ее существования рекламодатели не смогли привыкнуть к ней, да и ее оппозиционность отпугивала солидных рекламодателей.

История газеты «Россия» — это «разведка боем» со стороны наиболее прогрессивной буржуазии с целью выйти на информационный политический рынок. Опыт не совсем удался, но он останется в памяти до того времени, когда революция 1905–1907 гг. откроет для капитала шлюзы.

§ 6. ДЕЛОВАЯ ПРЕССА

Капитализация журналистики сопровождалась двумя полярными типологическими процессами — массовизацией и специализацией. Для второго из названных процессов не столь существенно число читателей. Аудитория специализированного издания может быть незначительной, состоящей из людей объединенных одной профессией, общим делом, общим интересом и т. п. Для развития журналистики этот процесс имел очень важное значение: он свидетельствовал о том, что журналистика была вполне оригинальным явлением культуры уже тогда, когда она находилась в лоне литературного процесса.

На рубеже веков вследствие интенсивного развития промышленности, финансовых и денежных потоков, потребностей населения в финансово-экономических знаниях стали расширяться ряды отраслевых, производственных, экономических, финансовых и т. п. изданий — таких, которые в современных условиях называют деловой или бизнес-прессой: «Вестник мукомольной

промышленности», «Горнозаводской листок», «Железнодорожное дело», «Золото и платина», «Нефтяное дело», «Лесопромышленник» и др. Вся эта печать была проявлением частной, коммерческой инициативы делового, денежного мира. И ее зрелость, ее становление определялось отражением в ней самого капиталистического механизма функционирования денег, экономики, предприятий и тех форм, которые способствовали тогда их процветанию. Такой формой в сфере промышленности и финансов стало акционирование.

Потребность анализа состояния дел в финансах, операциях с денежными бумагами, особенностей котировки на фондовой бирже, денежных спекуляций; необходимость финансового прогноза — всё это послужило основанием для развития биржевой печати, тесно связанной с ростом финансовых оборотов в стране и роли в них фондовых бирж.

В 1913 г. в статье «Еще о финансовой прессе» И. Эн-Янков, один из издателей-редакторов, публицистов биржевой печати, пишет о ней как о новой для страны периодике: «Финансовая печать в России является делом, едва насчитывающим десятилетие своего существования. Это — еще период детства». Редакция «Биржевых ведомостей» 13 марта 1913 г. замечала: «...Мы являемся свидетелями зарождения нового вида прессы».

На самом же деле такого типа издания существовали в русской журналистике с периода Великих реформ 1860-х годов («Акционер». «Биржевые ведомости», «Биржевая газета» и др.). Речь идет об обособлении в печати нового типа изданий — биржевых, когда, по свидетельству «Банковой энциклопедии» (1916), биржа стала «центром хозяйственной жизни, а не ее придатком»: «Рост акционерной формы крупного производства сделал невозможным расширение существующих предприятий и создание новых вне и без биржи. Биржа дает ныне направление промышленному развитию страны, она определяет его и осуществляет». Публицист С. П. Мельгунов, имея в виду печать, считал, что «биржа приобрела не только гражданские права в литературе, но стала до некоторой степени ее хозяином».

Для прессы важным обстоятельством был рост числа держателей ценных бумаг, операций с этими бумагами, спекуляции на них на биржах; так как при этом увеличивалось и число заинтересованных лиц в биржевых изданиях. В пик развития биржевой прессы — 1912 — 1914 гг. — в Петербурге выходило более 24 еженедельников. Вот издания, которые удержались на плаву более трех лет:

Название	Годы	Тираж
Банковая и торговая газета	1902–1917	500
Биржевые известия	1906, май — 1914	8000
Экономист России (с 1912 г. — Новый экономист)	1909–1916	1000
Финансовое обозрение	1910–1917	4500
Биржа	1911–1914	2000
Биржевой ежемесечник	1911, июнь — 1914	2000
Банки и биржа	1912, январь — 1915, октябрь	2500
Биржа и русская промышлен- ность, (в 1913 г. — Русская про- мышленность)	1913, ноябрь — 1916, январь	2000

Тип биржевого издания имел свои особенности. Они во многом определялись характером функционирования биржи. Редакция журнала «Банки и биржа» называла его биржевую часть «пособием всех причастных к бирже». Она выпускала бесплатное приложение — «Ежегодник „Банков и биржи“ на (такой-то) год» с целевым подзаголовком «Необходимый справочник для финансистов и биржевых деятелей». Собственно, все биржевые издания и были пособием, справочником такого рода. «День любого биржевика начинается с внимательнейшего прочтения специальной биржевой прессы», — признавался на страницах газеты «Деньги» (1914. 17 апр.) один из биржевых дельцов.

До более выраженного промышленного подъема в журналистике доминировал тип еженедельника. Число газет, заявленных как ежедневные, возросло на короткое время в 1912–1913 гг.

Так, в Петербурге в 1912 г. вышли «Банковая и торговая жизнь» и «Биржевая газета», в 1913 г. — «Биржевая и финансовая газета», «Биржевой день», «Газета биржевика», «Маленький финансист», «Санкт-Петербургский биржевой день». Большинство из них издавалось менее года. Операции на фондовой бирже начинались в 11 часов и, чтобы информация успевала попасть к потребителю к этому времени, все газеты были утренними. Однако можно констатировать, что такой тип газеты для обслуживания биржевого механизма оказался излишней роскошью и он быстро канул в небытие.

Аудитория биржевой прессы также была специфической, и это сказывалось на типах ее изданий, на их содержании. На фондовую биржу допускались только члены биржевых собраний, крупные держатели ценных бумаг, но существовало огромное число мелких держателей этих бумаг. Они тоже хотели знать их котировку на бирже. Их обслуживали биржевые маклеры, меняльные лавки, разные банковские конторы, занимавшиеся покупкой и продажей ценных бумаг. Все это образовывало заинтересованный в биржевой информации круг, называвшийся кулисами. Наиболее понимавшие значимость этих сведений, механизм биржевой деятельности, наиболее активные финансовые спекулянты часто становились и издателями биржевой печати.

Журналисты, сотрудники биржевой прессы тоже входили в эти кулисы, так как и они не допускались в святая святых — на фондовую биржу, добывая информацию из вторых рук: из еженедельного пресс-бюллетеня биржи, дававшего скудные сведения об основных сделках с фондами, от биржевиков и в банках. Это во многом определяло характер и диапазон информации биржевого типа издания. Если банковские служащие, особенно солидных учреждений, еще соблюдали, по словам редактора и журналиста И. Кугеля, «какие-то приличия», то «биржевика в своей разнузданной лжи не рисковали ничем». Вот почему составной частью информации изданий такого типа были и слухи, и предположения, и намеренное искажение фактов, и прогнозы, не всегда обоснованные.

Как правило, содержание биржевых изданий было тенденциозным. Оно работало на определенную группу бизнеса, опреде-

ленного дельца, держателей ценных бумаг. При этом биржевые издания лоббировали определенные банки, примитивно разделяя их на «хорошие» и «плохие», с которыми потребителю лучше не иметь дела.

Обычно такое деление не было чем-то принципиальным. Плативший или дававший взятку больше сразу же переходил в разряд «хороших». Причем рука дающая ничем не рисковала, так как все происходило опосредованно — через рекламу. Крупные акционерные предприятия подкупали издания через дорогостоящую рекламную публикацию. Типичным представителем биржевой прессы был еженедельный иллюстрированный «биржевой, финансово-экономический и торгово-промышленный» тонкий журнал «Банки и биржа» (1912–1915). Он имел объем 16 страниц большого журнального формата плюс до 10 страниц рекламы, в отдельных номерах и больше. На тонкой обложке журнала с № 32 1913 г. было изображено здание Санкт-Петербургской биржи. Имел бесплатное приложение — «Ежегодник „Банков и биржи“ на (такой-то) год» — «Необходимый справочник для финансистов и биржевых деятелей». Для желающих подписаться на журнал бесплатно высылался его пробный номер. Тираж не указывался. Он составлял максимально 2500 экземпляров.

Издателем журнала выступало товарищество «Деньги» в лице учредителей А. Ф. Филиппова и И. М. Эн-Янкова. Однако в товариществе не было согласия, и оно развалилось. С № 13 1913 г. издателем-редактором стал И. М. Эн-Янков, отдавший редакторский пост Г. Л. Темченко; позднее издателем был Н. Г. Соколов, редактором — Н. И. Соколов, в 1915 г. с № 13 издателем-редактором был И. Ф. Елкин, с № 28 издателем стал М. А. Эн-Янков, редактором — И. Ф. Елкин.

Большинство публикаций журнала было анонимным. Обычно указывалась фамилия журналиста, ведущего «Фельетон» (Д. Лыпаков, А. Борисов, А. Чернов и др.). С середины 1915 г. число авторских публикаций на страницах издания увеличилось: Г. Всеволожский, К. Марин, А. Немоевский, Д. Мамонтов, К. Мальчевский, Л. Фрей, И. Эн-Янков и др.

Редакция осознанно работала над еще не устоявшимся в России типом журнала, ориентируясь на опыт парижских финансовых изданий, таких как еженедельники «L'argent», «Journal de la Bourse». В трехлетнюю годовщину со дня выхода «Банков и биржи» редакция справедливо замечала, что ее журнал был «почти пионером в насаждении в России» изданий такого типа. Она обещала выпускать «объективный беспристрастный орган, обслуживающий как интересы русских предпринимателей, так равно и старых подписчиков и читателей» (1915. № 28).

Как признает в статье «Еще о финансовой прессе» один из ее издателей И. Эн-Янков, новой для страны периодике приходится сталкиваться со многими трудностями. На нее нападают, заявляя, что она суется не в свои дела, что проблемы финансов и бирж составляют корпоративный интерес тех, кто занимается банками и биржами. Эн-Янков подчеркивает, что в настоящее время эти проблемы имеют громадное общественное и государственное значение. По его мнению, наступил «созидательный период эволюции русской финансовой печати». В связи с этим наиболее важными для ее развития являются проблемы взаимоотношений журналистики и капитала, возможной ее от него зависимости, что связано с вопросом о рекламе: «Во всем культурном мире печать находится в таком положении, что доход с объявлений превышает валовую прибыль. Следовательно — вычеркните из бюджета любого издания доход с объявлений и оно делается банкротом... В странах с широко развитой общественностью предприятия, дающие объявления, вовсе не ставят условием, чтобы их в этой печати славословили, чтобы им лично служивали. Печать поддерживают во имя ее общественного значения, а не вовсе ради той пользы, какую она приносит частным интересам лиц и предприятий».

Программа журнала, по словам редакции, включала в себя «наблюдение за всеми явлениями на международном финансовом рынке с целью выяснения доходности и прибыльности денежных ценностей, давая относительно последних руководящие справки и сведения»; публикацию информации о событиях на международных биржах, а также обо всех выдающихся явлениях финансового

мира («краткие, но содержательные статьи и заметки»); критический и объективный разбор отчетов всех предприятий, акции которых котируются на бирже; сообщения в отделе «Ответы нашим подписчикам» «подробных данных по вопросам подписчиков о нашей биржевой конъюнктуре и отдельных биржевых операций, основываясь всегда на точных и исчерпывающих справках».

Статьи журнала носили статистико-информационный или аналитический характер, содержали множество цифр, таблиц, сравнительных данных. Изредка в журнале печатались портреты государственных деятелей, обычно к назначению на пост или отставке. Так, в № 2 за 1912 г. был опубликован портрет Я. И. Утина — «К избранию его товарищем председателя и членом Совета С.-Петербургской фондовой биржи».

Отделы и рубрики журнала соответствовали его заявленной программе: «Распоряжения правительства», «Валюта, война и производительные силы», «Биржевые вести», «Золото и бумажное производство», «Война, банки и промышленность», «Дивидендные ценности на Петроградской бирже», «Деятельность коммерческих банков», «Биржа за неделю», «Акционерная жизнь», «Нефть», «Металлургия», «Пароходства», «Железные дороги», «Золото», «Общие собрания акционеров и пайщиков», «Состояние отчетов», «Хроника», «Разные известия», «Выдача дивиденда», «Справочный отдел» и др. Редакция серьезно занималась рекламой, ее контролировал И. М. Эн-Янков. Журнал рекламировал банки, акционерные общества, гостиницы, железные дороги, репертуар театров и др.

Номер обычно открывался с обзора, в котором анализировалась текущая биржевая, банковская ситуация. Например, под заголовком «Петроград, 6 января» читаем: «Интересы истекшей недели продолжали сосредоточиваться вокруг вопроса об иностранной валюте, главным образом, под влиянием спроса на франки и стерлинги. Курс последних опять повысился...».

Внутренняя информация журнала была всесторонней, подробной и содержательной: от публикации общего свода государственной росписи доходов и расходов на год, проектов правительства, например, о денежной системе, речей государственных

деятелей («Гимн золотому тельцу» — речь графа С. Ю. Витте на заседании комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли) до сообщений о конкретной деятельности банков, биржевых сделках, о том, что происходило на общем собрании того или иного акционерного общества, о размерах дивидендов и выдаче их, открытии акционерных компаний и др. В период Первой мировой войны вся эта информация подавалась «под флером войны» (так называлась одна из статей А. Борисова).

В первом номере журнала в 1915 г. был напечатан список 62 миллионеров России, владевших собственностью на общую сумму 230 млн. рублей; наибольшая сумма — 15 млн. — приходилась на А. И. Вышнеградского, по 10 млн. имели А. И. Путилов (им список начинался), Б. А. Каменка, Э. К. Грубе, С. Г. Лианозов.

В международной информации следует отметить показ журналом стремления США выйти на российский рынок. На открытии номера от 13 сентября 1915 г. была помещена статья В. Гроссмана, который замечал: «Америка ищет рынков, и прежде всего ее поиски направлены на Россию».

Журнал «Банки и биржи» не только был одним из первопроходцев нового для России начала XX в. типа биржевого, финансово-экономического издания, но и сыграл важную роль в его становлении в системе отечественной журналистики.

Процесс политизации журналистики

§ 1. Создание в России партийной печати

Происходившие изменения в жизни народов мира, процессы урбанизации, миграции и массовизации потребовали поиска в управлении человеческим сообществом, что привело к смене — осознанно или неосознанно — форм управления государствами; теоретизации в этой области и попыткам на этих умственных построениях решать проблемы совместной жизни людей. В России на этой почве интенсивно шел процесс политизации всех сфер жизни, развитие партийного движения. Всё это дало толчок к осознанию, использованию и эксплуатации управленческих потенциалов журналистики.

Эти новации в жизни государства способствовали обособлению журналистики от литературного процесса. Еще в 1903 г. в заметках Григория Грановского, посвященных юбилею русской печати, могла прозвучать мысль: «Брошенное Петром I семя дало теперь, через 200 лет, роскошные плоды... Плоды эти — русская литература и ее выразительница — русская печать. Нельзя и не следует разрывать их на части». В этих словах есть предощущение того, что час-таки пробил: Серебряный век русской культуры положил начало прощания журналистики с литературным процессом, а ее капитализация, технизация и политизация выделили журналистику

из литературного процесса и сделали ее самодостаточным явлением культуры. Причем политизация журналистики проходила в XX столетии столь интенсивно, что многие теоретики стали относить журналистику к сугубо политическим явлениям, что отразилось в терминах: СМВП и более мягком — СМИ.

Процесс политизации печати в начале XX в. проявился, во-первых, в активизации становления русской политической мысли. Происходит ее бурное развитие и расцвет. Она выходит на общемировой уровень. Ее представляли анархизм в лице М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, христианский анархизм — Л. Н. Толстого, социал-демократизм — Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и др.

Во-вторых, в начале века наблюдается важный сдвиг в общественном сознании в представлении о том, что такое партия. Ранее партия воспринималась как направление политической мысли с определенным числом сторонников, разделявших одни и те же взгляды (славянофилы, западники, либералы). Так, великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин называл себя «человеком партии». В новых условиях в России было воспринято общезивилизационное понимание слова-термина партия как политической организации, составлявшей часть управленческой структуры общества, со своей структурой, уставом, членством и т. д.

В-третьих, так или иначе, в России стартовало партийное движение, хотя самодержавный режим даже к тому времени не воспринял европейский опыт организации социально-политической жизни общества с помощью партий, что послужило стихийной организации политических партий в стране, обострению в ней политической атмосферы, развитию конфликтности, противостоянию социальных слоев общества и в конечном итоге стало одной из причин русских революций.

В это время в стране было создано более 150 партий — общероссийских, региональных и национальных, делившихся на консервативные, либеральные, социалистические и демократические. Их «творцом и главным действующим лицом» являлась интеллигенция. Из общего правила несколько выделялась рабочая социал-демократическая партия, которая не только позиционировала себя как организация пролетариата, но и имела в своих

рядах определенный процент его представителей. Это означало наличие связей с рабочими.

Особенностями русского партийного движения были его малочисленность и незрелость. Даже в революционных 1905–1907 гг. совокупная численность членов всех партий составляла около 0,5% населения страны. Партийное движение еще находилось в состоянии брожения, определения программных взглядов, социальной базы и т. д. Это сказывалось и на характере партийной печати, много внимания отводившей внутрипартийной полемике и выяснению, кто прав и кто виноват, что ограничивало аудиторию партийной прессы, сказывалось на ее тиражах.

В-четвертых, новым значением стало наполняться представление о партийности. В обществе получила резонанс статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», напечатанная в газете «Новая жизнь» (Санкт-Петербург) 13 ноября 1905 г. В частности, в журнале «Весы» выступил В. Брюссов со статьей «Свобода слова», увидев в партийности ограничение творческих возможностей художника.

Ленин предложил понятие партийности как разновидность внутрипартийной цензуры: табу налагалось на сотрудничество во внепартийной печати, что являлось сначала поводом к осуждению провинившегося партийца, потом — репрессий против него: исключение из организации. Такое понимание партийности проистекало прежде всего из условий партийного подполья. В советский период понятие партийности получит самое широкое толкование, и отклонение от «генеральной линии» партии, т. е. нарушение принципа партийности (журналистики, литературы, философии, науки...), чаще всего будет служить причиной ссылки в места отдаленные, Гулаг.

В-пятых, существенным представляется то обстоятельство, что в ходе строительства партий росло представление о важной роли печати в их организации и функционировании, сплочении вокруг них сторонников, в борьбе за власть и влияние в обществе. Интересные размышления содержала статья П. Н. Миллюкова из сборника «В защиту слова», вышедшего к 1905 г. тремя изданиями, о чем уже говорилось выше.

В статье «Наша литература и пресса после революции», опубликованной в журнале «Образование» в начале 1908 г., Л. Герасимов (Ф. Г. Сиротский) писал: «Впервые в России появляется серьезная политическая, повседневная пресса, реагирующая на все стороны русской жизни...». Эта пресса «оказывает могучее влияние на все стороны нашей пришибленной жизни».

С другой стороны подходил к печати один из лидеров социал-демократов В. И. Ленин. В самом начале века в статье «С чего начать?» он приходит к выводу: «Без политического органа немыслимо в современной Европе движения, заслуживающее название политического». В статье он сформулирует положение, которое станет в советской теории журналистики краеугольным, определяющим ее основные функции: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Идеи статьи Ленин повторит и процитирует в известной книге «Что делать?» (1902). Позднее, уже на основании опыта, он, имея в виду значение прессы, выразится в полемике еще более афористично: «...Печать есть центр и основа политической организации».

В-шестых, значительным новым явлением печати начала XX столетия было создание целой системы партийной периодики. При этом были выработаны типы русской партийной газеты: легальная, нелегальная, эмиграционная. Конечно, организаторы новых типов изданий опирались и на международный, и на отечественный опыт.

§ 2. Журналистика политической эмиграции

Импульс развитию партийного движения в России дала политическая эмиграция, образованию которой способствовала внутренняя политика самодержавия по вытеснению из страны оппозиционеров разных взглядов. В итоге наиболее деятельные интеллектуальные политические силы имели возможность, хотя и под неослабным наблюдением царской полиции, не только получать за рубежом новые знания, но и обогащаться опытом политической жизни разных стран мира.

Интересное свидетельство о состоянии русской эмиграции начала XX в. оставил Л. Клейнборт, считавший, что «заграница» с давних пор, начиная с Герцена, играла важную роль в идейном движении России». Это действительно так. Правда, и до Герцена она имела для жизни России, даже Руси, немалое значение. Политический, философский талант в России должен был или встать, как многие, на службу государству, или уйти в себя, во внутреннюю эмиграцию, как П. Я. Чаадаев, или выехать за границу, чтобы перейти к нелегальному общению с аудиторией в России и чтобы свободно выразить себя в творчестве, как А. И. Герцен.

В статье «Политическая эмиграция прежде и теперь» Л. Клейнборт подводит итоги миграции населения страны к 1909 г. Эмиграция тех лет поражала, по его мнению, «колоссальностью размеров и разнообразием»: Париж, Лондон, Женева, Вена «насчитывали десятки тысяч русских», в Антверпене и Цюрихе — по 3 тыс., Льеже — 1–1,5 тыс., в Брюсселе — 500–600 человек и т. д. Значительную часть эмиграции составляла учащаяся молодежь: в швейцарских университетах было 2,5 тыс. слушателей из России, в высшей школе Германии — 4 тыс., Франции — 4,5 тыс. Нередко аудиторию таких университетов составляли наполовину русские. Большинство эмигрантов было «неустоявшимися молодыми людьми» разных сословий (дворяне, крестьяне, мещане, немало рабочих).

Протекавший на рубеже веков процесс политизации социальной жизни общества вел к обострению борьбы самодержавия с инакомыслием. Вот почему эмиграцию конца XIX — начала XX в. можно назвать с качественной стороны политической. Самодержавие сознательно вставало на путь вытеснения оппозиции за границу, особенно интеллигенции и представителей правящего сословия, редко прибегая к крайним репрессиям. Соткав прозрачный колпак из паутины спецслужб и следя за тем, что делается под этим колпаком, государство вырабатывало меры противодействия оппозиции, хотя и не всегда достаточно эффективные, несмотря на блестящую работу своих соглядатаев, знавших буквально все обо всех видных деятелях русского зарубежья. В конечном итоге самодержавие просчиталось, так как вследствие

целого ряда обстоятельств итогом был неожиданный для власти результат — революция, в которой сосланные за границу политики сказали свое слово.

Российские оппозиционеры, оказавшиеся в начале XX в. за рубежом, получили возможность вариться в общеевропейском котле политики: они не только занимались издательской деятельностью, но и активно сотрудничали с многими иностранными журналами и газетами, обучались в университетах. Происходило взаимообогащение политической мысли, политической культуры, обмен опытом работы в массах и др. В. М. Чернов вспоминает, что целью его отъезда было связаться с ветеранами революционного движения и «погрузиться целиком в происходящую там борьбу идей и теорий, впитать в себя и переработать все последние слова мировой социалистической — да и общеполитической мысли». Наиболее активные революционеры успевали побывать и в эмиграции, и в российском подполье, особенно тогда, когда на родине начинались волнения масс. Характерна в этом плане фигура Л. Д. Троцкого, который, находясь в эмиграции, во время оказался в Петербурге — и в 1905, и в 1917 г.

Все политические течения издавали в эмиграции в той или иной форме печать, имевшую два этапа развития.

Первый этап — до революции 1905 г. — был периодом собирания с помощью печати сил, выяснения политической платформы течений, попыток организовать и создать партии. Таковы газеты: эсеровская «Революционная Россия» (1901–1905. №1–2, Россия; Париж), социал-демократическая «Искра» (1900–1905, Мюнхен, Лондон, Женева, Вена), анархическая — «Хлеб и воля» (1903–1905, Женева) — и журналы: демократический «Освобождение» (1902–1905, Штутгарт, Париж), социал-демократический «Заря» (1901–1902, Штутгарт), социалистический «Жизнь» (1902, Париж, Лондон).

Второй этап — постреволюционный, когда анализировался опыт 1905–1907 гг., вырабатывались и уточнялись программы и методы агитационно-пропагандистской работы, шли поиски связей с массами, взаимодействия с другими политическими течениями и др. К 1909 г., по наблюдениям Л. Клейнборта,

«партийные центры почти целиком перекочевывают из России» за границу. «Около них сконцентрировались все общественные начинания». Печать этого времени представляли газеты: эсеровские — «Знамя труда» (1907–1914, Петербург — № 1–11; Париж), «Земля и воля» (для крестьян, 1907–1908, Петербург; 1908–1912, Париж), социал-демократические — «Пролетарий» (1906–1909, Россия; Женева), «Рабочая газета» (1910–1912, Париж), «Правда» (1908–1912, Вена), «Новый мир» («Novy Mir», 1911–1917, Нью-Йорк) и др. Выходил в разных странах целый ряд журналов и сборников.

Журналистика русского зарубежья могла свободно вырабатывать программы свержения самодержавия. Издаваясь в другой стране, она не подвергалась российской цензуре. Но это вовсе не означает, что она была неподцензурна. Власти страны проживания контролировали в той или иной степени ее функционирование, нередко использовали ее в своих целях, а порой обращались и к репрессиям в отношении русских изданий. Все это наиболее ярко проявилось в период Первой мировой войны. Так, Л. Д. Троцкий рассказывает, в каких условиях выходила газета «Наше слово» (Париж, 1915–1916): «... Под ударами дефицита и цензуры, исчезая и немедленно появляясь под новым именем, газета просуществовала в течение 2-х лет... Цензор вычеркивал. Вместо газеты выходил нередко лист белой бумаги. Мы никогда не были повинны в нарушении воли г. Шаля (Шаль — французский цензор. — Ред.). Еще менее склонен был г. Шаль нарушать волю пославших его». Газета под давлением царской дипломатии была закрыта, Троцкий выслан из Франции.

Вся эта политическая, партийная зарубежная периодика выходила с большими трудностями: испытывала обычно дефицит в финансах, поэтому издавалась чаще всего нерегулярно; сталкивалась со сложностями в доставке продукции аудитории в Россию; несла огромные потери по пути к ней, поскольку полиция не дремала, и т. д.

Но, так или иначе, журналистика эмиграции из России стала лабораторией русской оппозиционной, политической мысли. Она активно взаимодействовала с политическими силами дру-

гих стран, обогащалась новыми идеями. Можно сказать, что европейская цивилизация этого исторического периода выпестовала будущую Великую русскую революцию.

Среди коммуникативных центров эмиграции постоянно действующим и имевшим хорошие связи с Россией, поэтому чаще других доставлявшим свою продукцию до читателя, активно распространявшим ее, было издательское предприятие «Свободное слово».

§ 3. «СВОБОДНОЕ СЛОВО» (1897–1908)

Это предприятие было организовано в 1897 г. Владимиром Григорьевичем Чертковым (1854–1936) вместе со своей помощницей — женой Анной Константиновной (рожд. Дитерихс) при непосредственном и активном участии Л. Н. Толстого и П. И. Бирюкова. В 1898 г. оно было названо «Свободным словом». У этого предприятия была своя предыстория.

Зарубежный издательский центр был задуман Л. Н. Толстым в конце 1880-х годов. «В России никто не печатает, — констатировал он, — и я поставил *conditio sine qua non* печатать всё или ничего». Жесткий цензурный режим, созданный властными структурами России для творчества великого русского писателя, стал побудительным мотивом к организации такого центра. Он возник и как результат потребности мирового информационного рынка в его сочинениях, востребованности идей и взглядов Толстого в разных странах.

Еще 29 марта 1888 г. в письме из Ясной Поляны к В. Г. Черткову Лев Николаевич замечает о том, что у него побывали француз Эмиль Паже, который перевел на французский язык «Так что же нам делать?», и чех Т. Г. Массарик (в 1919–1935 гг. президент Чехословакии): «Оба профессора философии. Но оба сердечные люди». После или в ходе беседы с ними Толстому «пришло в голову издавать Посредник международный в Лейпциге без цензуры на 3-х или 4-х языках». При этом Лев Николаевич предлагает программу его издательской деятельности.

Основная задача такого предприятия — «сделать невозможным замалчивание» неугодных властям взглядов, идей движения «непротивление злу злом» — была сформулирована Толстым в письме от 6 ноября 1889 г. к П. И. Бирюкову, где он восклицает: «Помогай Бог. Международный Посредник», а затем неожиданно предрекает: «Вот Черткова прогонят за границу и будет Международный Посредник». Возникшая идея постоянно фигурирует в его переписке. Реализации планов Толстого действительно способствовала высылка Черткова из России 13 февраля 1897 г. за «незаконное вмешательство в дела о сектантах». Чертков выехал в Англию. В 150 км от ее столицы в городке Крайстчерч (Christchurch) он оборудовал на предоставленные ему матерью средства русскую типографию, ставшую основной базой его предприятия.

Вся деятельность Черткова покоилась на обещании Толстого: «Всё, что напишу, непременно пришлю прежде всего вам». В апреле 1899 г. в ряде иностранных газет было обнародовано заявление Л. Н. Толстого о том, что Чертков является его полномочным представителем за границей по всем издательским делам, включая и работу с переводчиками. Это заявление Льва Николаевича давало правовую основу деятельности «Свободного слова» и концентрировало ее под непосредственным руководством Черткова.

Этот зарубежный печатный центр включал в себя следующие отделения.

«1. Как основное звено — Свободное слово. Издательство В. и А. Чертковых, где выпускались периодические сборник „Свободное слово“ (1898–1899, № 1–264 стр.; № 2–252 стр., тираж — 1500 экз., ред. В. Г. Чертков и П. И. Бирюков), „Листки „Свободного слова“ (1898–1902, №№ 1–25, от 5 до 68 стр., тираж — 1000–1500 экз., ред. В. Г. Чертков).

2. Швейцарское отделение — ежемесячное обозрение „Свободная мысль“ (1899–1901, Женева, 1899 — №№ 1–5; 1900–1901 — №№ 1–16; тираж — 1000 экз., ред. П. И. Бирюков).

3. Английское отделение “Free Age Press” — издательство на англ. яз.; Лондон, 1900–1902, ред. А. К. Файфилд».

На практике не было четко организованной структуры этого зарубежного печатного центра. Тем не менее это было единое предприятие, действовавшее по общей программе, которая была сосредоточена вокруг следующих проблем.

1. Вопросы социально-политической, общественной и культурной жизни России, раскрытые, как правило, критически.

2. Мир Толстого — информация о его деятельности и жизни вообще; его взглядах, полемике вокруг них, а главное — публикация всего того, что им было написано: запрещенных в России сочинений; произведений, исправленных от цензурных искажений; имеющих общественное значение фрагментов из его переписки, дневника, его высказываний.

3. Теоретические статьи по вопросам христианского анархизма. Так, в журнале «Свободное слово» печатались статьи «Что такое анархизм» (№ 8–13), «Бескровное разрушение» (№ 8), «О власти» (№ 11–13); вышел ряд брошюр и книжек: В. Г. Чертков «О революции» (1904) — цикл статей, сначала публиковавшихся в журнале; «Против власти» (1905, под ред. В. Г. Черткова, перевод с польского яз.), Ан — ский «Что такое анархизм» с комментирующей статьей В. Г. Черткова и др.

4. Проблема свободы вероисповедания, как тогда порой конкретизировали — сектантство и его проявления: отказ от присяги, воинской повинности, а также показ репрессий со стороны власти государства и руководства Русской Православной Церкви против иноверующих, оппозиционного конфессионального движения. Следует отметить увлечение Чертковым вопросами сектантства, занимавшими большое место на страницах периодики «Свободного слова». Чертковым был собран огромный архив о сектантстве. Он планировал издать 35 выпусков «Материалов» о нем — вышло 8.

Программа принципиально выдерживалась до конца существования «Свободного слова». Центральное место во всей зарубежной деятельности Черткова и его соратников занимало издание произведений Толстого и их распространение в России. Важно, что она сопровождалась восстановлением авторского текста, перевожденным цензурой, и переводом многих сочинений Толстого

на иностранные языки. В «Свободном слове» выйдут все основные произведения писателя начала XX в. Особенно ценным достоянием русской культуры станет выпущенное здесь «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России».

Страницы «Листков „Свободного слова“», «Свободной мысли», «Свободного слова» предоставляли читателям не только запрещавшиеся в России части художественных произведений писателя, но и запрещавшиеся и специально написанные для этих изданий его публицистические работы. Некоторые из произведений Толстого помещались в каком-то одном из периодических изданий «Свободного слова», другие перепечатывались из «Листков „Свободного слова“» в журналах, третьи составляли целый номер «Листков»: «Стыдно» — № 4, «Письмо к фельдфебелю» — № 5, «Патриотизм и правительство» — № 16, «Не убий» — № 17, «Царю и его помощникам» — № 20, а также в виде приложения № 23 «Свободной мысли».

Издательство «Свободное слово» выпускало публицистические и художественные произведения, материалы о рабочем и студенческом движении и т. п. Его создатели и руководители поддерживали связи с зарубежными издателями, которым передавали не публиковавшиеся на родине произведения Толстого, а также с представителями русской революционной оппозиции, действовавшими в зарубежье. «Дом Чертковых, — писал находившийся в то время в Лондоне В. А. Поссе, — служил притягательным центром не только для толстовцев, но и для эмигрантов — революционеров самых различных направлений и национальностей».

Л. Н. Толстой активно участвовал во всех сторонах деятельности «Свободного слова». Он постоянно обсуждал с редакторами характер и тип издательства, выпускаемой периодики, ее содержание и форму. «... Все сообщаемые сведения, — замечал он, например, — должны быть точны... для этого нужно иметь верных и осторожных корреспондентов... чтобы было как можно больше разнообразия, чтобы были обличаемы и взятки, и фарисейство, и жестокость, и разврат, и деспотизм, и невежество... Все это надо группировать так, чтобы захватывало как можно больше разнообразных сторон жизни... чтобы излагалось все серьезным и стро-

гим — без шуточек и брани, языком и сколько возможно более простым, без иностранных и научных выражений». Толстой предлагал и порядок распределения материала по отделам. Каждое периодическое издание Чертков и Бирюков направляли Толстому.

В программной статье «Свободного слова», неоднократно перепечатававшейся, редакция, указывая на цензурные трудности печатания в России, заявляла: «Цель наша — служить органом правдивого отражения и описания русской по преимуществу, но также и всемирной жизни, органом освещения явления этой жизни в духе Разума и Любви», выступать против «всякой лжи, насилия и рабства» (1898. № 1. С. 5). Существенным в этой программе были приверженность взглядам Толстого на смысл жизни, подчеркивание отрицания принадлежности к какому-нибудь из «наиболее революционных направлений». Однако ни у кого не вызывала сомнения и оппозиционность «Свободного слова» проводимой политике в России, которая по мере развития событий все больше обнажалась.

Особенно это проявилось в самом начале революции 1905 г.: расстрелу рабочих 9 января у Зимнего дворца редакция посвятила особую передовую «Тяжелые дни». В ней говорилось, что только нужда заставила рабочих идти к царской резиденции с петицией. «Но русский царь спрятался от них, и вместо него рабочих встретили у дворца многочисленные отряды войск... По приказанию царя высшие начальники принялись водворять порядок и решили раз и навсегда отбить у рабочих охоту разговаривать с царем. Был отдан приказ, и русские крестьяне-солдаты стали убивать русских крестьян-рабочих. Казаки топтали лошадьми женщин и детей. Полицейские добивали раненых». Далее сообщалось, что после этого в Москве, Ревеле, Риге, Либаве, Саратове, Гельсингфорсе, Ковно, Варшаве и других городах страны прокатилась волна стачек. В том же номере были помещены присланные в редакцию письма очевидцев под общим заглавием «Девятое января»; статьи «Царская победа», «Толстой и конституционное движение» и др. Особым приложением к журналу была напечатана брошюра «О революции» с предисловием Л. Н. Толстого.

Появление нового издательского центра — «Свободное слово» — за границей было сразу же замечено властями России. Уже 2 ноября 1898 г. в письме к императору Николаю II бдительный обер-прокурор К. П. Победоносцев сокрушался: «А в последнее время, к несчастью, в Лондоне образовалась целая кампания русских безумных фанатиков толстовского учения, дошедших в своем фанатизме до того, что они ненавидят самую Россию, распространяя о народе нашем и о правительстве самые чудовищные клеветы. Закваску этой кампании составляют Чертков, Трегубов и князь Хилков. Издается у них и журнал “Free Russia” и другой на русском языке, кроме того, пускают подобные корреспонденции в “Times” и другие газеты. Читая всё это, люди, не имеющие никакого понятия о России и движимые иногда тоже узким фанатизмом, верят и возмущаются». Вся продукция «Свободного слова» была запрещена к ввозу в Россию, ее распространение в стране преследовалось.

Несмотря на это печать «Свободного слова» активно читалась в России. Опыт ее нелегального распространения подсказал редакции идею выпускать, например, журнал «Свободное слово» в трех вариантах: в твердом переплете, с мягкой обложкой и, наконец, карманным форматом в самой тонкой обложке для удобства доставки их читателю. Добровольные помощники тиражировали и распространяли литературу «Свободного слова». Так, обращение Толстого «К царю и его помощникам» (1901), которое он предварительно направил Николаю II, министрам, великим князьям и некоторым видным сановникам, в рукописях и изданиях подпольных организаций получило самое широкое распространение. «Напечатано сотни Царю», — отмечал Толстой в своей записной книжке.

Деятельность издательства «Свободное слово» имела существенное значение для культурной жизни России на рубеже XIX–XX вв. Она обеспечивала свободу слова подвергавшимся преследованиям в стране за взгляды, несовместимые с официальной политикой власти и Церкви; издательство стало одним из основных звеньев выпуска литературы, свободной от давления власти. Благодаря «Свободному слову» Россия и мировое

общество могли познакомиться с произведениями Л. Н. Толстого, великий русский мыслитель, писатель и публицист имел возможность общаться с массовой аудиторией России и других стран.

§ 4. «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Созданию партийной прессы России способствовал большой потенциал, накопленный к началу века легальной отечественной политической мыслью. У истоков партийного движения стояла одна из старейших, влиятельных частных газет общественно-политического типа «Русские ведомости» (1863–1918), имевшая славную историю. В начале XX в. ее редактором был Василий Михайлович Соболевский (1846–1913), который ее возглавлял с 1882 г. По его инициативе было учреждено издательское паевое товарищество «Русские ведомости» при финансовой поддержке известной благотворительницы В. А. Морозовой. С 1890-х годов газета приносит издателям стабильный доход — более 70 тыс. рублей. Она стала, по словам С. Елпатьевского, «единственным делом» жизни Соболевского, «его кафедрой, его общественным и просветительским делом, долгой книгой, которую он писал 30 лет». Это был уникальный пример в практике русской журналистики, когда качественная, интеллигентская, со своим направлением газета давала ее издателю прибыль. Имея тираж около 40 тыс. экземпляров, в предвоенные годы — 30 тыс., она входила и в число наиболее тиражных газет страны (до начала XX в. — в первую их десятку).

Программа «Русских ведомостей» была достаточно стабильной, что определялось ее общим направлением — приверженностью к либеральным ценностям. Но здесь надо учитывать конкретно-исторические условия 1880-х годов, когда это слово не подразумевало принадлежность к определенной партии. В. Г. Короленко, один из ее деятельных сотрудников, очень точно замечал, что газета «успела создать традицию русского либерализма того времени в широком чисто-русском смысле этого сло-

ва. В тогдашнем либерализме, как в зерне, хранились возможности всех передовых направлений, еще связанных морозами тогдашней исторической минуты». Долгие годы «Русские ведомости» восполняли пустующую нишу политических оппозиционных изданий в системе журналистики страны.

Редакция позиционировала газету как непартийную, но имеющую собственное направление. Она была «горячим сторонником крестьянской реформы», всегда отстаивала «начала, положенные в основание реформ прошлого царствования, хотя в то же время не скрывала от себя недостатков их практического применения и не переставала указывать на пути и меры, необходимые для дальнейшего развития» реформ (1888. № 243, 3 сент.) «„Русские ведомости“, — писал Вл. А. Розенберг, один из самых активных сотрудников газеты, — всегда стремились быть и всегда были органом общественным и объединяющим русское общество и его литературные силы во имя любви к свободе и Родине (по выражению Герцена). Для людей, руководящих газетою, она всегда была высокой кафедрой, с которой может раздаваться только чистое слово».

Даже во время Первой русской революции редакция заявляла, что ее газета беспартийная, хотя и «стоит ближе всего к кадетской партии, не отказывая себе в критике ее программы и действий». В первом номере 1906 г. на страницах «Русских ведомостей» была обнародована наиболее полная их программа. «Новые условия жизни, в которые с такими тяжелыми потрясениями вступает теперь Россия и которые должны поставить на смену полицейско-бюрократического режима гарантированный Основным законом правовой порядок, дают возможность „Русским ведомостям“ осуществлять с большей полнотой ее давнишнюю программу, — подчеркивали в статье журналисты, — и высказываться определеннее по поводу текущих правительственных действий и административных мероприятий».

Далее в статье перечислялись «главные вехи, по которым предстоит идти вперед русскому народу» и которые были программой газеты: «свобода личности и ее гарантии, свобода со-

вести, печати, собраний и союзов; народное представительство, построенное на началах всеобщего избирательного права и активно участвующее в законодательстве и в контроле над действиями администрации; Основной закон, выработанный народными представителями и утвержденный Государем; развитие народного образования и просвещения, культурного самоопределения и самоуправления...».

Такая программа «Русских ведомостей» вызывала сочувствие интеллигенции России. Вокруг них объединились люди самых различных направлений, для которых были не безразличны судьбы Родины. Это касалось и сотрудников газеты, и их аудитории. «Близость к „Русским ведомостям“, хотя бы только читательская, — вспоминал Н. Д. Телешов, — была своего рода „паспортом“, как тогда говорили». В феврале 1913 г., пытаясь определить к 50-летию издания газеты, кто же ее читает, редакция распространила анкету и обобщила полученные данные. Портрет читателя «Русских ведомостей» выглядел следующим образом:

Пол	Возраст	Образование	Национальность
Муж. — 85%	30–50 лет — 50%	высшее и студенты — 70%	русские — 82%
Продолжительность чтения «РВ»			
От 5 до 30 лет — 75%			
Профессиональный срез аудитории, %			

Учащиеся — 17, педагоги — 13, врачи — 13, без занятий — 7, конторщики — 7, владельцы торговых предприятий, заводов — 6,7, чиновники — 6, торговые, промышленные служащие — 5,4, адвокаты — 5, инженеры — 3,8, ученые — 3,4

Как видим, основным постоянным читателем газеты был образованный, столичный, в расцвете лет мужчина-интеллигент (учащийся, педагог, врач, предприниматель, адвокат, инженер, ученый). Уже одно это свидетельствует о высоком качестве содержания газеты. Об этом же говорит и состав редакции, сотрудников и корреспондентов «Русских ведомостей».

В. М. Соболевский смог привлечь к работе в газете многих видных писателей, публицистов и общественных деятелей: К. К. Ар-

сеньева, М. М. Ковалевского, С. Н. Муромцева, В. А. Гольцева, Н. К. Михайловского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, П. И. Чайковского, А. П. Чехова, Вл. И. Немировича-Данченко, В. А. Гиляровского.

В публицистической практике Л. Н. Толстого «Русские ведомости» — та газета, с помощью которой он проводил кампанию по борьбе с голодом. В 1891 г. в ней была опубликована его статья «Страшный вопрос», открывшая поход общественности на голод. Толстой, его семья и их друзья, помощники организовали для терпящих бедствие 246 бесплатных столовых. Регулярно в газете появлялись отчеты Толстого о собранных на эту помощь средствах и о том, на что они потрачены.

Особое место в газете занял Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), сотрудничавший в ней с 1885 г. как нижегородский, затем полтавский корреспондент. По его собственному определению, он стал «провинциальным журналистом в лучшей столичной газете», который сначала в местной периодике проводил газетные кампании, а общие их итоги давал в «Русских ведомостях», и «дело приобретало при помощи авторитетного органа общее значение». В «Русских ведомостях» вышли многие его рассказы и очерки, повесть «Слепой музыкант».

Тонкое понимание особенностей журналистской работы, типов изданий, необходимость, несмотря на цензуру, донести до читателя по возможности более полное и точное отображение жизненного факта привели Короленко к новой практике: для публикации своих произведений он одновременно использует уже не провинциальную и столичную газеты, а газету («Русские ведомости») и журнал («Русское богатство», в какой-то мере «Русскую мысль»). После газетной цензуры Владимир Галактионович помещал более полные по содержанию варианты очерков в журнале. Собранные под одну обложку журнала или книги очерки, корреспонденции и статьи создавали обобщающую картину, панораму описываемого явления. Так, книга «В голодный год» (1893) переиздавалась до революции 1917 г. семь раз; серия статей «Мултанское жертвоприношение» для «Русского богатства» (1895) вышла затем отдельной брошюрой с предисловием и примечаниями Короленко.

Публицистика Короленко начала XX в. поднимает острейшие вопросы времени. Он борется с шовинизмом, несправедливостью, антисемизмом, смертной казнью, истязанием крестьян. Как корреспондент «Русских ведомостей» Владимир Галактионович в 1902 г. присутствует в Сумах на процессе павловских сектантов, в 1903 г. едет в Кишинев, где был еврейский погром. К последней теме публицист неоднократно возвращался. После процесса Бейлиса, на котором он был, он напечатал в «Русских ведомостях» (1913, 27–28 окт.) статью «Господа присяжные заседатели», вызвавшую судебное преследование.

В 1906 г. в очерке «Сорочинская трагедия» он рассказал о деяниях карателя крестьян Филонова; затем в «Открытом письме статскому советнику Филонову» потребовал предать его суду. Но получилась так, что вскоре Филонов был убит, а публицист был обвинен в подстрекательстве. Черная сотня грозила ему расправой. Общественность взяла Короленко под защиту: его дом охранялся вооруженными добровольцами.

Ни ссылки, ни такого рода угрозы не изменили подхода Владимира Галактионовича к творчеству. «Но страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества, — держалось во мне и даже еще выросло после ссылки, — вспоминал Короленко. — Я сказал себе: ни партий, ни классов, которые бы вели сплоченную борьбу за права общества и народа, нет. Создавать их — не мое призвание. Мне остается выступить партизаном, защищая право и достоинство человека всюду, где это можно сделать пером. И с первых же дней я опять стал одновременно писать рассказы, публицистические заметки и корреспонденции».

Короленко, как и Л. Н. Толстой, в своей публицистике смело высказался за отмену смертной казни. Толстой 26–27 марта 1910 г. после знакомства с первой частью статьи Короленко «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)», напечатанной в «Русском богатстве» (№ 3; вторая часть — № 4), сразу же послал автору взволнованное, одобрительное письмо.

То, что Короленко, как говорят, «пришелся ко двору» «Русским ведомостям», его произведения достаточно регулярно украша-

ли их страницы, дает возможность сказать о высоком уровне публицистики этой газеты, остроте и значительности проблем, которые ставились в ней, ее аналитичности. И к началу XX в. редакция имела богатый опыт в постановке таких вопросов. В ее коллективе появились специалисты по наиболее существенным темам:

— земство, его роль в обществе как социального института; в 1904–1905 гг. редакция особенно активно вела земскую кампанию в газете. В. Я. Якушкин, В. А. Розенберг не только писали статьи о земском движении и отчеты о проходящих земско-городских съездах, но и сами выступили их организаторами;

— народное представительство в структурах власти и его значение в контроле за бюрократией (В. Ю. Скалон, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Муромцев, М. А. Саблин); 14 октября 1904 г. в «Русских ведомостях» была напечатана первая статья Кокошкина о созыве съезда народных представителей;

— крестьянский вопрос в самом широком диапазоне его проблем: государство и крестьянство, которому оно мало уделяет внимания; община как традиция и перспектива сельской жизни, нужды крестьян, культура и невежество крестьян и др. (А. И. Чупров, А. С. Пругавин);

— устройство и реформирование государства с показом мирового опыта (А. С. Посников, В. М. Соболевский);

— рабочий вопрос (А. И. Чупров, И. И. Янжул).

Редакция «Русских ведомостей» выступила инициатором целого ряда важных политических проблем и актов. На страницах газеты впервые в легальной печати появились статьи, посвященные многим из перечисленных актуальных вопросов. Острота поднимаемых проблем в «Русских ведомостях» и боевая публицистическая и общественная деятельность ее сотрудников в борьбе за демократию в годы Первой русской революции стоила редакции боевых потерь: два видных ее публициста погибли от рук черной сотни.

Первый из них — это работавший в газете с 1885 г. и входивший в состав редакции Михаил Яковлевич Герценштейн (1859–1906), крупный специалист-экономист, ученый, профессор Московско-

го университета, автор статей по проблемам финансового хозяйства и кредита, по крестьянскому вопросу. С 1904 г. он был гласным Московской городской думы, которая ему доверила ответственный пост председателя финансовой комиссии.

Герценштейн был членом партии кадетов с момента ее образования, возглавлял ее комиссию по аграрному вопросу, напечатал в «Русских ведомостях» в 1905–1906 гг. целый ряд статей по этой тематике. В начале 1906 г. вошел в состав издательского товарищества этой газеты. Как представитель кадетов был избран в Первую Государственную Думу, просуществовавшую всего 72 дня — с 27 апреля по 9 июля 1906 г. Он был одним из разработчиков аграрной программы кадетов. На заседаниях Думы он выступал по наиболее острому крестьянскому вопросу. Его главной идеей была идея отчуждения помещичьей земли за выкуп, что встречало поддержку у крестьянских депутатов.

«Что же вы теперь ожидаете? — обращался Герценштейн к помещикам. — Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний?! Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб? Нельзя теперь предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть экстренная мера!» Реакцию тех, к кому адресовался оратор, хорошо зарисовал В. Г. Короленко: «Трудно представить себе ту бурю гнева, какая разразилась при этих словах на правых скамьях. Слышался буквально какой-то рев. Над головами подымались сжатые кулаки, прорывались ругательства, к оратору кидались с угрозами».

Выступления Герценштейна эта часть думских депутатов рассматривала как провокацию крестьян на поджоги помещичьих усадеб. После роспуска Государственной Думы он подписал Выборгское воззвание. 31 июля 1906 г. был убит в Териоках, на даче, во время прогулки на берегу моря с женой и дочерьми. Похороны Герценштейна превратились в массовую демонстрацию.

Второй жертвой черной сотни станет талантливый публицист «Русских ведомостей» Григорий Борисович Иоллос (1859–1907). Он получил образование в Киевском, Гейдельбергском и Страсбург-

ском университетах, защитил диссертацию на звание магистра политической экономии, стал доктором права Гейдельбергского университета. Иоллос вернулся в Россию в 1886 г. Был введен М. Я. Герценштейном в круг публицистов «Русских ведомостей» и стал их сотрудником. В 1880-е годы жил в Германии и был иностранным корреспондентом этой газеты. Одновременно его статьи — «Письма из Германии», подписанные литерой «I», помещались в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», в «Торгово-промышленной газете». «Под этой буквой, — писал современник, — скрывался, однако, учитель целого поколения русских людей, а учил он понимать и ценить представительный строй».

Иоллос знакомил аудиторию с политическими реалиями европейской жизни, партийным движением, культурой и наукой Германии. В 1904 г. часть его произведений вышла в виде книги «Письма из Берлина». В 1905 г. он был приглашен войти в состав редакции «Русских ведомостей», стал их соредактором, а в 1906 г. и одним из руководителей товарищества по их изданию. Всецело отдавался газетному делу.

Иоллос вступил в партию кадетов и был избран от Полтавской губернии в Первую Государственную Думу. Он вел в газете получившую популярность у читателей рубрику «Из залы Государственной Думы». Иоллос входил в группу 44 депутатов, готовивших проект закона о печати. Этот проект был опубликован в сборнике «Законодательные проекты и предположения партии народной свободы (1905–1907)» (М., 1907).

После роспуска Первой Государственной Думы Иоллос подписал Выборское воззвание. В это время он стал единоличным редактором «Русских ведомостей», неоднократно получал угрожающие письма, но отказался вернуться к работе берлинского корреспондента. 14 марта 1907 г. поздно вечером по пути из редакции домой был смертельно ранен.

Герценштейн и Иоллос — первые жертвы среди публицистов, писавших по острым политическим проблемам, активно включившихся в идейную, политическую борьбу. Их судьба показала, что в борьбе за власть партии могут прибегать к любым средствам не только в полемике.

§ 5. ПАРТИЙНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ

В революционных условиях перо становилось острым оружием. Любое политическое течение стремилось к обладанию теми или иными средствами печати. Особенно широкое распространение получают малые формы, доступные к оперативному написанию, изданию и распространению: листовки, листки, прокламации, воззвания, брошюры. Однако они не могли заменить регулярно выходивших газет и журналов, через которые партия могла постоянно общаться с аудиторией, быть в диалоге с обществом, обстоятельно обсуждать злободневные проблемы.

Потребность в партийном печатном органе созрела и в русской аудитории тех лет. 16 жителей г. Рыльска обращались в январе 1906 г. к московскому городскому голове Н. И. Гучкову: «Мы все выписываем газеты, программы которых не разделяем, и получаем эти газеты потому, что подписались на них до 17 октября. Подписываясь на них, мы, во-первых, поддерживаем их материально, что не в наших расчетах, а во-вторых, вводим в заблуждение редакции этих газет, якобы сочувствием к их программам. До дарования Манифеста 17 октября было безразлично какую ни получать газету, но теперь это небезразлично. Посему просим Вас... оповестить, какая газета служит органом Вашей партии. Мы просим избрать органом партии газету, если она еще не избрана, недорогою, чтобы и малосостоятельные лица могли подписываться на нее».

На почве этих потребностей и вырастает в России целая сеть партийных изданий. Она, как и вся пресса, функционирует в условиях информационного рынка с большими трудностями.

«Иностранные исследователи, лишённые партийной предвзятости, отмечали огромную роль такого феномена, как наличие свободной прессы в „самодержавной“ стране. Немалым было удивление Европы, — пишет историк А. Ф. Смирнов, — когда обнаружилось, что в России после падения прежних преград как бы внезапно появилась большая политическая печать и довольно-развитая партийно-политическая жизнь». «Россия ныне располагает, — цитирует Смирнов вывод иностранных исследователей, — таким большим числом хорошо пишущих журналистов в

любой политической группировке, как вообще это встречается лишь в Англии». Ничего удивительного в этом не было: протекавший, скрытый от глаз наблюдателя политический процесс, разделенный, как уже отмечалось, на внутренний и внешний, дал свои результаты в революционный период. В табл. 6 представлена часть печати основных партий России начала XX в.

Таблица 6

Партийная журналистика
России

№ п/п	Партия	Год образ.	Дата съезда	Тип и название издания	Годы выхода	Число номеров	Место изд.	Тираж, тыс. экз.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Рус. монарх. партия	1905		газета Московские ведомости, ежедн.; ред. В. А. Грингмут	1756–1917	—	М.	—
2	Союз русского народа	1905	8.11.1905	газета Русское знамя, ежедн.	27.11.1905–1917	—	СПб.	3–14,5
3	То же	1906		газета Вечер, ежедн.	11.12.1905–1910	—	М.	до 25–30
4	Союз 17 октября (октябристы)	1905	8–12.02.1906	газета Слово полит., общ. и лит.	1.01.1903–1909	—	СПб.	до 40
5	То же	—		газета Голос Москвы, ежедн.	23.12.1906–1915	—	М.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	Партия мирного обновления	июль 1906	—	журнал Московский еженедельник	7.03. 1906–23.08. 1910	227	М.	12–3,5
7	Прогресс. эконом. партия	окт. 1905	31.10. 1905	газета Утро России, ежедн.	сент. 1907, 8.11. 1909–1918	32	М.	до 30
8	Констит.- демокр. партия	1905	12–18. 10. 1905	Вестник Партии на-родн. сво-боды, еже-нед.	22.02. 1906–1912, 1915–1916	98	СПб.	3–4
9	То же			газета Речь, ежед.	23.02. 1906–1918 1901 — 1905	—	СПб.	20–40
10	Партия социал.-революционеров	1890-е	29.12. 1905 — 4.01. 1906	газета Революционная Россия	1901 — 1905	77	—	0,5 — до 12–15
11	То же			нелегальная газета Знамя труда, ЦО пар-тии	1.06. 1907–1914	53	СПб Париж	10–15 5–4
12	Трудовая народно-социал. партия	1906		журнал Рус-ское богат-ство	1876–1918	—	СПб.	10–15

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13	Рос. социал.- демокр. партия	1890-е	1–3.03 1898	газета Искра	1900– 1905	112	Лейп- циг, Мюн- хен, Лон- дон, Же- нева	8
14	То же			газета <i>Правда</i> , ежедн.	1912– 1914, 1917	645 99	СПб. СПб.	20–60 85–100
15	То же			газета <i>Луч</i> , ежедн	1912– 1914	495	СПб.	6–16

Наиболее значительной легальной партийной силой в России становится Конституционно-демократическая партия (кадеты). Первый съезд партии состоялся в Москве 12–18 октября 1905 г., однако ее созидание приходится на 1902–1904 гг., когда вырабатывалась ее программа, которая была оглашена на страницах журнала «Освобождение», в решениях съездов общественных земских организаций и Первого общерусского земского съезда (ноябрь 1904 г.). В рядах кадетов был большой процент интеллигенции, партия имела огромный интеллектуальный потенциал. П. А. Столыпин в одной из бесед даже назвал кадетов «мозгом страны».

Проблемы партийной печати, вообще роли и значения ее в обществе всегда были в центре внимания кадетских лидеров. В докладе Второму съезду партии кадетов (январь 1906 г.) секретарь ЦК, профессор-историк А. А. Корнилов в ряду практических партийных действий на первое место поставил издательскую деятельность: выпуск книг, брошюр и листовок, «направленных на проведение принципов кадетской партии и вообще политического просвещения в массы». В выступлении на съезде В. М. Гессен, юрист, профессор и публицист, изложил целую программу развития партийной печати, включавшую в себя «широкое рас-

пространение партийной литературы, издание партийных органов», «использование в интересах партии местных органов беспартийной печати».

Кадеты пытались распространить влияние на провинцию и добились в этом значительных результатов. В октябре 1906 г. ЦК партии провел с представителями губернских групп совещание, где ставились задачи политического просвещения местных потенциальных избирателей, издания «народных» газет, массовых листовок, популярных брошюр. Руководство партии много внимания уделяло организации структур, занимавшихся журналистикой, пропагандой и агитацией. При ЦК был создан редакционный комитет, в который вошли А. А. Корнилов, А. Н. Максимов, В. Е. Якушкин, Д. И. Шаховской, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, В. И. Вернадский, М. В. Сабашников и Ю. Г. Топорков; бюро по распространению литературы при Конституционно-демократической партии, которое возглавляла графиня В. Н. Бобринская. После перемещения центра деятельности кадетов из Москвы в Петербург в апреле 1906 г. Московское отделение ЦК стало отвечать за снабжение партийной литературой провинции. Тогда же было организовано бюро прогрессивной печати, занимавшееся партийной провинциальной периодикой.

Материальные средства на издание кадетской литературы складывались большей частью из пожертвований богатых членов партии. Постоянно проводились сборы денежных средств. В 1906 г., к примеру, с этой целью членам партии были розданы подписные листы, в сопроводительной записке к ним говорилось, что около половины доходного бюджета ЦК построено на пожертвованных суммах. В конечном итоге всей этой разнообразной работы кадетам удалось создать целую систему партийной и околопартийной прессы. Одни из лидеров социал-демократов В. И. Ленин с завистью констатировал в 1906 г., что кадеты «обладают вдесятеро большей печатью, чем все с.-д. и с.-р. вместе». Неполная статистическая картина кадетской печати выглядит так: в 1905–1907 гг. выходило не менее 100 газет, бюллетеней и еженедельников, в феврале — марте 1917 г. — более 150; центральные и местные организации кадетов выпускали листовки, брошюры и книги.

Собственно партийными, провозгласившими себя официальными органами кадетов, было всего лишь 8 изданий. Сами же партийные функционеры их число сводили к минимуму. На IV съезде в докладе ЦК говорилось, что у партии был лишь один периодический орган — «Вестник Партии народной свободы», а проводят политику и программу партии многие частные издания: «Речь», «Народное дело», «Народный путь», «Новь», одно время «Путь» и отчасти «Русские ведомости», а также несколько провинциальных изданий.

«Вестник Партии народной свободы» (Еженедельник Конституционно-демократической партии. — СПб., 1906–1912, 1915–1916) вышел в свет 22 февраля 1906 г. под редакторством И. В. Гессена и В. Д. Набокова, который и финансировал это издание. Секретарем редакции был А. Ю. Блох. В мае был образован постоянный редакционный совет из В. Д. Набокова, А. И. Каминки, П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича. 12 февраля 1908 г. по решению суда еженедельник был закрыт. В 1908 г. появилось только 8 номеров.

Как показала практика, сугубо партийный орган без постоянной материальной подпитки не может существовать на информационном рынке. Интересную мысль в связи с этим высказал опытный журналист и один из редакторов «Речи» И. В. Гессен, заявивший, что редакция этой газеты с большим облегчением восприняла появление партийного журнала «Вестник Партии народной свободы», так как он отвлекал газету «от партийных дискуссий» и «партийного самодовольства». Это подразумевало, что тип партийного издания содержит много обязательной для него партийной информации и является средством внутрипартийной борьбы, что суживает его информационный диапазон и число его потребителей. Сугубо партийные органы типа «Революционной России» или «Искры» основное значение имели, главным образом, для развития самих партий, их самоопределения. Это такой тип газеты или журнала, который можно назвать специализированным, внутрипартийным, нередко обозначенным как Центральный орган партии. Рядом с ним могли соседствовать партийные газеты, журналы, бюллетени.

Из этого ряда партийной периодики выбивалась кадетская «Речь» — партийное издание более широкого типа, недаром эту газету кадеты и не называли центральным органом. «Речь» (1906–1918), обозначенная как ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, стала наиболее авторитетным печатным органом кадетов. Ее тираж до 1914 г. составлял 40 тыс. экземпляров.

Редакция выпускала ряд приложений: «Иллюстрированная неделя» (1906), «Государственная Дума» (стенографические отчеты 1906–1908 гг.), «Ежегодник газеты „Речь“» (1912–1916). С 1907 г. одновременно с «Речью» на ее материале кадеты издавали более популярные и дешевые газеты «Реформа» (1907–1908) и «Современное слово» (1907–1918).

Первым издателем «Речи» был предприниматель и общественный деятель Ю. Б. Бак, редактором О. Е. Бужанский, неофициальными редакторами были П. М. Милюков (1859–1943) и И. В. Гессен (1865–1943). Сначала газета испытывала большие трудности и была убыточной. В 1908 г. кадеты образовали «Товарищество по изданию газеты „Речь“». В него вошли И. И. Петрунkevич (председатель товарищества), В. Д. Набоков и др. Основной капитал предприятия состоял из 120 тыс. рублей, разделенных на паи по 2 тыс. Кредиторами выступили руководители партии и члены совета Азовско-Донского коммерческого банка, торговый дом «Л. и Э. Метцель и К^о». Получала редакция определенный доход и от рекламы. Кадеты организовали широкую корреспондентскую сеть «Речи» в России и за границей. Агентства ее конторы и отделения находились в более чем 50 городах страны и во многих городах мира: Лондон, Париж, Константинополь, Женева, Кельн, Лейпциг, Милан, Нью-Йорк и др.

В воспоминаниях Милюков подчеркивал, что газету «Речь» формально не объявляли партийным органом, но распространение ее «сделало больше для популяризации наших взглядов, чем все остальные способы публичной деятельности фракции». В «Речи» были сосредоточены главные публицистические силы кадетов: В. И. Вернадский, М. И. Ганфман, И. В. Гессен, Э. М. Гримм, А. С. Изгоев, Г. Б. Иоллос, А. А. Кизеветтер, Ф. Ф. Кокошкин,

С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев, В. Е. Якушкин и др. В ней сотрудничали видные литераторы Ю. И. Айхенвальд, А. В. Амфитеатров, А. А. Блок, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, Н. Тэффи и др.

Структура газеты, имевшей 4–8 полос, состояла из следующих разделов и рубрик: хроника, Москва, областной отдел, русская жизнь, иностранное обозрение, печать, телеграммы, письмо в редакцию, биржевая хроника, судебная хроника, справочный отдел, объявления и др. «Речь» отличалась хорошо поставленной информацией и глубокой публицистической мыслью.

П. Н. Милюков был ее «почти бессменным передовиком». «Публицистическая хроника 1905–1906 гг.» — такой подзаголовок дал он сборнику своих статей из «Речи» — «Год борьбы» (СПб., 1907).

Его политические статьи были сосредоточены вокруг актуальных проблем внутренней и международной жизни, программных вопросов партии кадетов, конституционного строительства в стране, земельной реформы, развития демократии, предвыборной борьбы, борьбы со стихией и «управления ею». «Для нас укрепление привычек свободной политической жизни, — замечал Милюков, — есть способ не продолжить революцию, а прекратить ее». Необходимо было заинтересовать революционные силы «в сохранении нового порядка».

«Главный смысл нашей тактики заключается в том, — говорилось в программной статье «Речи» от 27 июня 1906 г., — чтобы направить само революционное движение в русло парламентской борьбы». И это стало главным в деятельности газеты тех лет. Ее публицисты энергично вели выборную кампанию в Первую Государственную Думу. Особый успех имели отчеты с заседаний Думы, передававшие впечатления о ее повседневной жизни. Репортеры Л. М. Нейман, С. Л. Поляков-Литовцев «приобрели себе на этой работе всероссийское имя». М. М. Винавер, один из лидеров партии, обобщил опыт деятельности Думы и выпустил брошюру, показывавшую и объяснявшую тактическую линию кадетов в ней.

Милюков помимо передовых регулярно выступал в газете с полемическими, аналитическими статьями: «Отношение крестьян

и рабочих к выборам», «Возможность победы признаётся правительством», «Почему победили кадеты», «Крестьяне и тактика кадетского большинства» и др. Он подчеркивал, что вся эта работа вокруг Государственной Думы сплотила вокруг газеты «значительную часть читающей России».

Кроме газеты кадеты предложили читателю и другую разнообразную политическую продукцию, особенно в ходу были брошюры: В. Е. Якушкин «В Государственной Думе», Ф. Ф. Кокошкин «Конституционно-демократическая партия перед судом „Союза 17 октября“» и «О правах национальностей и децентрализации», Г. Ф. Шершеневич «Аграрный вопрос», «Народные представители», К. В. Сивков «Крестьянам о Конституционно-демократической партии», «О чиновниках и народном правлении» и др.; листовки и воззвания («К рабочим», «Чего хочет Конституционно-демократическая партия» и др.), «Листок за листком» и др.

Много внимания было уделено пропаганде в провинции, завоевание которой партийной журналистикой вообще было новым делом. Руководители партии кадетов в этом смысле проявили творчество и понимание того, что партия не может активно участвовать в политической жизни страны, не работая на периферии. В 1906 г. во время работы III съезда партии кадетов (21–25 апреля) было создано во главе с членом ЦК партии А. В. Тырковой Бюро прогрессивной печати, — событие, приуроченное к открытию Первой Государственной Думы. Бюро централизованно руководило всей кадетской печатью, обеспечивало ее руководящими статьями по политическим, земельным, экономическим, финансовым вопросам, разнообразной информацией и программными статьями, разъясняющими тактику кадетов, отчетами о деятельности Думы и др.

Отчет ЦК партии кадетов констатирует: бюро рассылало в 1906–1907 гг. статьи, корреспонденции, отчеты из Государственной Думы в 27 провинциальных газет; с 5 марта 1906 г. секретариат ЦК подготовил и направил в провинцию крестьянам-выборщикам 5 тыс. библиотечек, состоявших из агитационной, партийной литературы, брошюр, листовок и воззваний.

Агитационно-пропагандистская деятельность кадетов и их печати способствовала победе этой партии в Первую Государственную Думу, где она имела 42,5% депутатов (179 из 421). Вот картинка из брошюры тех лет, посвященной предвыборной кампании в Москве: «Воззвания сыпались дождём. Проезжавшие извозчики останавливались и брали их, останавливалась и конка, кондукторы и пассажиры соскакивали, подбирали листки и взапуски догоняли ушедший вагон... По Садовой, Пресне и другим местам дефилировали члены Партии народной свободы и раздавали „Русские ведомости“ и „Путь“».

Сопутствовала успеху кадетов в выборах в Думу и ошибочная тактика радикальных партий, бойкотировавших эти выборы. Милюков осознавал эту особенность предвыборной борьбы: «Мы оставались единственной самой левой партией в той единственной доступной обывателю борьбе, которую представляли выборы. Только через нее он мог выразить свое оппозиционное настроение».

Без сомнения, в числе сложностей в этой работе для кадетов была их психологическая несовместимость с теми социальными слоями, с которыми им пришлось иметь дело. Ни крестьяне, ни рабочие не стали для них опорой. Попытки наладить регулярный выпуск «народной газеты», вопрос о которой неоднократно обсуждался на партийных съездах, провалились. 1 марта 1906 г. вышла газета «Народное дело», но ее тираж не расхотелся. Не стали популярными и «Товарищ» (С.-Петербург, 1906, с 15 марта), «Рабочее слово» (С.-Петербург, 1906, с 31 марта).

В этом отношении более тесный контакт установили с массами партии социалистической ориентации. Среди них одной из наиболее влиятельных в народе была партия социалистов-революционеров. Ее основное издание — газета «Революционная Россия» — выходило с января 1901 по октябрь 1905 г. Первый номер набирался в подполье в России, вручную, целый месяц. Издание такого номера стоило 1000 руб. С третьего номера газета печаталась в Париже на 16 страницах, позднее — до 20–24 страниц журнального формата. Всего вышло 77 номеров, в среднем по 15 в год. Тираж колебался от 500 экземпляров до 12–15 тыс. в канун и в год революции.

Первая газета Российской социал-демократической партии (РСДРП) «Искра» выходила с 24 декабря 1900 по 8 октября 1905 г. Вышло 112 номеров, т. е. в среднем по 22 номера в год, средний тираж — 8 тыс. экземпляров. Печаталась в Лейпциге (№ 15), Мюнхене (№ 6–21), Лондоне (№ 22–38), Женеве (№ 39–112). Некоторые номера удавалось перепечатать подпольно в России (Кишинев, Баку, Нижний Новгород, Умань). В советский период история «Искры» была досконально изучена и значительно мифологизирована — газету называли ленинской, что явно не соответствует фактам.

В редакцию первых номеров «Искры» входили П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов, А. Н. Потресов. Жили они в разных городах. Авторитет Плеханова был тогда еще незыблем. Практическими редакторами были Мартов и Ленин. По решению II съезда РСДРП «Искра» стала центральным органом партии, редакторами стали Плеханов, Мартов, Ленин. Под редакцией Ленина и Плеханова вышли № 46–51, Плеханова — № 52; с 53-го номера был восстановлен прежний состав из трех редакторов, но Ленин по идейным соображениям ушел из газеты (№ 53–100), с № 101 (с 1 июня 1905 г.) оставил редакцию Плеханов. Во всей этой цепочке фактов прослеживается постоянная работа в редакции Мартова (за исключением семи номеров). Об этом же говорит и число его публикаций в «Искре»: 110 статей (39 передовых), у Плеханова — 54 (21), у Ленина — 47 (18), у Ф. Дана — 41 (18).

В целом «Искра» выполнила свою задачу: РСДРП была создана.

У нелегальных партий аудитории чаще всего достигали издания малых форм — листовки, воззвания, прокламации, выходившие в ходе какой-либо агитационной кампании, к определенным событиям, с призывами к забастовке, празднованию 1 мая, разоблачавшие внутреннюю политику самодержавия. Особое распространение получили политические брошюры, выпускавшиеся нередко созданными на короткое время типографиями. Они были удобны для распространения и могли появляться на свет без контроля власти. За революционные 1905–1907 гг. было издано не менее 10–11 тыс. названий разных бро-

шюр и книг. С октября 1905 по апрель 1906 г., т. е. всего-то за полгода, вышло 1699 названий брошюр, в том числе изданных:

- социал-демократами — 953, более половины всех;
- кадетами — 426;
- эсерами, энесами — 250;
- анархистами — 70.

Для налаживания выпуска регулярной газеты у оппозиционных, полуподпольных партий не хватало средств, возникали сложности с ее доставкой читателям и т. п. Однако в среде революционеров находились истинные мастера распространения нелегальной печатной продукции, ухитрявшиеся под носом у полиции доставлять ее в Россию. Газеты, журналы, брошюры, листки издавались на тонкой, папиросной бумаге, имели малый, карманный формат. Их можно было припрятать в женский пояс, в зонтик, внутрь трости, в переплет книги, в крышку чемодана... Конечно, таких изданий успевало выйти в свет ограниченное число номеров, часто с большими перерывами.

Надо сделать оговорку, что партии интеллигенции вообще еще не имели тогда настоящего опыта создания массового типа изданий и работы в массовой аудитории, а сама эта аудитория не имела привычки к общению не только с политической прессой, но и вообще с периодикой. Ни одна из партий в период Первой русской революции не смогла выйти на широкого читателя страны, хотя и предпринимались с этой целью, к примеру кадетами, значительные усилия. Московское издательство «Народное право» по их заказу выпустило 12 брошюр и листов общим тиражом 605 тыс. экземпляров, в их числе брошюра «Крестьянам» имела 100-тысячный тираж.

Интерес в связи с этим представляет успех брошюры Ленина «К деревенской бедноте», которая с 1903 г. постоянно распространялась в крестьянстве, неоднократно переиздавалась в Москве, на Украине, в Полесье, Сибири и на Урале. С мая 1903 по декабрь 1905 г. брошюра была доставлена в 75 населенных пунктов. Столь же интенсивно она издавалась в годы Первой русской революции — в Москве, Тифлисе, Чите и др. Только Московский комитет РСДРП в ноябре 1905 г. распространил 9600 экземпля-

ров этой брошюры. В 1905–1906 г. было осуществлено еще два ее легальных издания. Особенность произведения Ленина состояла в том, что автор вел беседу с крестьянами по сложным проблемам — на равных, на обычном разговорном языке.

Политики в годы революции делали попытки выйти с печатью на массового читателя. Но только позже, пройдя через практику революционных лет, именно социал-демократы в 1910-е годы сумеют наладить выпуск рабочей массовой газеты. У них за плечами уже будет определенный опыт «Искры» по установлению связей с читателями. Они будут опираться на установки, выработанные В. И. Лениным, который уже в 1904 г. писал: «...Орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе...»

Выпуску массовой газеты предшествовал опыт издания общественно-политической газеты, органа социал-демократической фракции Третьей Государственной Думы — газеты «Звезда» (16 декабря 1910–22 апреля 1912 г., Петербург; с 26 апреля по 5 октября 1912 г. — «Невская звезда») с периодичностью до 21 января 1912 г. еженедельно, затем — 2 раза в месяц, а с 8 марта — 3 раза; тиражом 7–20 тыс. экз. (весной 1912 г. некоторые номера имели тираж до 60 тыс.). Финансовое обеспечение газеты складывалось из партийных, включая зарубежные, и частных средств. Официально редакторами-издателями «Звезды» были К. С. Еремеев, затем В. А. Шелгунов, фактически Н. И. Иорданский, В. Д. Бонч-Бруевич, И. П. Покровский (член Государственной Думы), Н. Г. Полетаев. Сотрудничали в газете В. В. Воровский, Г. Е. Зиновьев, М. С. Ольминский, Ф. Ф. Раскольников, И. В. Сталин и др., активно привлекались рабочие корреспонденты. К началу 1912 г. ее редакция имела постоянных рабочих корреспондентов более чем в 70 городах России. В 44 номерах (октябрь 1911 — апрель 1912 г.) было опубликовано 2500 их писем и корреспонденций, в среднем около 57 в каждом номере.

Проблемно-тематический комплекс газеты фокусировался на рабочем вопросе. «Звезда» имела рубрики «Рабочая жизнь», «Рабочее движение», «В мире труда», «Государственная Дума», «Петербургские заметки» и др., печатала стихи рабочих, рассказы и «Сказки из Италии» М. Горького, басни Д. Бедного, произведения Е. И. Чирикова. Редакция собирала денежные фонды в помощь голодающим, рабочим пострадавшим Ленских приисков, а также для создания ежедневной массовой рабочей газеты, собрав более 4 тыс. рублей. Одновременно «Звезда» вела суровую борьбу с цензурой за свое существование. Из 96 ее номеров репрессиям подверглись 49, каждый второй номер.

В постреволюционных условиях развернувшаяся внутрипартийная борьба в социал-демократии привела в конечном итоге к разъединению сил и созданию рабочих газет большевиков и меньшевиков. Большой успех в этом новаторском деле выпал на долю большевиков, осуществивших через «Звезду» проведение агитационной кампании за новую рабочую ежедневную газету «Правда» и по сбору средств на нее.

«Правда» (22 апреля 1912–1914, 1917; Петербург — Петроград) — ежедневная, массовая, рабочая газета, считавшаяся формально изданием думской фракции (в числе ее редакторов постоянно были члены Государственной Думы). «Это было в середине апреля 1912 г., вечером, — вспоминал И. В. Сталин, — на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батулин) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в „бесте“ у „неприкосновенного“ Полетаева), сговорились о платформе „Правды“ и составили первый номер газеты». Этот номер открывался программными статьями М. С. Ольминского «От редакции» и И. В. Сталина «Наши цели», где говорилось, что «Правда» «будет призывать, прежде всего и главным образом, к единству классовой борьбы пролетариата, к единству во что бы то ни стало».

В составе редакции «Правды» в разное время помимо уже названных были Н. Н. Батулин, К. С. Еремеев, Л. Б. Каменев, М. А. Савельев, В. М. Молотов и др. В качестве ее сотрудников были В. И. Ленин, Н. Н. Крестинский, Н. И. Бухарин, В. И. Невский, Г. Е. Зиновьев, Д. Бедный и др.

В газете были опубликованы свыше 280 статей и заметок Ленина. На вопрос об основном занятии при получении визы на жительство в Кракове Ленин в июне 1912 г. ответил: «Состою корреспондентом русской демократической газеты „Правда“, издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием „Социал-Демократ“».

Газета сменила девять названий («Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда» и др.), что отражает репрессивную политику власти по отношению к ней. 8 июля 1914 г. издание газеты (тогда «Трудовая правда») было запрещено, значительная часть сотрудников арестована. Каждый третий номер «Правды» подвергся цензурным репрессиям. За два года и два месяца издания восемь раз ее закрывали, против нее властями было предпринято около 200 репрессивных актов.

Всего вышло 645 номеров тиражом 20–60 тыс. экземпляров. По подписке «Правда» распространялась в более тысячи населенных пунктах страны, имела в 1914 г. 11,5 тыс. подписчиков в Петербурге, где расходилась и основная часть розницы. Кроме того, редакция иногда выпускала приложения. Успех имел ее праздничный номер от 13 мая 1914 г. к двухлетию «Правды» «День рабочей печати» с тиражом в 130 тыс. экземпляров.

Начальный фонд газеты складывался из взносов ЦК партии (3 тыс. рублей), писателя М. Горького (2 тыс.), большевика В. А. Тихомирнова и результатов сборов средств редакцией «Звезды» среди рабочих. В дальнейшем за 1912–1914 гг. в редакцию на издание «Правды» поступило около 6 тыс. денежных сборов среди рабочих, составивших 44 тыс. рублей.

Рабочие на деле стали сотрудниками газеты. Ежедневно в нее поступало от них десятки рукописей, в отдельные дни число рабочих корреспонденций доходило до 200. За 1912–1913 гг. в «Правде» было помещено около 18 тыс. рабочих корреспонденций, в среднем в каждом номере — по 28, а с апреля 1913 по апрель 1914 г. — по 41. Важную роль играли рабочие и в распространении газеты.

Проблемно-тематический комплекс «Правды» концентрировался вокруг проблем, в решении которых были заинтересованы рабочие. Она имела отделы и рубрики: «Рабочее движение»,

«Рабочая хроника», «На фабриках и заводах», «Женский труд», «Профессиональное движение», «Среди текстильщиков», «Среди булочников», «Вопросы страхования», «Государственная Дума», «Рабочая взаимопомощь», «Стачки», «Письма в редакцию» и др.

Всё это: материальная поддержка (рабочая копейка) газеты, подписка на нее, разностороннее сотрудничество в ней рабочих, их участие в распространении издания, преобладание тематики, отвечающей интересам рабочих, — и определяет «Правду» как тип рабочей газеты.

Одновременно с большевиками меньшевики издавали свою газету, рассчитанную на рабочих. Их газета «Луч» также выходила в Петербурге с 16 сентября 1912 по 8 июля 1914 г. Всего вышло 495 номеров тиражом от 6 до 16 тыс. экземпляров. К 1 июня 1914 г. она имела 5931 подписчика (922 — в Петербурге) в 653 населенных пунктах страны.

В редакцию в разное время входили: Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов и др. Сотрудничали в «Луче» П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Н. Н. Жордания, В. И. Засулич, А. М. Коллонтай, А. Н. Потресов, Л. Д. Троцкий, И. Г. Церетели и др.

В газете были отделы и рубрики: «Рабочая жизнь», «Рабочее движение», «В социал-демократической фракции», «В городе и деревне», «В рабочих организациях», «Страхование», «Государственная Дума», «Вокруг Думы», «Голоса рабочих», «Маленький фельетон» и др.

В отличие от «Правды», «Луч» выдвигал в основном конкретные требования: всеобщее избирательное право, свобода коалиций и печати, 8-часовой рабочий день и др. Выступления «Луча» с первого номера пронизывала полемика с большевиками. В программной статье газеты «Наши задачи» 16 ноября 1912 г. подчеркивалось: «Не расколу в рабочей среде будет служить наш „Луч“, — наоборот, раскольнические попытки „Правды“ и „Звезды“ служат одной из причин, вызвавших к жизни новую рабочую газету. Единство сознательных рабочих в их классовых исторических выступлениях — к этому мы стремимся».

Газета существовала в основном на средства, полученные путем сборов среди читателей, и на поступления от рекла-

мы. В 1912 г. было проведено 89 сборов, в 1913 г. — 661, к маю 1914 г. — 671. Редакция считала, что ее газета «становится все более и более делом самих рабочих, органом не только обслуживающим рабочий класс, но им самим создаваемым и направляемым» (1913. № 14).

«Луч» регулярно подвергался цензурным репрессиям. Из 237 номеров 63 были конфискованы, 18 подвергнуты административным штрафам с заменой их арестом редакторов. За 10 месяцев официальные редакторы в общей сложности отсидели 4,5 года. Всего у «Луча» сменилось 51 редактор и 7 издателей.

Опыт издания массовых по тем условиям рабочих газет оставил след в развитии русской печати. Заслугой социал-демократов и было создание новаторского типа печатного издания — рабочей газеты, отвечавшей интересам рабочих, в которой они активно сотрудничали, они участвовали также в ее финансировании, распространении, налаживании ее связей с аудиторией.

В начале XX в. партийная печать России стала не просто реальностью, определенной политической силой; в это время были выработаны возможные тогда типы партийных изданий: нелегальные и легальные, центральные органы партии и провинциальные, специальные и массовые, ежедневные газеты и еженедельники, бюллетени и журналы. Особый интерес представляет практика Конституционно-демократической партии, сумевшей наладить в стране достаточно широкую сеть прессы. Однако аудитория партийной печати существенно зависела от политической конъюнктуры: амплитуда ее влияния, численность ее аудитории значительно уменьшалась с упадком революционных настроений в обществе. В целом партийные издания не добились в этот исторический период реального успеха у читателей.

§ 6. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Незрелость партийного движения сыграла негативную роль и в отношениях партий с властными структурами. Это демонстрирует очень существенный для политической атмосферы об-

щества тех лет сюжет конституционного реформирования государства. После принятия октябрьского Манифеста властными структурами и новой партийной общественностью была проведена большая работа над конституционной реформой, в которой главную роль сыграли чиновник МВД С. Е. Крыжановский, автор пакета важнейших законопроектов, составивших по их одобрению императором Конституцию Российской империи 1906 г., и С. А. Муромцев, предложивший свой проект Основных законов и опиравшийся в нем на проведенную ранее либералами работу.

Еще в октябре 1904 г. в Москве группа членов Союза освобождения выработала проект Основного государственного закона Российской империи, который в марте 1905 г. с помощью П. Б. Струве вышел в свет в качестве отдельного издания редакции «Освобождение», затем был перепечатан в журнале «Право» и в сборнике «Конституционное государство». Состоявшийся в апреле Земский съезд принял его основные положения. Муромцев не совсем был удовлетворен текстом этого проекта. Он его переработал. При этом ему помогали юристы Н. Н. Щепкин, Н. Н. Львов, Ф. Ф. Кошкин. Текст проекта Муромцева был опубликован в «Русских ведомостях» 6 июля, в день открытия Земско-городского съезда, где он был роздан делегатам. По решению съезда проект был разослан местным общественным учреждениям для его обсуждения. Предлагалось его вернуть вместе с замечаниями и предложениями в бюро Земско-городского съезда.

На конституционную реформу и ее последствия повлиял, кроме того, один значительный инцидент вокруг нее. Хранившийся в тайне проект Основных законов был кадетами раздобыт и опубликован в их журнале «Право» (1906. № 15) и в газете «Речь». Пресса подвергла резкой критике правительственный документ. В редакционной статье журнала «Право» «Основные законы», написанной его редактором-издателем И. В. Гессеном, особо акцентировалось внимание на то, что законодательные права Государственной Думы ущемляются, а почин пересмотра Основных законов принадлежит единственно императору, с чем нельзя согласиться. Эта критика вызвала негативную реакцию со стороны правительства, но ему пришлось вновь уточнять проект и изъять

из него наиболее одиозные положения. Однако кадетская сенсация имела неприятные для общества последствия: она внесла ноту подозрения в отношения между партиями, Государственной Думой и правительством.

В целом гласность вокруг этой законодательной работы стимулировала общественный интерес к конституционным вопросам и к обсуждению в печати особенностей конституционного государства. Проект Муромцева был принят во внимание и нашел отражение в окончательном тексте главного документа страны. Основные законы 23 апреля 1906 г. превратили Россию в конституционное государство, где законодательная и учредительная власть осуществляется с согласия народного представительства: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой» (ст. 7 и 86). Необходимо подчеркнуть, что опыт выработки Основных законов показал возможность сотрудничества в законодательной сфере власти и либерально-демократической оппозиции. Однако такие крупные представители конституционного движения, как П. Н. Милюков, И. В. Гессен, П. Б. Струве и др., выбрали путь давления на власть, что привело к конфронтации с нею, к усилению революционных настроений в обществе и репрессий со стороны власти.

Появление в стране новых властных структур, в первую очередь Государственной Думы, ее выборы, функционирование сопровождались зарождением парламентской журналистики, что нашло отражение в создании:

- парламентских изданий;
- особого корпуса журналистов, специализирующихся на думской тематике, журналистов нового типа — парламентских корреспондентов и репортеров;
- системы связей Государственной Думы, ее фракций и групп с журналистикой;
- нового диапазона политической информации в печати, которая организовывалась в специальных отделах, разделах или рубриках газет и журналов («В Думе», «Вокруг Думы», «Думская хроника», «Государственная Дума» и др.).

Парламентская пресса не получила поддержки общества. Кратковременно выходили газеты: «Государственная Дума» — «внепартийная ведомость русской общественногосударственной жизни», вечерняя газета (Петербург, 14–24 марта, 1906, 5 номеров); «Дума» — ежедневная, вечерняя общественно-политическая и литературная газета (Петербург, апрель, 1906,); «Известия крестьянских депутатов» — ежедневная народная газета фракции Трудовой группы Первой Государственной Думы (Петербург, 17–31 мая 1906 г., 11 номеров, из которых 4 были конфискованы по распоряжению градоначальника); издание было продолжено под названием «Трудовая Россия» (2 — 10 июня 1906 г., 8 номеров), затем — как «Крестьянский депутат» (25 июня — 6 июля 1906 г., 10 номеров).

Новое возрождение газеты произошло под названием «Трудовой народ» как органа объединенной фракции Трудовой группы и Всероссийского крестьянского союза второй Государственной Думы (15 марта — 4 апреля 1907 г., 18 номеров).

Газета, несмотря на протесты депутатов Государственной Думы, постоянно находилась под прицелом цензуры. Так, 13 июня 1906 г. 31 депутат выступил на заседании Думы с заявлением против незаконных репрессий, применяемых властью к печати. В нем говорилось: «Чины с.-петербургской полиции отбирали систематически все номера „Известий Крестьянских Депутатов“, даже те, о конфискации которых не было отдано распоряжение градоначальника». Эмоциональную речь произнес на этом заседании бывший редактор газеты трудовиков С. И. Бондарев, в частности, заявивший: «Я не знаю, что правительство ответит по поводу этого запроса, который вносим мы ему, но... когда мы объяснялись с инспектором типографий по поводу конфискации газеты, то он сказал нам: „Война так война!“ Подобно тому как представители исполнительной власти всю страну переводят в положение военного стана, точно так же поле печати они стремятся превратить в поле брани».

Издание Трудовой группы — единственный опыт, заслуживающий внимания в числе тех газет, которые пытались сосредоточиться только на деятельности Государственной Думы. Основны-

ми органами печати, постоянно освещавшими ее жизнь, были партийные газеты и журналы. Вообще вся пресса страны стала публиковать много информации о деятельности Думы. Это модернизировало проблемно-тематический комплекс русской печати, выдвинуло в нем на первый план политическую информацию, раскрывавшую борьбу партийных группировок и партий в ходе выборов в русский парламент, его функционирование, работу депутатов, характер их выступлений, противостояние правительства и Думы, закулисные интриги вокруг Думы и т. д.

На этой работе стали специализироваться многие корреспонденты газет и журналов, что привело к появлению нового типа журналиста — парламентский корреспондент или репортер. Каждая большая газета имела таких специалистов. У «Биржевых ведомостей» их было 6, у «Санкт-Петербургских ведомостей» — 5, у «Земщины» и «Современного слова» — по 4, у «Торгово-Промышленной газеты», «России», «Речи» — по 3, у «Нового времени», «Вечернего времени» — по 2 и т. д. Всего в Думе работало 28 столичных журналистов. Печать Москвы была представлена в парламенте меньше: у «Голоса Москвы» было 4 корреспондента, у «Русского слова» и «Русской молвы» — по 3, у «Русских ведомостей», «Раннего утра» — по 2 и т. д. Из других городов преимущество было у Одессы, имевшей 8 парламентских корреспондентов. Всего же в Думе работало 56 представителей провинциальной печати.

Санкт-Петербургское телеграфное агентство организовало в Думе представительство — Информационное бюро, в которое входили представители от каждой фракции. Другие телеграфные и информационные агентства последовали ее примеру. В Думе представляли газеты: «Русское слово» — С. И. Варшавский, «Новое время» — А. А. Пиленко, «Русские ведомости» — А. В. Аркадакский, «Биржевые ведомости» — В. А. Бонди, «Санкт-Петербургские ведомости» — А. И. Гессен, «Россия» — В. Г. Янчевский и П. Е. Хмелевский. Огромный интерес к русскому парламенту проявляла иностранная пресса. В думском корпусе журналистов было по 2–3 корреспондента из многих стран: Австрии, Англии, Германии, Греции, Франции и др.

За деятельность парламентских журналистов, их состав отвечал заведующий охраной Императорского Таврического дворца. В аппарате самой Думы состояло 13 штатных чиновников, 11 канцеляристов, 106 писцов, были введены должности старший и младший журналист. Так, в Третьей Государственной Думе было 7 старших журналистов и 11 младших, им помогали 86 писцов и 26 стенографистов. В обязанности парламентских журналистов входило:

— подготовка отчетов с заседаний Думы для правительственных учреждений, для постоянных подписчиков, для провинции, для иностранной прессы;

— рассылка материалов о деятельности фракций и групп Думы, ее многочисленных комиссий, как постоянных — финансовой, бюджетной, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, редакционной, по запросам, библиотечной и др., так и временных — земельной, по местному самоуправлению, по народному образованию, по направлению законодательных предположений, по судебным реформам, сельскохозяйственной, продовольственной, по народному здравью, переселенческой и др;

— работа с письмами, поступавшими в Думу, с запросами, откликами на обсуждения, проходившие в ней, и др.

В Думе была создана и временная комиссия по печати, возглавлявшаяся сначала депутатом В. В. Шульгиным. Она обсуждала законы, законопроекты о печати, мнения о Думе, запросы в нее, организовывала дискуссии с журналистами и бизнесменами в сфере печати. Члены этой комиссии активно участвовали в подготовке нового законопроекта о печати, к обсуждению которого было привлечено около 100 депутатов.

Для работы депутатов и журналистов при Думе была организована, в основном с помощью даров щедрых благотворителей, библиотека, где хранились издания на языках народов России и иностранных, куда выписывалась периодика на многих языках мира. Сюда приходили газеты: 9 — на английском языке, 8 — на французском, 7 — на немецком, по 3 — из Чехии и Болгарии и т. д. К 1914 г. в библиотеку поступали 569 журналов и 236 газет

мира, в том числе и из России. Печать предназначалась для выдачи депутатам и журналистам.

При русском парламенте было организовано Общество думских журналистов с председателем его правления А. А. Пиленко. Оно выпускало во время сессий Думы с осени до весны «Справочный листок», рассылавшийся по подписке и продававшийся депутатам.

Связь Думы с обществом и журналистикой осуществлялась непосредственно и через пишущих депутатов, в числе которых было немало профессионалов пера. Так, в Первой Государственной Думе было 30 бывших и действующих редакторов и 15 корреспондентов. Примерно четверть состава ее депутатов регулярно печаталась в прессе.

Парламентская журналистика стала в конечном итоге важным фактором политической жизни страны, деятельности партий и функционирования системы печати.

§ 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

Особую роль в политическом процессе мирового сообщества и в России в это время играл Лев Николаевич Толстой, последний в числе кагорты русских литераторов, определявших общественное настроение, влиявших на общественное мнение страны, воплотивший в творчестве всю энергетику своих предшественников. Его Слово стало прощальной нотой в расставании литературного процесса с трибунной ролью в обществе. XX столетие Толстой встретил усиленной творческой работой. Этот век для России, можно сказать, открылся романом Л. Н. Толстого «Воскресение». Закончив его после длительной и мучительно-сладостной работы, писатель поставил под текстом дату 12 декабря 1899 г. Символично название этого произведения, содержащее надежду на духовное возрождение. Александр Блок в 1908 г. назовет его «завещанием уходящего столетия новому». Явление романа обществу было подобно взрыву, хотя печаталось оно почти целый год в тихом семейном журнале «Нива» (1899. № 11 —

52), самом распространенном в стране, имевшем к этому времени тираж 235 тыс. экземпляров. Поскольку журнал, как правило, читали всей семьей, постольку число его читателей увеличивалось по крайней мере в 3–4 раза.

Русское общество тех лет жаждало обновления всех социально-политических, культурных, бытовых сторон жизни. «Воскресение» отвечало этой потребности. Оно стало, как замечает историк литературы и журналистики Э. Г. Бабаев, по замыслу «письмом», обращенным «ко многим». Писатель хотел найти в таком типе романа «некое единство своих теоретических и художественных исканий, найти единение добра и красоты. Замысел был столь трудным и важным, что Толстой обращался, как свидетельствует его дневник, за помощью к Богу: „Помоги, Отец!“».

Заканчивая роман «Воскресение», Лев Николаевич предвкушал: «Руки чешутся писать обо многом в форме статей. Да надо кончать „Воскресение“. Когда не было художественной работы, я по ней скучал, а теперь уже хочется освободиться, много набралось другого».

«Много другого» — это публицистика, которая к этому времени в творчестве Толстого занимала не меньше места, чем художественная проза. Писатель и мыслитель был человеком, живущим болями своего времени. Казалось бы, 70-летний возрастной рубеж должен был несколько охладить бойцовский темперамент Толстого, но как раз наоборот: Лев Николаевич с головой окунается в актуальные жизненные проблемы, которых в России накопилось великое множество и которые властью не решались.

С болью в сердце он пишет о происходящем в стране и за ее пределами: о войнах, казнях, об унижении человеческого достоинства — порке крестьян, безбожии. Вот часть произведений, вышедших из-под пера Толстого-публициста только в 1900–1902 гг.: «Рабство нашего времени», «Не убий», «Где выход?», «Неужели это так надо?», «Царю и его помощникам», «Единственное средство», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «О веротерпимости» и др. Он становится совершенно неудобным и неугодным публицистом для власти. Все перечисленные произведения вышли за границу — в «Свободном слове» и его «Листках».

Но в то же время жизненное пространство Толстого становится достоянием человечества: у Льва Николаевича консультируются, узнают мнение, ждут его Слова; стремятся вовлечь в ту или иную организацию, к сотрудничеству в той или иной газете, журнале; предлагают написать или высказаться о том-то и т. д. Так, объясняя, как появилась его статья «Об общественном движении в России», Толстой сообщал В. Г. Черткову: «Я писал ее, имея в виду и личные (интервьюеров), и письменные, и телеграфические запросы от английских, французских и американских газет».

Действительно, Лев Николаевич получал много телеграмм и писем разных изданий с просьбой высказаться о событиях 9 января 1905 г. 10 американских газет делегировали к нему двух корреспондентов — Дэвита (Dawitt), бывшего члена английского парламента, и Макенна (Mackenna) от “New York Times” — с тем, чтобы узнать, как Толстой смотрит на положение в России и что думает о петербургских событиях. 20 января к нему приехал еще новозеландский журналист Вильямс (Williams), представлявший “Manchester Guardian”. Вообще за свою жизнь Л. Н. Толстой дал более 200 интервью.

Ясная Поляна превращается в коммуникативный центр, которых на карте России того времени было не так уж и много. Ясная Поляна, где жил Толстой, занимает на ней место наряду с Петербургом и Москвой. Сюда стекается информация, связывающая писателя со всеми континентами и почти со всеми странами. Вот почему Толстому все больше приходится думать о судьбе не только России, но и всего человечества. Конечно, такая ситуация сказывалась на его творчестве. Автор ее становится одним из тех, кто стоял у истоков современного процесса глобализации человеческого бытия. Его Слово звучало и без современных новейших технологий на весь мир.

Творческая жанровая палитра писателя во многом трансформируется: в ней большое место занимают жанры эссеистики — такие, которые дают автору возможность наиболее полно выразить личностное, душевное, учительное начало. При этом Толстому не надо было обращаться к опыту других культур, хотя, ко-

нечно, он давно был знаком, к примеру, с творческим эссеистическим опытом Ж.-Ж. Руссо. Однако Льва Николаевича всегда привлекала и трогала древнерусская литература с ее проповедческой, душевно-разговорной интонациями, высоко нравственными и учительскими тенденциями и соответствующим им жанровому ряду: слово, проповедь, житие, открытое письмо, беседа, обращение.

Вся жизнь и деятельность Толстого сопровождалась постоянной, усиливающей эти качества его творчества огромной перепиской — сначала с близкими и друзьями, затем и со сторонниками своих взглядов и теми, кто с ним полемизировал, наконец, с любым человеком Земли, пожелавшим пообщаться с великим писателем и мыслителем. В эпистолярном наследии Толстого более 10 тыс. писем к разным лицам. Эта практика, в конце концов, привела к тому, что все чаще в посланиях и обращениях Толстой стал апеллировать не только к конкретному лицу, но вообще ко всем, кому интересна затронутая в письме проблема. В письме к Великому князю Николаю Михайловичу 20 августа 1902 г. Лев Николаевич замечал: «Всякое сочинение *est une lettre de l'auteur a ses amis incoupus*» (есть письмо автора к неизвестным друзьям).

Адрес переписки Толстого глобализируется: его частное письмо становится достоянием всех, а в его практике появляется своеобразный жанр, совмещающий в себе расчет на конкретного адресата и на массовую аудиторию.

Так, ответ английскому журналисту Джону Мансону на вопрос о столкновении США и Англии из-за границ Венесуэлы стал статьей «Патриотизм или Мир», законченной 5 января 1896 г., на очень важную и актуальную до сих пор тему: патриотизм, понимаемый как национализм, «желание исключительного блага своему народу», неизбежно ведущее к войнам. «Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, — делает вывод Толстой, — и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая большая война всякую минуту может и должна начаться». Он рассматривает такого рода «патриотизм покоренных, угнетенных народов — армян, поляков, чехов, ирландцев» как «едва ли не самый худший, потому что самый озло-

бленный и требующий наибольшего насилия». В том же месяце, 12 января, Лев Николаевич послал письмо Э. Кросби. Его опубликовал в Женеве М. К. Элпидин как «Письмо Толстого к американцу о непротивлении». С некоторыми изменениями 5 апреля оно вышло в переводе в газете "Tribune" (Нью-Йорк). Таких примеров в практике писателя не счесть.

Толстой возвращает письму полную коммуникативную роль. Оно несет не только интимную, личностную информацию, но и общественно значимую. Это хорошо понимали адресаты Льва Николаевича, и нередко его частное письмо появлялось в печати как статья, комментарий, мнение. Эпистолярный жанр — один из важнейших в его творчестве. Многие его частные письма становятся достоянием читателей разных стран, а сам жанр открытого письма и обращения вообще характерен для литературной практики Толстого начала XX в. . Вот выборка его публикаций в этом жанре, вышедших тогда:

«Царю и его помощникам» — 1901;

«К рабочему народу» — 1902;

«К духовенству» — 1903;

«К политическим деятелям» — 1903;

«Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» — 1906;

«Письмо к китайцу» — 1906;

«Письмо к индусу» — 1908.

Открытые письма Толстого становятся общественным явлением, влияющим на социальную и культурную жизнь общества, которое в это время оказывается ареной развернувшегося процесса политизации. Можно сказать, что и сам этот процесс значительно повлиял на творчество писателя, его актуализацию, обращенность к публицистике и расширение жанровой палитры, обогатившейся и открытым письмом. Понимая характер эпохи, Л. Н. Толстой выступил даже с особым обращением «К политическим деятелям», эпиграфом к которому предпослал слова английского поэта Перси Биши Шелли: «Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной». Толстой предостерегал общество и

самих политиков от того ложного, по его мнению, пути, на который они встали.

Фактически Лев Николаевич в новых, предреволюционных условиях развивает мысли, высказанные им еще в 1896 г. в «Письме либералам» — так был назван его ответ на письмо А. М. Калмыковой (1849–1926), где он подчеркивал: «...То, что требуется совестью — высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время».

Слова обращения писателя «К политическим деятелям» звучали особенно актуально в связи с крайними устремлениями зарождавшихся тогда в России политических партий, особенно социалистов и социал-демократов. Толстой никогда не был членом какой-либо партии. Мало того, он заявлял: «Большое счастье не принадлежать к партии и свободно жалеть и любить и тех и других». Но само время противопоставило его партийному движению.

Л. Н. Толстой, хотя и не считал себя политиком, играл первостепенную роль в политической жизни страны и умело использовал печатное слово. Недаром один из наиболее крупных издателей, публицистов и политиков России А. С. Суворин именно тогда (29 мая 1901 г.) сделал вывод в дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии».

Воздействие писателя и публициста на общество, влияние в нем было таким, что, можно сказать, Толстой сам становится человеком-партией, вырабатывающим определенную программу решения актуальных проблем российского и мирового общества. Его публицистика приобретает политический, программный характер.

Сделаем здесь существенную оговорку устами самого Толстого. Так, еще в 1896 г. он подчеркивал в одном из писем, что он все силы употребляет «не скажу — на борьбу с ним (устройством

жизни того времени — Ред.) — эта цель слишком частная, а на деятельность, долженствующую разрушить это устройство и заменить новым».

Лев Николаевич давно задумал написать статью, где хотел обобщить положение народа в государстве и предложить выход из того тупика, в котором общество страны оказалось к началу XX в. Такой статьёй стало его открытое письмо-обращение «Царю и его помощникам» (1901). Он упорно работал над ним: рукописный фонд обращения составляет 113 листов разного формата, а окончательный текст имеет всего лишь 6 страниц. 15 марта 1901 г. обращение было завершено. 19 марта в дневнике Толстой зафиксировал: «...Студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и программу. Старался руководиться только желанием служить, а не личным удовлетворением» (курсив мой. — Г. Ж.). В обращении действительно предложена власти, правительству конкретная программа и показаны возможные пути ее реализации.

Работа об основной трудящейся части населения России — крестьянстве, которое находилось в наиболее бесправном положении, ставится Толстым во главу угла предъявляемых им требований. По его мнению, они могут изменить сложившуюся ситуацию в стране. Он предлагает «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами», в связи с чем, необходимо:

«а) уничтожить ни с чем не связанный, нелепый институт земских начальников;

б) отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям;

в) освободить крестьян от стеснения паспортов для перехода с места на место и также и от лежащих исключительно на них квартирной, подводной, сельской, полицейской повинности (сотские, десятские);

г) освободить их от несправедливого обязательства платить по круговой поручке долги других людей, а также и от выкупных платежей, давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель; и главное:

д) уничтожить бессмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия людей, позорное телесное наказание». Вспомним, что это пишет художник слова — автор «Анны Карениной». Вспомним, что это — 1901 г.

Приводя эти обыкновенные, элементарные требования, Толстой обобщает: «Уравнение крестьянства, составляющего огромное большинство народа, во всех правах с другими сословиями особенно важно потому, что не может быть прочно и твердо такое общественное устройство, при котором большинство это не пользуется одинаковыми с другими правами, а находится в положении раба, связанного особыми исключительными законами. Только при равноправности трудящегося большинства со всеми другими гражданами и освобождении его от позорных исключений может быть твердое устройство общества». Здесь аналитик-публицист предвидит то, что произойдет в 1905 г., — революцию назовут именно крестьянской. Конечно, в первую очередь Толстой озабочен тем, чтобы помочь трудящимся на земле, выполнить свой моральный долг по отношению к ним. Поэтому он стремится подсказать власти, как избежать надвигающихся трагических событий.

Его программа действий содержит требования отмены незаконных «правил усиленной охраны», уничтожение «всех преград к образованию, воспитанию и преподаванию», «всех стеснений религиозной свободы». Эти требования Толстой называет самыми скромными и легко исполнимыми желаниями большинства русского общества, которые, несомненно, его успокоят и предотвратят преступления с обеих сторон. «Помогите же улучшить положение этого большинства», — обращается писатель к «царю, министрам, членам Государственного совета и советникам и близким к царю».

Интересно сопоставить эти актуальные и конкретные предложения Толстого правительству страны с его же «обвинительным актом против правительства» (со слов Льва Николаевича в его дневнике конца 1880-х годов), содержащим 7 пунктов и ставшим его программой, которую он реализовывал, как показыва-

ет анализ его творчества, в своей публицистике: «Думал: вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства:

- 1) Церковь, обман суеверия, траты.
- 2) Войско, разврат, жестокость, траты.
- 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза.
- 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города.
- 5) Фабрики — убийства жизни.
- 6) Пьянство.
- 7) Проституция»¹.

Как видим, Толстой отчетливо понимал то, что происходило в России начала XX в. Он откладывает на некоторое время обвинительный акт и предлагает власти достаточно реалистическую программу, выполнение которой могло остановить нарастание напряженности в обществе, помочь избежать конфронтации. «Всякий мыслящий человек нашего времени не может не видеть, что из того тяжелого и угрожающего положения, в котором мы находимся, — пишет в феврале 1902 г. Лев Николаевич, — есть только два выхода: первый, хотя и очень трудный — кровавая революция, второй — признание правительствами их обязанности не идти против закона прогресса, не отстаивать старого... поняв направление пути, по которому движется человечество, вести по нему свои народы».

Эти вещие слова — из предисловия Толстого к публикации написанных им солдатской и офицерской памяток. В нем подчеркивается, что об этом же он послал два письма царю Николаю II в 1900 и 1902 гг. Но власть оказалась глухой к голосу совести. «И потому ввиду неизбежности первого выхода, т. е. революции, предоставляю к распространению теперь эти две памятки, надеясь на то, что мысли, содержащиеся в них, уменьшат братоубийственную бойню, к которой ведут теперь правительства свои народы». Здесь важно отметить, что и в этом случае публицист, выступая против войны и революции, насилия, «братоубийственного назначения войска», подходит к проблемам практически, стремится уменьшить число жертв готовящейся братоубий-

¹ У Толстого пункты даны в одном абзаце.

ственной бойни. Такой же актуальный характер имела большая часть публицистики Толстого того времени, направленной на решение основных общественных проблем.

Ощущение надвигающейся катастрофы — мировой бойни — пронизывает творчество Толстого начала века, хотя до Первой мировой войны было более 10 лет. Тема войны прошла через всё творчество писателя и публициста. И это было естественным явлением для графа Толстого, предки которого были военными, и сам он пошел служить в армию, был военным публицистом. Познав все стороны войны на практике, осознав ее истинную природу, противоположность добру, нравственности, общечеловеческой морали, Лев Николаевич стал выступать против нее, против ее бесчеловечности, ее античеловечности, ее варварской и звериной сущности.

Тема войны на рубеже веков в мировой журналистике являла собой, можно сказать, особый форум, в котором голос русского публициста и писателя Толстого звучал наиболее авторитетно. «Пророк добра, Вы поучаете людей жалости, а они отвечают Вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает ли это Вас, несмотря на твердость Ваших убеждений, и не разочаровались ли Вы в человеке-звере?» — спрашивал в связи с развернувшейся между Японией и Россией войной в открытом письме Толстому в газете «Тан» («Время») французский академик и писатель Жюль Кларти.

И к этой войне Толстой подходит с общечеловеческих позиций. «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии», — так ответил Толстой 22 февраля 1904 г. на присланный по телеграфу вопрос редакции газеты «Нордс америкэн» («Североамериканец») «Сочувствуете ли Вы России, Японии или никому?». Со всех концов Земли к Толстому поступали вопросы о развернувшихся трагических событиях. В беседе с французским журналистом Жоржем Анри Бурдоном Лев Николаевич сказал: «Нынешняя война — это только проявление губительного людского безумия».

С началом войны с Японией Толстой откладывает всякую другую литературную работу и пишет новый протест — острое, взры-

воопасное, злободневное эссе с заголовком-призывом, обращенным ко всем людям, — «Одумайтесь!». Фактически это тоже открытое письмо к человечеству. 29 апреля 1904 г. Лев Николаевич отмечает в дневнике: «Все это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей». Очень точно подметил характер этого эссе В. Г. Чертков в письме к его автору от 27 июля: «Бывает случай, как на пожаре, когда необходимо закричать во всё горло, и это ваше воззвание было таким криком».

Сам автор осознавал, что «статья эта вышла как-то круто заостренная». Сохранившийся рукописный материал (242 листа, 203 обрезка и 21 лист вставок) свидетельствует о том, что каждая глава этого произведения переделывалась от 5 до 10 раз. Оно было напечатано редакцией «Свободного слова» в двух вариантах. Второе издание вышло без эпитафий — в расчете на популярную аудиторию — для солдат, хотя система эпитафий в этом эссе играют существенную роль, и не только как дополнительные весомые аргументы к раздумьям автора, но и как многоголосный протест против войны, как своеобразный диалог-переключка времен, мнений и документов о войне.

Открывает эссе общий к нему эпитафия: «Ныне ваше время и власть тьмы» (Лука, XXII, 53). Само произведение имеет целую систему эпитафий — от трех и более к каждой его отдельной части, обычно текст автора занимает даже меньше места, чем цитируемые разнообразными источниками. Как правило, один эпитафия развивает другой. В диалоге участвуют Марк Аврелий, Анатолий Франс, Т. Чаннинг, И. Кант, Дж. Мадзини, Г. Мопассан, русский крестьянин, матрос и многие другие, включая самого Толстого. Пожалуй, одним из наиболее обличительных в этом многоголосье был голос Русской Матери из частного письма (март 1904 г.), в котором воссоздана репортажная картина палубы «Варяга» (погибшего в ходе бойни крейсера):

«Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент...»

Рассказывая о страданиях раненых, Мать с горечью вспоминает «воспевавшего благодаяния войны» Жозефа Местра и замечает: «Я советую раненым читать его между двумя пер-вязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости.

В „Русских ведомостях“ я прочла рассуждение о том, что выгода России в том, что у неё неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены — мужа, у матери — сына, материал этот истощается скоро».

С этими словами перекликаются слова автора эссе:

«Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь и с русским народом.

И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые все так же погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, свое преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью».

В этом диалоге автор — скорее, комментатор-аналитик, как на современном телеэкране, ведущий и направляющий взволнованные голоса выступающих, умело упреждающий возможные доводы будущих оппонентов. Публицист показывает бессмысленность и преступность человеческой бойни.

Эссе Толстого «Одумайтесь!» вызвало шквал откликов в мировой прессе: «Таймс», «Фримэн журнал» (1904. 28 июня), «Свободное слово» (Лондон, 1904. № 12) и др. К протесту Толстого присоединились Бернард Шоу, Анатоль Франс, ученый Джорж Х. Рив (США), писатель Томас Огилви (Шотландия) и др. «В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств», — констатировала 29 июня газета «Санди скул кроникл» («Хроника воскресной школы»), утверждая, что «статья Толстого есть пророческое слово неземного происхождения».

Публицистика великого писателя раскрывает новые грани его таланта, его деятельное начало, стремление не только поставить сложную проблему, но и показать пути ее решения. «Немногие осознают, что он направил свой гений в социальную сферу жизни, — замечает Д. Рэдферн в книге «Толстой. Принципы мирового порядка» (1993), — что, в сочетании с литературным мастерством, сделало его великим рассказчиком, несущим большую практическую пользу. Он был одним из тех немногих представителей девятнадцатого века, кто ясно видел те слабые места в устройстве общества, которые и привели впоследствии к катастрофе двадцатого. Более того, он имел ряд конкретных предложений о том, как изменить мир к лучшему». И в этом он опирался на публицистическое слово, которое очень ценил.

В трудный для него — последний — 1910 год, прочитав статью В. Г. Короленко (Русское богатство. № 3, 4) «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)», Лев Николаевич взволнованно писал ее автору: «...Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное по чувству — превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья». К такой высокой оценке публицистического слова приходит Л. Н. Толстой к концу жизни.

ГЛАВА VI

Духовное слово России

Духовная деятельность есть величайшая, могущественнейшая сила. Она движет миром. Но для того, чтобы она была движущей миром силой, нужно, чтобы люди верили в ее могущество и пользовались ею одною, не примешивая к ней уничтожающие её силу внешние приемы насилия...

Л. Н. Толстой

§ 1. ДУХОВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Русская журналистика имела истоком Духовное слово, отраженное в публицистике и литературе Древней Руси, значение которого в развитии нашей культуры, развитии русского общества, литературы и журналистики очень велико. Длительное во времени воздействие на русское общество Духовного слова, затем — его дифференциация на духовно-духовное и духовно-светское, его сосуществование в последующие времена со светской литературой и публицистикой, появление блестящей плеяды духовных писателей и публицистов привели к особой роли духовного в русском менталитете.

При этом важно учитывать историческое обстоятельство: Церковь и Слово — двуединство. Церковь тесно связана с проповедческим словом. Ею накоплен богатейший опыт общения с паствой с помощью вербальной, рукописной и печатной публицистики. Проповедники, церковные ораторы, публицисты оставили яркое и интересное наследие. На протяжении многих веков сосуществуют два литературных направления — духовное и светское, которое отпочковалось от первого. Вся грамотная Россия читала «Четьи-Минеи» святителя Димитрия Ростовского, произведения митрополита Московского Филарета (Дроздова), архие-

пископа Иннокентия (Борисова), епископа Феофана (Говорова) и многих других.

Духовное слово Русской Православной Церкви всегда представляло собой целенаправленный, единый синтез устной, рукописной, а затем и печатной коммуникации, символов и знаков, особого изобразительного ряда, музыки, если иметь в виду храм. В этом состоит особенность Духовного слова, это его качественное отличие, и оно естественно сказывалось и сказывается на всех типах коммуникаций. Духовная коммуникация долгий исторический период была основной во взаимодействии власти с народом Руси. При этом рыночная составляющая информационного процесса, сотворившая, по выводу М. Маклюэна, западного человека, заработала на русских просторах не сразу. И смысл этого явления не в отсталости русского общества, а в его своеобразии, его духовной наполненности, которая влияла на всю его культуру и бытие.

Словесно-изобразительный синтез духовной коммуникации, нашедший воплощение в духовной книге, дал впоследствии обществу и литературу, и публицистику, и живопись. Ее традиции сделают достоянием литературного процесса России высокую духовность, нравственность, пророчество. Вспомним корифеев XIX в. В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

С XVIII в. русская журналистика развивалась в единстве как система, состоящая из двух подсистем — духовной¹ (церковной) и светской. Духовная составляющая коммуникации в России будет оставалась основной на протяжении XVIII столетия. Петр Великий был, по мнению многих историков, западником. А. Н. Шлосберг, к примеру, писал в 1911 г.: «Петр в отношении прессы произвел нас в „бытие“, пересадив ее с Запада в уже готовом виде». Такой вывод слишком примитивен. Опираясь на мировой опыт и преодолевая сопротивление значительной части священнослужителей, Петр I реформировал информационное пространство

¹ Духовная публицистика, духовная цензура, духовный журнал и т. д. — так было принято называть тогда явления печати, поэтому здесь используется с учетом исторического контекста соответствующий ему термин духовная журналистика.

страны, создал светскую печать, ее материальную базу, однако он же сохранил ту традицию, которая существовала ранее: духовная коммуникация оставалась основной во взаимодействии с народом.

Это очень важный момент, который качественно отличал нашу журналистику от других и на том этапе, и на последующих. Одним из существенных итогов петровских реформ в информационном процессе было наличие в нем с этого исторического периода двух подсистем печати. Духовную подсистему традиционно представляли устная коммуникация, проповеди и рукописные и печатные книги. Духовная периодика возникает в первой четверти XIX в. К 1860-м годам складывается определенная сеть журналов РПЦ, тогда же создается сеть епархиальных ведомостей. На рубеже XIX–XX вв. появляется частная церковная периодика.

Вообще исторически сложившиеся подсистемы русской печати взаимодействовали довольно трудно, с большими противоречиями. В соответствии с их наличием на практике сложилась и цензура из двух институтов: духовного, более древнего, и светского. Существовало и определенное разделение их труда. Духовная контролировала духовную жизнь общества, духовную и нравственную сторону информационного процесса. В этом было заложено, пожалуй, главное противоречие между двумя подсистемами печати. Оно сдерживало развитие диапазона информации светской журналистики и консервировало диапазон информации в духовной.

Охранительный консерватизм РПЦ экстраполировался на характер ее печати. С появлением в 1860-х годах наиболее распространенного типа церковных изданий — епархиальных ведомостей — постоянно возникали дискуссии об их содержании, во время которых говорилось, как правило, о недостатках этих официозов, выполнявших главным образом служебную роль, их аморфности и типовой неопределенности. Находясь под двойной цензурой — Синода и епархиальных архиереев, которые лично их просматривали, они превратились по большей части в безликие издания. Через 20 лет после их появления, 21 мая 1880 г. «Церковно-общественный вестник» (Санкт-Петербург) писал о

том, что их редакторы всего боятся, и характеризовал епархиальные ведомости как издания, «дышащие духом крайней нетерпимости», «тошенькие серенькие тетрабочки».

Прошло еще 20 лет. Несмотря на возникшую потребность в более тесной связи изданий этого типа с аудиторией, ситуация с епархиальными ведомостями мало в чем изменилась. В 1897 г. Н. Торков в статье «Епархиальные ведомости и духовенство» утверждал: «Одни епархиальные управления за то, чтобы епархиальный орган был на высоте своей задачи, хотя бы для этого пришлось увеличить расходы на издание. К сожалению, большинство смотрит на дело не так: не только не оказывает нравственную поддержку, не желая помещать в нем статей, но и обязательную материальную. Большинство „Епархиальных ведомостей“, предоставленные сами себе, не отражают жизни епархии, поневоле публикуют статьи общего характера». Мнение Торкова разделял автор «Вологодских епархиальных ведомостей» И. Попов, считавший, что местные церковные газеты должны «чутко прислушиваться к жизни прихода и взять из нее не только внешние впечатления».

В 1898 г. редактор «Ярославских епархиальных ведомостей» Н. Корсунский направил обер-прокурору Св. Синода К. П. Пободоносцеву записку «О придавленности епархиальных ведомостей», объясняя эту придавленность тем, что местные цензурные комитеты постепенно были закрыты, последний — в Ярославле в 1896 г., а субъективизм цензуры, которую вели назначавшиеся епархиальным преосвященным цензоры, «решительно заедал» жизнь епархиальных редакций. На самом деле, как свидетельствуют факты истории духовной печати, дело состояло в другом. Для нас важно здесь отметить констатацию Корсунским ситуации с епархиальными ведомостями.

В церковной периодике во время проведения 200-летнего юбилея русской печати прошла дискуссия на тему «Какими должны быть епархиальные ведомости». В ходе ее возник ставший главным вопрос о соотношении в этом издании богословского и «практического», т. е. церковной и светской информации. Уже тогда остро ощущалась диспропорция в содержании

епархиальных ведомостей, заложенная синодальными рекомендациями еще при их организации: полное господство, говоря современным языком, специализированной информации, т. е. всего того, что касалось сугубо церковной жизни, которая отделялась от мирской, светской.

Редактор «Архангельских епархиальных ведомостей» А. Ежов замечал в 1904 г., что в церковных изданиях этого типа «довлеют статьи отвлеченного содержания по богословским вопросам над заметками из практической жизни». «Забайкальские епархиальные ведомости» перекадывали вину в «бессодержательности ведомостей» на духовенство, которое «многого требует, ничего взамен не давая». «Олонецкая церковная газета» называла епархиальные ведомости «сборниками случайных статей», выдвигая в качестве причины такого их характера то, что их редакции «не в состоянии иметь особых корреспондентов в провинции». К местной прессе в ходе дискуссии присоединил свой голос «Церковно-общественный вестник»: «Прозябающие повсюду епархиальные издания представляют собой часто не более как скорбный листок своей епархии, а между тем должны быть ее художественной духовной фотографией».

Таким образом, дискуссия о характере епархиальных ведомостей показала, что развитие этого типа издания упиралось в незыблемые установки управления РПЦ. В цензурной деятельности Святейший Синод постоянно проводил разграничительную черту в содержании периодики РПЦ между духовным и светским. Основная установка Церкви в этом отношении отражена во многих руководящих документах. Ее можно представить обобщенно по одному из них: «...Вообще соединение в одном журнале двух отделов (духовного и светского), различных по содержанию и характеру, и помещение статей духовного содержания, особенно таких, как рассказы из земной жизни Спасителя, или объяснение евангелий — наряду со статьями... как то: повестями (в стихах и прозе), баснями, сказками, анекдотами и т. п., было бы весьма неуместно и могло бы неблагоприятно действовать на религиозно-нравственное чувство народа, способное возмутиться столь неосторожным и неразборчивым смешением предме-

тов священных с мирскими и тщетными». Или более резко: «Святейший Синод находит неуместным вообще соединение в одном журнале статей духовного и светского содержания, весьма различных по своему характеру, преимущественно для чтения православному народу...» Данная установка Синода, отражавшая стремление Церкви к сохранению некоторой автономности, касалась всей периодики РПЦ.

Но при этом надо иметь в виду два обстоятельства. Первое: Церковь, как древнейший институт общества, обращенный к духовной сфере человека, отличается консервативным традиционализмом. Второе: Русская Православная Церковь со времени Петра Великого была прикреплена к государству. Ее священники были фактически в составе бюрократического аппарата страны. Так, в 1891 г. в армии и на флоте насчитывалось 569 военных духовников, 272 церкви. В ходе Первой мировой войны на армейской службе состояло (по данным на 1915 г.) более 5 тыс. священников РПЦ, а были в армии еще муллы, ксендзы, раввины (на каждый военный округ по 1). Эти обстоятельства сказывались на том, что в деятельности Церкви так или иначе проявлялись тенденции отстаивания собственной автономии. В этом преуспевал институт духовной цензуры, который долгое время расширительно воздействовал на информационный процесс общества, включая светскую журналистику, литературный процесс (попытки предать анафеме А. И. Герцена, критика классиков русской литературы, особенно Л. Н. Толстого).

В этом смысле деятельность обер-прокурора К. П. Победоносцева — ока государева, на деле осуществлявшего идеалы самодержавия, воплощенные в триаде «Самодержавие — православие — народность», можно рассматривать позитивно. Такой подход способствовал развитию духовной коммуникации, печати РПЦ, на которую нельзя смотреть упрощенно, как на копию светской. Если последняя взаимодействовала чаще всего с элитарным читателем, то православная печать была рассчитана на всех, с прерогативой общения с народом. И эту прерогативу власть и иерархи охраняли от всяческих посягательств на нее, особенно интеллигенции.

§ 2. Журналистика Русской Православной Церкви

В итоге к XX столетию журналистика Церкви в России представляла собой значительную по влиянию на общество силу. Она имела самостоятельные мощные издательские центры, опиравшиеся на традиции, восходящие к рукописному периоду: Петербургская и Московская Синодальные типографии, типографии Киевской и Казанской духовных академий. Издательская деятельность осуществлялась Лаврами — Троице-Сергиевой, Почаевской и др., епархиями, братствами и др. В 1894 г. Санкт-Петербургская синодальная типография, например, отпечатала 5 млн. 740 тыс. книг, брошюр, номеров церковных ведомостей и другой продукции, состоявшей из 21 млн. печатных листов. Первая Всероссийская выставка печатного дела (1895 г.) преподнесла как чудо издание молитвы Господней «Отче наш» на 324 языках.

Своеобразная сеть изданий, сложившаяся на этой материальной базе на рубеже веков и бурно развивавшаяся в начале XX столетия, отражала разные стороны духовной жизни общества и состояния аудитории. Она во многом дублировала типологию светской, официальной журналистики. В Петербурге и Москве выходил ряд органов Синода, на местах — епархиальные ведомости: к 1917 г. их насчитывалось 71. Журналы Церкви расширили географию от столиц, Казани, Киева, как это было в XIX в., до Одессы, Рязани, Тифлиси, Харькова, Ярославля. К 1913 г. Церковь обладала наиболее разветвленной в государстве системой печати, насчитывавшей 1764 журнала и газеты общим тиражом 5 млн. 731 тыс. экземпляров. При этом именно начало XX в. стало наиболее интенсивным периодом роста периодики РПЦ. По сравнению с периодом 1881–1905 гг. сеть ее изданий разных типов в 1905–1917 гг. увеличилась более чем в 2 раза. Если в 1881–1905 гг. вышло 85 журналов, 2 газеты, 6 листков (всего 93), то в 1905–1917 гг. соответственно 142, 20 и 39 (201). Общая для развития духовной печати тенденция соответствовала тенденции, присущей тогда и светской журналистике: росло число изда-

ний, рассчитанных на более массовую аудиторию (листки, газеты, тонкие журналы). К этому следует добавить выходявшие массовыми тиражами листовки, брошюры, календари-месяцесловы, святцы (именно этот тип издания положил начало русской печати: в 1702 г. И. Ф. Копиевский выпустил в свет «Святцы или календарь») и др. В 1910 г. в России были изданы на 21 языке 674 вида календарей, включая и значительную долю церковных.

«Для пастырского окормления церковного народа большое значение — возможно, даже большее, чем церковная проповедь, — пишет историк А. Н. Кашеваров, — имела также назидательная литература». По своему характеру, содержанию и форме она была вполне доступна народу. Наибольшее распространение получили небольшие по размеру и цене брошюры (отдельные издания в переплете — книга), а также «народные» издания, охарактеризованные историком И. К. Смоlichem как «письменная проповедь». Таковыми были «Троицкие листки», начало издания которым положил в 1879 г. монах Троице-Сергиевой лавры Никон (Рождественский). Это были копеечные издания книжного формата, состоявшие из не более 10 страниц, нередко раздававшиеся бесплатно. Они содержали жития святых, краткие поучения, пояснения к молитвам и богослужению, отрывки из проповедей. К началу XX в. их тираж достигал до 450 тыс. экземпляров. «Троицкие листки» выходили до конца 1917 г. В 1886 г. появились такого же типа «Почаевские листки».

Особое место в системе печати РПЦ занимали «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Синоде». Такое название имел первый номер журнала от 1 января 1888 г. Его редактором был назначен настоятель кафедрального Исаакиевского собора протоиерей Петр Алексеевич Смирнов (1831–1907). Объем еженедельного журнала составлял 1,5 печатных листа. Синод считал, что церковная жизнь России достигла такого широкого развития, когда возникает необходимость передачи из центра на места точной, документальной, официальной информации, отражавшей его позицию. В 1890-е годы тираж «Церковных ведомостей» составлял 40 тыс. экземпляров. В последующий период Синод поддерживал тираж своего печатного органа на этом уровне.

Процесс дифференциации духовной журналистики, отражая развитие аудитории, углубляется в конце XIX — начале XX в. Она включает в себя официальные, церковно-педагогические, религиозно-назидательные, миссионерские издания, местную духовную периодику, печатные органы духовных академий и семинарий, наконец, частную православную прессу.

Периоду РПЦ 1821 — 1917 гг. можно классифицировать по следующим основаниям.

По издателю:

- 1) официозы — всего 119 (32%): столичные — 17 и местные — 102 (епархиальные);
- 2) издания церковных обществ — 116 (30%);
- 3) частные — 67 (18%);
- 4) издания духовно-учебных заведений — 23 (6%);
- 5) монастырские — 17;
- 6) приходские — 7.

По содержательному признаку:

— церковно-общественные, апологетические — 117, включая издания церковных обществ — 63, частные — 30, местные — 17 и др.;

— информационные — 90 изданий, из них епархиальные — 71;

— религиозно-назидательные — 54 (частные — 26, монастырские — 11, издания церковных обществ — 9 и др.);

— церковно-исторические — 49 (издания церковных обществ — 32, местные — 7, издания духовно-учебных заведений и частные — по 5 и др.);

— миссионерские — 29: (издания церковных обществ — 18, частные — 5, местные — 4 и др.) Издания, направленные против раскола, ересей, сектанства: «Православный путеводитель», «Миссионерское обозрение», «Миссионерский сборник» и др.;

— церковно-педагогические — 17, включая официозы столичные — 10, частные — 2 и др. Журналы «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь» и др. В 1905 г. в стране было 42 695 церковно-приходских школ;

— богословско-философские — 9 («Богословский вестник» — орган Московской духовной академии, «Труды Киевской духов-

ной академии», «Православный собеседник» — орган Казанской духовной академии, журналы «Вера и Церковь», Москва; «Вера и Разум», Харьков, и др.).

Сущность типов изданий РПЦ значительно отличалась от светских. Их проблемно-тематический комплекс был сосредоточен на духовно-нравственных вопросах. Воспитание в преданности православию, духовное и нравственное воспитание паствы — кардинальные задачи РПЦ и ее журналистики. Поэтому же ее публицистика имела морализующий, назидательный характер. Духовная журналистика выполняла важные для церкви, государства и общества функции, такие как духовно-нравственное воспитание и просвещение народа, защита его от новых идейных веяний самого широкого диапазона, особенно марксизма; борьба с отступлениями от догм православия и пр. Так, в программной статье редакция богословского журнала «Вера и Церковь» (Москва) ставила задачу «отвечать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современного общества и противодействовать рационализму и неверию» (1899. № 1). При этом церковная печать относилась к рационализму и неверию очень многое. Напомним хотя бы ее ожесточенные выступления против взглядов и творчества многих крупных писателей: Л. Толстого, Н. Лескова, А. Чехова, М. Горького и др.

Как показывает исторический опыт, любой монополизм, включая и церковный, всегда встречает сопротивление. Духовная жизнь достаточно развитого общества не является прерогативой церкви определенной конфессии. В стремлении быть единственной выразительницей духовности РПЦ встретила естественное противодействие части интеллектуальных сил России, составлявших ей в этом смысле конкуренцию. Пожалуй, наиболее резко и отчетливо это проявилось как раз в отношениях, сложившихся между Русской Православной Церковью и великим писателем Л. Н. Толстым, основным полем деятельности которого с 1880-х годов стала не просто литература, а духовная жизнь общества.

§ 3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА О Л. Н. ТОЛСТОМ

В сущности, его учение — безбожие; всё сводится лишь к земле и ее благополучию; дальше земли и земного он ничего не желает и знать.

Н. Ивановский

Мысль его парила над землею и подчинялась не ей, а вечному порыву к совершенству.

В. А. Мякотин

Эта деятельность Толстого, с одной стороны, предвосхитила постановку многих ее проблем, с другой — инициировала всеобщее внимание к ним. Но, так или иначе, в основе деятельности и Толстого и той интеллектуальной силы страны, которая была им разбужена, лежала неудовлетворенность организацией жизни русского общества. Перед ними вставал вопрос: так что же в связи с этим делать? Поэтому весь фокус оппозиционности был нацелен на власть и официальную церковь.

Для культурной, духовной жизни страны, развития общественной мысли, русской журналистики творчество Толстого и его общественная деятельность имели двойственное значение. Его творческие поиски вызвали ответное стремление заново понять и разобраться в самых сложных проблемах духовности, человеческого существования, человеческого сообщества. Не менее мощной на такие выступления Толстого была реакция РПЦ и консервативной части общества. Она выразилась в принятии «Определения Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом», свидетелем которого о его отпадении от Церкви, и в поддержке этого акта паствой.

24 февраля документ появился на страницах «Церковных ведомостей» (№ 8), а затем — на первых полосах большинства газет страны без каких-либо комментариев. Некоторые издания («Русское слово» — наиболее распространенная газета, «Московские ведомости») напечатали его в разделе «Телеграммы Русского те-

леграфного агентства». Одновременно с этим документом Синода было разослано распоряжение Главного управления по делам печати «О непоявлении в печати сведений и статей по поводу определения Синода».

В «Определении» Толстой называется «новым лжеучителем», «в прельщении гордого ума своего дерзко восставшим на Господа и Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекшийся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной»; фанатиком, проповедующим «ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской». Далее в тексте «Определения» следовал перечень того, что Толстой отвергал. Документ свидетельствовал, что, во-первых, никакие попытки со стороны РПЦ вразумить Толстого не имели успеха; во-вторых, Толстой сам отпал от Церкви. Св. Синод оставлял писателю надежду: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».

Непосредственную и точную реакцию современника Толстого на этот документ РПЦ содержит дневник В. Г. Короленко, записавшего 25 февраля 1901 г. в нем: «Акт беспримерный в новейшей русской истории! Правда, беспримерны также сила и значение писателя, который, оставаясь на русской почве, огражденный только обаянием великого имени и гения, так беспощадно и смело громил бы „китов“ русского строя: самодержавный порядок и господствующую церковь. Мрачная анафема семи российских „святителей“, звучащая отголосками мрачных веков гонения, несется навстречу несомненно новому явлению, знаменующему огромный рост свободной русской мысли» (курсив наш. — Г. Ж.).

Н. А. Бердяев писал: «Всеми признается, что зачинателем религиозного брожения в России является Л. Толстой, он пробил брешь в религиозном индифферентизме русской интеллигенции, и запросы религиозного сознания поставил в центре внимания. За это он был отлучен от церкви, именно за свои религиозные искания, так как людей просто индифферентных от церкви не отлучают».

Вердикт Святейшего Синода, воспринятый обществом как отлучение великого писателя от РПЦ, для русской интеллигенции стал знаковым событием. Архимандрит Сильвестр (Братановский) писал в 1903 г. в богословско-философском журнале «Вера и разум» (Харьков): «Светские наши мыслители заговорили о свободе совести со времени отлучения гр. Л. Толстого от Православной Церкви, это событие в действительности и породило этот вопрос. Все заговорили тогда о свободе совести, заговорили — вкривь и вкось, на разных языках».

Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев предпринимал все меры, чтобы погасить бушевавшее пламя вокруг антитолстовского документа. 22 марта 1901 г. он писал главному редактору «Церковных ведомостей» протоиерею Л. А. Смирнову: «Какая туча озлобления поднялась за „Посланием“». Главное управление по делам печати пыталось воспрепятствовать распространению приветствий Толстому, издав в связи с этим ряд распоряжений от 24 февраля, 26 марта, 22 июня 1901 г., 29 января 1902 г. Так, 26 марта 1901 г. оно направило губернаторам секретный циркуляр № 2519, в котором говорилось: «После обнародования послания Святейшего Синода о графе Л. Н. Толстом газеты стали усиленно печатать телеграммы и известия, выражающие сочувствие этому писателю. Ввиду того, что выражение в печати сочувствия графу Толстому при настоящих условиях приобретает характер как бы протеста против послания Святейшего Синода, Главное управление по делам печати, по приказанию г. Министра внутренних дел, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать... распоряжение о том, чтобы подобного рода телеграммы и известия не были дозволяемы к печати в повременных изданиях».

Официальная церковь уже на протяжении 1880–1890-х годов вела в духовной печати антитолстовскую кампанию, опирающуюся на главную силу церкви — устную коммуникацию, непосредственный контакт с паствой. Эта кампания достигает апогея после акта Святейшего Синода 1901 г. об отпадении Л. Н. Толстого от РПЦ. Был запущен в ход весь пропагандистский, информационный механизм — от философского фронта (журналы духов-

ных академий, «Вера и разум» при Харьковской духовной семинарии, «Философский трехмесячник» А. А. Козлова в Киеве) до специальных изданий, направленных на борьбу с ересью, и епархиальных ведомостей.

Одним из важнейших центров антитолстовской кампании стал журнал «Миссионерское обозрение», стартовавший в 1896 г. Он представлял себя как ежемесячный, противосектантский духовный орган, «посвященный всестороннему исследованию и обличению русского сектантства рационалистического (духоборства, молоканства, жидовства, субботства, штундобаптизма, пашковщины, толстовства и др.) и мистического (хлыстовства, скопчества, мармонства и шалопутства), а также раскола старообрядчества». Он был утвержден Св. Синодом как орган внутренней миссии РПЦ, имел объем 86 страниц книжного формата и 18 страниц рекламы о духовных книгах и изданиях, рассчитанных не только на церковников, но и народ вообще.

У журнала было приложение — «трехмесячник» (4 книги в год) и повременные выпуски «Миссионерских листков» в форме «Ответы из Слова Божия» и рассказов. Много внимания редакция уделяла разделу «Народные чтения», выпускала насчитывавшую 60 названий народно-миссионерскую библиотечку для внецерковного чтения грамотному народу и для внеклассного чтения школьникам старшего возраста; для даровой раздачи во время беседований в качестве памяток дешевые по цене листки «Миссионерское зернышко» с «библейскими и святоотеческими изречениями по тому или другому пререкаемому вопросу».

В журнале постоянно сотрудничали проф. Н. И. Ивановский, миссионеры-борцы с расколом М. П. Чельцов, свящ. о. В. Прозоров, о. И. Полянский, о. К. Попов, о. Александров. Цензором журнала был архимандрит Владимир, старший цензор С.-Петербургского духовного цензурного комитета.

Редактором-издателем «Миссионерского обозрения» являлся один из крупных деятелей миссионерства и церковной периодики, духовный публицист, чиновник особых поручений при оберпрокуроре В. М. Сворцов, сыгравший особую организаторскую роль в антитолстовской церковной кампании. В 1897 г.

на 3-м Всероссийском миссионерском съезде, состоявшемся в одном из духовных центров страны — Казани, он поставил вопрос о необходимости усиления борьбы с толстовщиной, поскольку к этому времени толстовское движение якобы оформилось в «религиозно-социальную секту». Съезд рекомендовал усилить в проповедях священников наступление на «яснополянского отщепенца» с тем, чтобы «открыть глаза огромной массе ослепленных почитателей Л. Н. Толстого». Он принял решение об осуждении Толстого и толстовства, утвержденное Св. Синодом. В нем Толстой назывался антихристом. Оно призывало «возвысить свой голос и открыто засвидетельствовать миру, в чем заключается религиозное лжеучение Льва Толстого и как относится к нему церковь».

В предисловии к сборнику статей «Миссионерского обозрения» Скворцов свидетельствовал, что решения этого съезда дали толчок распространению полемической литературы о Толстом. «Мы хотим, — писал Скворцов, — противопоставить толстовскую тьму свету Христову, возбудить негодование к яснополянскому богохульнику вместе с отвращением к его противохристианскому мудрованию». Духовная печать должна разъяснить «огромной массе слепых почитателей Толстого, какой великий еретик и страшный враг Христа и Церкви их яснополянский кумир». «Стремясь быть чутким и жизненным литературным органом внутренней миссии Церкви, — подчеркивал редактор, — „Миссионерское обозрение“, естественно, должно было зорко следить и своевременно откликаться на все перипетии толстовской эпопеи, и наш журнал, волею-неволей, стал первым лицом к лицу с яснополянской ересью».

Полемика-борьба с учением Л. Н. Толстого и взглядами его последователей занимала в деятельности журнала существенное место. Статьи об этом публиковались почти в каждом номере и в разных отделах. Периодически появлялась рубрика «Открытые письма к другу-интеллигенту, увлекающемуся учением Л. Н. Толстого», печатались церковные документы о толстовстве, критические письма к философу и писателю, обращения раскаявшихся «толстовцев». Так, в 1901 г. в «Миссионерском обозрении» по-

явилось «Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода» М. А. Новоселова. Вокруг книги другого отступника М. А. Сопоцько «Плоды учения графа Л. Н. Толстого» была проведена дискуссия: В. Тихомиров «Новые плоды учения графа Толстого», проф. А. А. Козлов «Религия графа Л. Толстого, его учение о жизни и любви», Евг. Бобров «Этические воззрения графа Л. Н. Толстого и философия их критики» и др.

По инициативе В. М. Скворцова было подготовлено бесплатное приложение в виде сборника статей журнала «По поводу отпадения от Православной церкви графа Льва Николаевича Толстого», выдержавшего три издания в 1903–1905 гг. каждый раз с дополнениями новых статей и материалов. В нем были помещены акт Синода, Ответ Толстого на него (с купюрами), важнейшие выступления публицистов «Миссионерского обозрения», в качестве введения большой, почти на 40 страниц, «общий очерк» проф. Н. Ивановского «Граф Лев Николаевич Толстой и его учение», статья В. М. Скворцова, помимо его предисловия, «Как и когда совершилось отпадение графа Льва Николаевича Толстого от Православной церкви», «Протест графини С. А. Толстой против Синодального определения», «Письмо графини С. А. Толстой к митрополиту Антонию», «Ответ на письмо графини С. А. Толстой митрополита Антония», отклики и письма по поводу всех этих документов, включая «бывших единомышленников Толстого» (М. Новоселова и М. Сопоцько).

В очерке о Толстом проф. Н. И. Ивановский проводит центральную мысль всего сборника: «В сущности, его учение — безбожие; всё сводится лишь к земле и ее благополучию; дальше земли и земного он ничего не желает и знать». Богослов категорично утверждает: «У Толстого нет ни Бога, ни бессмертия, и за пределами земли он ничего не хочет прозревать, кроме разве памяти в потомстве».

Редактор «Миссионерского обозрения» придавал большое значение публикации «Ответа» Толстого на «Определение» Синода, от которого он добился разрешения напечатать «Ответ» в третьем издании книги без сокращений. «„Ответ“ открыл глаза

огромной массе ослепленных почитателей Льва Николаевича, — считал В. М. Сковрцов, — понявших тогда впервые, какой, действительно, великий еретик и страшный враг Христа и Церкви их яснополянский кумир». Сковрцов с гордостью замечал, что «Миссионерское обозрение» стало «единственным органом для обмена мыслей по данному вопросу».

Сборник «Миссионерского обозрения» был с одобрением встречен околицерковной общественностью. Его появление послужило стимулятором антитолстовской кампании, стал своеобразной хрестоматией, пособием по отношению Церкви к Толстому и его сторонникам. Книга была дополнена ценным в этом смысле приложением. Редактор журнала считал, что в «тяжбе толстовства с Православием» писатель «не дремлет и сам подливает масла в огонь своими позднейшими, крайне дерзкими... трактатами». Поэтому в приложении дан анализ двух брошюр Толстого «Обращение к духовенству» (1902) и «Разрушение ада и восстановление его» (легенда, 1902). В качестве главного оппонента здесь выступал отец Иоанн Кронштадтский.

Участие в антитолстовской кампании такого популярного на всю Россию пастыря, как протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн, свидетельствовало о том, что процесс поляризации интеллектуальных сил российского общества конца XIX — начала XX в. проявлялся не только в политической, но и в духовно-нравственной сфере. С. Булгаков даже писал: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь».

Русская Православная Церковь не смогла противостоять этому процессу. Наоборот, нетерпимость к иноверию, обрядово-бытовой консерватизм, прикрепленность к государству — всё это вело к оппозиционным настроениям против Церкви, способствовало росту эмиграции из страны. По религиозным мотивам с 1828 по 1915 г. из России выехало более 4,5 млн. человек. Некоторые черты РПЦ, приобретенные и необходимые в далеком прошлом, например нетерпимость к иноверию, ожесточенная борьба с ересями, как бы законсервировались и стали традиционными.

§ 4. Журналистика и духовный поиск интеллигенции России

Попробуйте выразить одной формулой религиозность преп. Сергия и прот. Аввакума, митр. Филарета и Достоевского. А что, если прибавить сюда православный фольклор и религию Толстого?

Г. П. Федотов

Большинством общества «Определение» Св. Синода было воспринято как отлучение Толстого от Церкви, что явно не соответствовало тексту документа. Иерархи осознавали, какую интеллектуальную силу имел Лев Толстой, они учитывали и его мировой авторитет, и состояние общества тех лет. Но они понимали и силу обнародованного ими документа: «во имя Божие» он будет способствовать разжиганию страстей против еретика Толстого и его сподвижников, а это заставит их раскаяться и вернуться в лоно истинной Церкви. Действительно, Толстой стал получать немало писем не только с выражением сочувствия, но и с угрозами в свой адрес. Они приходили в Ясную Поляну вплоть до смерти писателя.

Полемика вокруг «Определения» Синода разгорелась еще интенсивнее. М. Л. Казимбек, начальница Казанского Родионовского института благородных девиц, свидетельствовала, что «не было в Петербурге ни одного дома, где бы не происходило жарких дебатов на эту тему». Наиболее ярким выражением возмущения решением Синода стало отправленное 16 марта 1901 г. обер-прокурору письмо отставного казачьего офицера-подъесаула Кавказской армии И. К. Дитерихса, который за связь с духовоборами и помощь им был выслан за пределы Кавказского края. В письме офицера разоблачалась политика правительства и Церкви на Кавказе, впервые столь откровенно и публично обличались лживость и фарисейство К. П. Победоносцева. Оно было напечатано в газетах разных стран, а сам его поступок — выход из лона Церкви — послужил примером для других.

На весь мир прозвучал в защиту Толстого голос европейских писателей. Более 40 литераторов, включая Золя, Маргерит, Метерлинка, продемонстрировали симпатии Толстому, выступив со статьями, эссе и очерками о нем в сборнике «La Plume» («Перо»), который вышел во Франции.

Среди многочисленных откликов на неординарное событие следует отметить публикации массовых сатирических изданий. Так, писатель и драматург П. П. Гнедич вспоминал: «Во французских карикатурных журналах Толстой был изображен с нимбом вокруг головы, в позе святого. „Деканонизация“ обращена была в шутку — и от деканонизированного Толстого шли лучи. Я вырезал карикатуру и послал Л. Н., — не знаю, получил ли он. Не знаю также, получен ли им рисунок из немецкого «Jugend». Там изображен Толстой, извлекаемый из храма. Фигура громадная. Приходится распилить пополам здание, чтобы извлечь его...»

Всё это брожение в обществе, переписка, выступления, письма, поддерживавшие Толстого и осуждавшие его, имели большое общественное значение. «Отверженец церкви провел неизгладимую борозду в сознании не только отдельных богословов, но и в истории русского богословия вообще», — пришел к выводу еще в 1908 г. духовный публицист, известный деятель Церкви А. В. Карташев.

Не только. Целый государственный институт противостоял одному человеку: Церковь принимала направленные против его деятельности особые документы, вела против него мощную кампанию в журналистике и с трибун храмов, подходила к нему как к конкуренту по воздействию на народ. Всё это свидетельствует о большой роли Толстого в духовной жизни страны тех лет. Всё это обостряло в обществе интерес к духовной жизни, ее уровню, ее качеству.

«Определение» Синода и «Ответ» Толстого, отклики на них стимулировали поиски выхода из духовного кризиса общества, характеризовавшегося падением авторитета РПЦ и усилением социалистического радикализма разной интенсивности (социалистов-революционеров, критических марксистов, социал-демократов, христианских социалистов). Поиск реше-

ний социальных проблем общества к этому времени привел часть интеллигенции к марксизму, к его радикальной форме — русскому социал-демократическому движению. Наиболее энергичные, устремленные в практическое преобразование жизни его представители, в первую очередь В. И. Ульянов (Ленин) (1870–1924), суживали на практике марксизм до политики, рассматривая его как учение, обосновывающее борьбу пролетариата за свои права и власть. При этом не учитывалась нравственная, духовная сторона жизни, всегда определявшая природу русского менталитета.

В явлении оппозиции марксизму на русской почве важную роль сыграла философская, публицистическая деятельность Толстого, что вполне осознавалось его современниками. Так, в статье «Поэзия личности», напечатанной в 1902 г. «Санкт-Петербургскими ведомостями» под псевдонимом Н. А., ее автор, пребывавший в ссылке, — историк, политик и публицист В. А. Мякотин сопоставляет деятельность и взгляды К. Маркса и Л. Н. Толстого: «В истории человеческой мысли... нет контраста более глубокого и богатого по своему содержанию, как контраст между Карлом Марксом и гр. Л. Н. Толстым. Они стоят на разных полюсах человеческого духа. Первый создал философию земли; в будущее он повел нас грубым, материальным путем, веря в нравственную силу земных, создаваемых человеком благ, веря в духовно-созидательное значение процесса производства. Философия эта укладывалась в простую схему, в легко усваиваемую формулу».

«Л. Н. Толстой, так же, как и Маркс, стоял на аванпостах жизни, но на противоположной стороне. Вся сила и слава гениального художника помимо ее поразительного анализа заключается в его идеализме, как вечном стремлении в высоты добра и нравственной красоты — этих верховных начал жизни. Мысль его парила над землею и подчинялась не ей, а вечному порыву к совершенству. Если для Маркса человек был ничтожным винтиком механизма, работавшего по определенной схеме, то для Толстого человек является независимым целым, самоопределяющейся единицей, драгоценным сосудом, в который должны быть собраны высшие дары Божества».

Акт Синода, направленный против Толстого, дал толчок оппозиционной интеллигенции к переосмыслению своих программ и действий, «соединению политической оппозиционности с религиозно-философской активностью». Наиболее отчетливо и определенно это выразилось в становлении и развитии на отечественной почве такого философского и политического течения, которое имело самоназвание «критический марксизм» или «практическая философия социализма». Оно было представлено В. И. Лениным как «легальный марксизм». Оно, как и русский марксизм, тоже ставило задачу изменения существующего порядка во имя свободы и социализма. «Социализм господствовал в русском „ренессансе“ почти 20 лет жизни (с 1890-х до конца 1900-х гг.)». В авангарде этого направления философской и политической мысли стояли известные публицисты: С. Н. Булгаков (1871–1944), П. Б. Струве (1870–1914), С. Л. Франк (1877–1950), Н. А. Бердяев (1874–1948) и др. Представители этого философского и политического течения активно искали решение задачи соединения политического освобождения с достижением свободы совести. На этой почве появляются журнал П. Б. Струве «Освобождение», сборник статей «Проблемы идеализма», ставший манифестом нового идейного направления; самоопределяется христианский социализм С. Н. Булгакова, организуется Христианское братство борьбы во главе с его создателями В. Ф. Эрном (1882–1917) и В. П. Свенцицким (1879–1931).

Своеобразным итогом духовных поисков интеллигенции стал выход в свет в 1902 г. сборника трудов «Проблемы идеализма», который положил начало процессу духовного обновления общества. В нем ставилась задача «отстоять необходимое разнообразие запросов и задач человеческого духа».

Сборник имел по тем временам большой тираж — 3 тыс. экземпляров — и разошелся всего за год. Под обложкой «Проблем идеализма» выступили такие известные публицисты, как инициатор и организатор сборника П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, академик-востоковед С. Ф. Ольденбург. Книга свидетельствовала об обособлении в русской общественно-политической мысли нового течения — идеа-

лизм. Бывший марксист С. Н. Булгаков подчеркивал: «...Детерминизм должен почтительно посторониться, чтобы дать место нравственному деянию».

Большой интерес представляет влияние, оказанное Толстым на рубеже веков не только на философские теоретические взгляды, но и на сам характер русской философии. Ее назвали «практической философией». В сборнике «Проблемы идеализма» Булгаков уже обобщал это явление на отечественной почве: «Ни один великий философ не становился спиной к действительности и ее задачам...». В качестве примера Булгаков берет классическую немецкую философию как идеал философа-гражданина Фихте, Гегеля. Он видит в марксизме «самую яркую версию теории или религии прогресса». «И современная философия, — подчеркивает Булгаков, — должна стать лицом к великой социальной борьбе наших дней, быть ее выразительницей и истолковательницей; она не должна замыкаться от жизни в кабинете, чем грешит современная немецкая философия...»

«Практические философы», поддавшись веяниям времени, выработали политику христианско-социалистического толка. Булгаков выдвигает идею христианского социализма. Ее реализацией и пытается заняться активная студенческая молодежь: В. Ф. Эрн и В. П. Свенцицкий создают в Москве Христианское братство борьбы, которое в 1905 г. позиционирует себя как партия. В одной из листовок тех лет говорилось: «В России образовалась новая политическая партия, именуемая „Христианское Братство Борьбы“. Братство имеет целью активное проведение в жизнь вселенского христианства».

Новые настроения и процесс демократизации российского общества в начале XX в., так или иначе, затронули и Церковь. В практике ее журналистики наметилась общая тенденция на сближение, как это тогда сформулировали, Православия и действительности. Например, редакция «церковно-общественного» журнала «Христианское чтение» (Санкт-Петербург) еще в 1894 г. подчеркивала, что, в отличие от духовных изданий, служащих академической богословской науке и предлагающих статьи, «не всегда приноровленные к насущным вопросам и живым интере-

сам общества», она предпримет меры для «большей связи с обществом». Журнал «Странник» (1899) писал, что «нет силы, равной в нравственно-воспитательном отношении художественному творчеству», поэтому редакция будет уделять немало внимания вопросам литературы и искусства: «игнорировать их духовной журналистике, как представительнице интересов Церкви и Религии в литературе, представляется прямо не соответствующим высоте ее назначения».

Но все-таки общая тенденция в отношении Церкви к светской журналистике, публицистике и литературе, пытавшимся ставить религиозные вопросы, духовно-нравственные проблемы, была традиционной, соблюдающей конфессиональную чистоту типа издания и в этом смысле последовательной и справедливой, о чем говорит опыт журнала «Новый путь» (1902–1904), редакция которого обратилась к проблемам «широкого религиозного творчества», «борьбы за духовное освобождение». «Новый путь» возник на основе учрежденных в Петербурге в 1901 г. Религиозно-философских собраний, стремившихся содействовать «обновлению русского Православия» — эта формула отражала общее стремление значительной части религиозной общечеловечности. На Собораниях, по словам Н. А. Бердяева, произошла «встреча русской интеллигенции верхнего культурного слоя с представителями православного духовенства». Она состоялась с санкции Св. Синода. На этой встрече председательствовал ректор С.-Петербургской Духовной академии епископ Сергей (Страгородский), тон задавали литераторы и священнослужители: Д. С. Мережковский (1865–1941), В. В. Розанов (1856–1919), В. А. Тернавцев (1866–1940), Н. М. Минский (1855–1937), А. В. Карташов (1875–1960) и др. На Собораниях обсуждались отношения христианства к миру и жизни, Церкви к культуре и общественной жизни; взаимоотношения интеллигенции и религии. Интеллигенция ставила проблемы нового христианского сознания, новой эпохи в христианстве, что вызывало оппозицию у священнослужителей. «Для представителей духовенства христианство давно стало повседневной прозой, — замечает Бердяев, — искавшие же нового христианства хотели, чтобы оно было поэзией».

Несколько позже, в январе 1907 г., газета «Новое время» напечатала получившую широкую известность статью М. О. Меньшикова «Две России». Обобщая духовные поиски русской интеллигенции на рубеже веков, публицист рисует в ней жесткую картину духовного кризиса официальной церкви того исторического периода. Один из учредителей Религиозно-философских собраний, Меньшиков оставил потомкам свидетельство, раскрывающее атмосферу этих раутов и показывающее их участников: «Кроме достойнейшего председателя, архиепископа Сергия, в котором кротость и скромность обличают истинного христианина, все остальные отцы, в клобуках и без клобуков, производили впечатление людей, давно вышедших из церкви, напичканных светским чтением, преимущественно таким, которое не рекомендует правилами св. отец. Мы, писатели, несильные в богословии, вели спор на светской почве, на началах германского знания, римской силы, греческой красоты. Наши духовные оппоненты старались превзойти нас в светскости. Один архимандрит (ныне епископ) выражался так, что у него почти сплошь текли иностранные слова. „Концепция утилитаризма резюмирует собой элементарный факт трансцендентной психики“. Иногда подобный набор слов что-нибудь значил, чаще — бил в нос именно светской ученостью. Один богослов в рясе объяснял слова Христа о браке цитатами из „*Psyhopatia sexualis*“ („Сексуальная психопатия“) Крафта-Эбинга. Другой богослов, ученик здешней академии, написавший брошюру „Мировая драма“ и подписавшийся „Атеист такой-то“, доказывал во всеуслышание, что слова „св. Духа“ следует читать „Святая Духа“, ибо третье лицо св. Троицы, по соображению почтенного богослова, — женского рода...»

Трудно заподозрить Михаила Осиповича, отстаивавшего устои русской государственности и православия, в предвзятости и очернении тех интеллектуальных сил Церкви, которые участвовали в полемике Собраний. Но он в итоге пришел к выводу, что «религиозность нашей богословской школы» находится в кризисе.

Его статья была построена на сопоставлении двух России — Святой Руси, во многом уже утерянной, и России начала столе-

тия; «святой» и «поганой». «Первую, — неотделимую от Бога и его природы, создал сам народ. Поганая же нашла откуда-то со стороны... Святая Русь — тут всё: и солнце красное, и колокольный звон, и вечные до сих пор липовые лапти, и безумный восторг души женской перед Христом». Здесь Меньшиков вспоминает тонкие строки поэта Ф. И. Тютчева:

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной...¹

Завершается этот эскиз о первой России призывом: «Запомните же: есть настоящая Россия, святая Русь. Это необходимо твердо помнить, чтобы бороться с наваждением фальшивой и поганой России, подобно потопу, наплывшему на народ и загрязнившему нашу древнюю суть».

Основная часть статьи Меньшикова посвящена анализу искаженного лика святой Руси, того духовного кризиса, который переживало общество. В этом повинен кризис деятельности РПЦ. Вот первый изначальный тезис публициста: «Несомненно, поганой Россией пахнет глубокое расстройство церкви и священства, выражаемое неописуемыми теперешними скандалами... Гораздо тревожнее религиозное разложение школы, светской и церковной».

В статье приводятся конкретные факты, иллюстрирующие то, что «духовенство вообще, и законоучители в особенности, по всей России сделались предметом травли со стороны юнцов. Дошло до того, что в одном месте на замечание о неприличии курить в церковной ограде два мальчика выхватили револьверы и начали стрелять в батюшку. По всей России прошел бунт семинарий, духовных училищ, духовных академий. Целый ряд семинарий был закрыт за непрерывный кошачий концерт учителям, за побои воспитателей, за разгром классной мебели...» и т. д.

¹ Неточное, возможно специально, цитирование строки.

Приводимые автором конкретные, более значимые или менее значимые, факты были следствием того состояния, в котором Церковь пребывала уже много лет. Молодое поколение ее жителей было поражено «безверием»: «Духовные студенты в своих траурных мундирах были с головы до ног светские молодые люди. Чувствуя на себе презрение остального студенчества, поповичи из кожи лезли, чтобы не отстать в радикализме от товарищей с Васильевского острова или с Забалканского проспекта. Чуть не поголовно все собирались по окончании академии выйти из духовного звания куда угодно: в учителя, в чиновники, в конторщики, — лишь бы не оставаться в ненавистном сословии, в ненавистной профессии. Говорю „ненавистной“, нимало не сгущая краски».

Вторая часть «духовной молодежи» смотрела «на академию как на порог к служебной карьере. Эти заранее высчитывали немногие годы, отделявшие их студенческую фуражку от митры архимандрита и архиерея». Далее автор характеризует наставников этой молодежи из духовных академий, «очарованных немецкой богословией». Автор не встречал среди этих «ученых» набожных священников. Исключение составляет о. Иоанн Кронштадтский, но он вышел полвека назад из другой академии, когда «наше богословие еще не было просто немецкой компиляцией».

Заключительная часть статьи «Две России» «Сухое сердце» носит, можно сказать, обвинительный характер. В ней представлены судьба и плоды деятельности обер-прокурора св. Синода К. П. Победоносцева (1827–1907). О нем было уже много написано, как правило, в разоблачительном тоне. Меньшиков же на четырех страницах книжного формата сумел нарисовать образ сухого сердца — действительно емкий портрет сложной исторической фигуры. Он не комментировал уход из жизни Победоносцева, когда журналистика «буквально забросала его грязью». Для примера напомним, что А. В. Амфитеатров написал целую брошюру «Победоносцев как человек и как государственный деятель», где называл обер-прокурора «вездесущим, всевидящим, всеслышащим, всеотравляющим туманом кровососной власти»; «политическим, моральным, религиозным палачом-

бюрократом — палачом над казнимыми, палачом над судьями, палачом над палачами» и т. д.

«Молчание — всего пристойнее в минуту смерти, — подчеркивает Меньшиков, — а что в этом человеке умирал целый исторический период наш, сомнений не было». Публицист останавливается на биографических вехах Победоносцева: судьба благоволила к Константину Петровичу. Он «преподавал законы двум поколениям русских государей, не говоря о нескольких великих князьях. Каждому ли удастся к 40 годам быть сенатором, к 45 — членом Государственного Совета, к 50 с небольшим — светским патриархом, куда более могущественным, нежели вселенские патриархи Востока?» — задается вопросом автор статьи и отвечает: «Тут много можно сделать добра. В нашем же духовном ведомстве через 26 лет святительства г. Победоносцева получилось то, что я имел честь докладывать».

Публицист отдает должное Победоносцеву: он был «искренно верующим человеком», но «загадочным» в том смысле, что соединял в себе это качество и «глубокое презрение... к чужой искренности в чувстве веры». «Таким двуликим для меня этот государственный деятель и остался, — подводит Меньшиков биографический итог обер-прокурора. — ...Странное дело! — этот попович, сделавшийся диктатором церкви, напоминает передовых поповичей-критиков, например, Чернышевского, только переведенных на задний ход... Радикальному нигилизму совершенно отвечает нигилизм ретроградный... В общегосударственной жизни он [Победоносцев] сумел задержать Россию на четверть века».

Обобщая, Меньшиков, как никто, пожалуй, из других публицистов, рисует точную и печальную картину плодов деятельности русского папы: «На глазах г. Победоносцева „святая Русь“ разваливалась, ее заливало чем-то смрадным и поганым. Духовенство перерождалось в революционеров и немояк. Нравы народные быстро портились. Преступность ужасающе росла. Пьянство, семейное распутство, крушение родительского авторитета, карточная игра, озорство, разбой, босячество — всё это росло и росло, и г. Победоносцев не делал даже попыток остановить зло».

Обер-прокурор занялся преследованием молокан, штунды, «ужасным выселением духоборов». Он не остановил «варварство наших реставраторов, истребляющих древние иконостасы и заменяющих их дешевеньким ренессансом», плохих архитекторов, строивших «русские храмы вроде павильонов минеральных вод», живописцев, писавших «образа на декадентский манер», регентов, вводивших «пошлые оперные напевы», и т. д.

С болью в душе Меньшиков замечал: «И г. Победоносцев не мог даже с этой стороны остановить разрушение древнего исторического обличья, то старое „лицо церкви“, морщины которого так дороги народу... На глазах г. Победоносцева развился неслыханный карьеризм среди духовенства и священники-академисты позаписались в эсеры и эсдеки».

Возможно, произведению Меньшикова здесь уделено излишне много внимания, но именно глазами человека, пережившего далекие для нас времена, человека глубоко и искренне верующего, государственника, патриота, можно более отчетливо увидеть ту пропасть, на краю которой оказалась страна перед первым историческим уроком XX в. — революцией 1905 г. Однако и на том историческом этапе Церковь не была готова пойти на встречу интеллигенции в ее религиозных, духовных исканиях. Религиозно-философские собрания просуществовали до 5 апреля 1903 г. и были запрещены Синодом как рассадник ереси. Иерархи РПЦ настороженно встретили и появление нового журнала, претендующего на своеобразное толкование религиозно-философских вопросов, сближение светского общества и Церкви. Попытки редакции соединить тип традиционного толстого общественно-политического, литературного журнала с религиозными проблемами не увенчались успехом. Изданию в связи с этим не хватало цельности, самим литераторам явно недоставало чуткости и такта, о чем свидетельствует характер стихов К. Бальмонта, З. Гиппиус, Ф. Сологуба и др., которые соседствовали под одной обложкой с проблемными статьями и отчетами с Религиозно-философских собраний. Именно в «Новом пути» (1903. № 6) Бальмонт декларировал:

Мне чужды ваши рассуждения.
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог»...

Или:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу, спеша,
Мое единое Отечество —
Моя пустынная душа.

Гиппиус живописала на страницах журнала (1903. № 9):

Я в тесной келье — в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах — четыре
Неутомимых паука...

И хотя «Новый путь» объединил вокруг себя мощные интеллектуальные силы, его платформа, идеи его редакции не получили поддержки ни у Церкви, ни у интеллигенции и даже ни у самодержавия. Парадокс заключается в том, что журнал был вполне лояльным по отношению и к самодержавию, и к православию, представителями которых он, тем не менее, воспринимался как чуждое явление. З. Гиппиус, один из инициаторов издания, писала редактору П. П. Перцову еще по поводу задержки с разрешением на выпуск «Нового пути»: «Меня возмущает непонимание, что наш журнал им выгоден, они совоинственников записывают вместе с мятежниками. Какое самоослабление и неразумие!» Заявление Гиппиус симптоматично.

Столь же симптоматично и назидательное выступление перед богомольцами отца Иоанна Кронштадтского, опубликованное «Миссионерским обозрением» в 1903 г. (№ 3), сказавшего: «Только Господь открыл людям: кем и для кого все было сотворено, в Ком нужно почерпать каждый день свою силу и свою жизнь. Умники неумные, вроде Толстого и его последователей, хотят найти другой путь и, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения, отвержения Христа; не хотят веровать в то, что веками установлено, Самим Богом открыто и возведено; отвергают Церковь, таинства, руководство

священнослужителей и даже выдумали журнал „Новый путь“. Этот журнал задался целью искать Бога, как будто Господь не явился людям и не поведал нам истинного пути... Это сатана открывает эти новые пути, и люди... не понимающие, что говорят, губят и себя, и народ, так как свои сатанинские мысли распространяют среди него».

Эта встреча интеллигенции и представителей Церкви в Религиозно-философских собраниях завершилась непониманием друг друга. Ее итоги показывают всю сложность и обостренность проблем сущности, особенностей творчества, сосредоточенного на освещении вопросов духовной жизни общества; типа такого издания, которое пытается со светских позиций освещать, разрабатывать вопросы Церкви, религии и в этом смысле участвовать в духовном воспитании общества. Решение и специфических проблем печати требовало модернизации управления Церковью. Это ощущали и лучшие ее представители, о чем свидетельствует развернувшаяся в начале 1900-х годов в духовной периодике дискуссия.

В 1903 г. в журнале Московской духовной академии «Богословский вестник» (Т. 1, № 4) была напечатана статья профессора этой академии, специалиста по церковному праву Н. А. Заозерского «О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления». Автор с горечью констатировал: «Наша иерархия правит народом православным чрез посредство канцелярий, чрез посредство бумаг, не входя с ним в непосредственное живое соприкосновение, вследствие этого все меры иерархии — законодательные, административные, судебные не имеют в глазах народа не только нравственного авторитета, не действуют на сердце или совесть его, но и не достигают должной общеизвестности, популярности». Этот канцелярский, замкнутый на себе принцип ведения церковного управления на всех его звеньях, писал автор, требует изменения.

Разговор об этом был продолжен статьей специалиста по истории философии проф. П. В. Тихомирова «Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению» (1904. Т. 1, № 1). Введенный Петром I порядок цер-

ковного управления, по словам автора, постоянно вызывал не только скрытое недовольство, но и открытую критику и протест, что особенно отчетливо проявилось в последние 30–40 лет. Тихомиров ставил проблему реформирования синодальной системы и возрождения в церковной жизни «канонической соборности».

Острая проблема получила развитие в журналистике РПЦ революционного периода — в статьях «О преобразовании Русской Православной Церкви» Ф. И. Янковского («Христианское чтение»), «О церковной реформе» А. Чирецкого, «По вопросу о составе предстоящего церковного Собора» Н. Попова, «К вопросу об оживлении церковно-общественной деятельности» Д. К. Силина («Богословский вестник») и др. И. В. Преображенский обобщил выступления по этой теме в книге «Периодическая печать о церковной реформе вообще и о реформе высшего церковного управления» (СПб., 1908). Однако практического результата в тех конкретных условиях журналистика не добила. Все осталось на прежних местах.

Таков контекст эпохи религиозно-философских исканий русской интеллигенции. «Политика — условия самодержавного режима — была нашим первым жизненным интересом, — писала в «Истории моего дневника» Зинаида Гиппиус, — ибо каждый русский культурный человек, с какой бы стороны он ни подходил к жизни и хотел того или не хотел, непременно сталкивался с политическим вопросом». Такова эпоха политизированного общества, когда вся интеллигенция России была озадачена поиском новых форм жизни, новых форм управления обществом, новых форм духовного бытия.

Это, однако, не означает, что в условиях кризиса вся церковная жизнь находилась в упадке. Традиция всегда несет в себе и рациональное зерно, веками передающееся от потомства потомству: находятся ее блестящие представители, черпающие в ней моральную силу, извлекающие из нее жизненные уроки. Среди них на рубеже XIX–XX вв. особенно ярко проявил себя отец Иоанн, названный по месту деятельности — Кронштадтским.

§ 5. ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ — ДУХОВНЫЙ ПУБЛИЦИСТ

Вся деятельность мыслителя и литератора Иоанна Кронштадтского (Иоан Ильич Сергиев, 1829–1908), протоиерея Андреевского собора в Кронштадте, была тесно связана с духовным словом. Сама его жизнь была подвигом нравственности, так как он жил для других, вел огромную благотворительную работу, был целителем душевных травм и тяжких болезней. Все это находило живейший отклик в народной душе.

Иоанн закончил духовную академию кандидатом богословия и был направлен на должность священника в Кронштадтском соборе во имя Св. Апостола Андрея Первозванного (Андреевский собор). С 1855 г. вся его жизнь была связана с Кронштадтом. Город-остров был тогда местом административной ссылки из столицы бродяг, нищих и вообще разного сброда, что сыграет особую роль в судьбе отца Иоанна, даст ему возможность прийти к истине, которой он будет верен всю жизнь: «Но нельзя смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем, потому что Божий образ в нём все-таки сохраняется».

Одновременно с проповедничеством о. Иоанн преподавал с 1857 г. в местном городском училище, а с 1862 г. — в классической гимназии. Он жил богатой духовной жизнью, постоянно читал богословскую литературу, Писания Ветхого и Нового Завета, вел дневник, в котором, по его словам, «записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства о избавлении от искушений, скорбей и напастей».

Жалование священника, которое он раздавал бедным и нищим, огромной толпой стекавшихся на его проповеди, было небольшим. Отец Иоанн осознавал всю тщету своей помощи нуждающимся. Его раздумья привели к мысли о Доме трудолюбия: бедные могут сами себе помочь, надо только объединить их усилия, дать им возможность трудиться, проявить себя. Дом трудолюбия и должен стать основой для этого. В 1868 г. о. Иоанн обратился к городской Думе с предложением о создании такого Дома

для бездомных Кронштадта, но не получил на него отклика. Тогда он обращается к обществу. В 1872 г. о. Иоанн выступает в печати с духовным Словом, опубликованным в «Кронштадтском вестнике» (№ 3). В нем он ставит острейшую общественную проблему нищеты значительной части городского и сельского населения, с которой он был хорошо знаком. Его даже обвиняли в том, что именно его проповеди способствовали сосредоточению большого числа «темного люда» в Кронштадте.

Духовный пастырь и публицист, анализируя состав нищих, перечисляет главные причины нищеты и бедности: «бедность от рождения, бедность от сиротства, бедность от разных бедственных случаев, например, от пожара, от кражи, бедность от неспособности к труду по причине старости или болезни, или калечества, или по маловозрастности, бедность от потери места, бедность от лени, бедность от пристрастия к хмельным напиткам и в наибольшей части случаев от недостатка труда и от недостатка средств, с которыми бы можно было взяться за труд: порядочной одежды, обуви, насущного хлеба, инструмента или орудия».

Конечно, многие люди стараются просто не замечать нищих, не смотреть на них. «Не гнушайтесь, — увещевает о. Иоанн, — ведь это члены наши, ведь это братья наши, хотя и непривлекательные по наружному виду». Он рисует правдивую «картину»: «...Представьте себе сырые, далеко ушедшие в землю, подвалы домов некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие; тут помещается по 30, 40 и 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочонке; тут старые и взрослые, и малые дети, тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто в голоде. Интересующийся сам может проверить истину этих слов».

Автор призывает общество понять, что для решения проблемы недостаточно лепты, вносимой на приют, в богадельню. Он предлагает «соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища». Публицист понимает всю сложность задачи: «Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела, доброму делу поможет Бог, — а где Бог, там скоро явится всё как бы из ничего». Уповая

на Бога, о. Иоанн, тем не менее, в очень удачной и тактичной форме подсказывает пути решения проблемы: «Начальство города, конечно, будет этому содействовать и, если можно, уступит братству одно или два из ненужных казенных зданий, например, соляной, пустой магазин против дома Касаткина, или одно из пустых зданий за канавой близ Летнего сада, т. к. братство будет содействовать предначертаниям самого правительства о водворении между нищими труда и довольства».

Священник подчеркивает, что общество заинтересовано в том, чтобы «занять этих праздных людей», потенциально являющихся источником «неизбежных зол, воровства, грабительства». Им нужно дать занятие, иначе «мирные граждане не будут безопасны везде и всегда».

Через некоторое время в «Кронштадтском вестнике» (№ 18) появляется новое Слово о. Иоанна. В нем он проводит мысль о том, что человек создан Богом «для общежития, и все множество людей должно, по намерению Божию, составлять одно тело, а порознь — члены...». При этом каждый наделен определенной способностью, талантом, умением. Для наглядности публицист намеренно подробно перечисляет: «иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать других; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другим приводить их в исполнение, иному искусство нападать на неприятеля или защищаться от него, тому умение вести торговлю, этому производить заводское или фабричное мастерство; иному дан талант ковать или отливать; другому владеть долотом, топором и пилюю; иному шить сапоги, а другому умение шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь».

Кронштадтское общество, считает о. Иоанн, обладает всем этим многообразием талантов, каждый может делать добрые дела, как записано: «...Сильные должны носить немощи немощных» (Рим. 15, 1). Духовный публицист снова повторяет идею о том, что для них необходимо соорудить «помещение... дав каждому из них дело», «тем более, что многие из них способны к разным мастерствам». Вместе с делом они получают необходимый им «хлеб и все нужное». Он снова призывает помочь этим бесприютным бед-

някам. Поскольку для этого нужны материальные затраты, автор обращения «делал почин»: он будет вносить ежегодно в кассу общества «семьдесят рублей, с тем, чтобы не подавать на улицах и у церкви нищим». В этом Слове публицист уже конкретизирует, на что будут потрачены собранные средства, впервые называет Дом трудолюбия, который помог бы людям и «нравственно подняться».

Публицистическое Слово пастыря было соединено с делом: потребовались огромные организационные усилия по сбору средств и строительству, созданию мест занятости и др. Во всем участвовал о. Иоанн. Закладка строения состоялась 23 августа 1881 г. Было выстроено четырехэтажное, хорошо оборудованное здание. 12 октября 1882 г. один из первых в России Домов трудолюбия был открыт. Он представлял собой трудовое объединение людей и состоял из целого ряда учреждений:

— пенькощепальная мастерская с рабочими местами на 25 тыс. человек;

— женская мастерская из трех отделов: модного, белошвейного, вышивки и метки белья;

— сапожная мастерская, где под руководством опытного мастера мальчики обучались сапожному ремеслу;

— народная столовая, в которой за небольшую плату отпускались обеды, а в праздничные дни устраивались бесплатные обеды на несколько сот человек;

— ночлежный приют, взимавший за ночлег 3 копейки и т. д. (перечень занимает целую книжную страницу).

В Доме трудолюбия была домовая церковь, книжная лавка. При нем были возделаны огороды для снабжения овощами учреждений Дома. В 1888 г. с помощью о. Иоанна был отстроен трехэтажный дом для ночлежного приюта.

Можно было бы перечислять и далее, что принесла обществу инициатива о. Иоанна. В конечном итоге она заложила основу целого направления благотворительности. Кронштадский Дом трудолюбия стал моделью для других учреждений такого типа и рабочих домов. В начале XX в. в столице было уже несколько таких домов — мужских, женских, детских. Царица Александра Федоровна организовала попечительство, а о. Иоанн стал его

почетным членом. В статье «Завещание отца Иоанна» (1908) известный публицист М. О. Меньшиков подчеркивал: «Благочестие и труд — вот единственно, что завещал великий священник России». Меньшиков противопоставлял бездеятельность аппарата страны и упорный труд на ее благо Иоанна Кронштадтского: «Представьте себе на минуту, что в состав правительства вошли люди такой кипучей энергии, как отец Иоанн. Он — один — в течение десятков лет — составлял целое министерство благотворительности!» Вот тогда бы в России было деятельное правительство, которое «сумело бы втянуть гигантские силы народные в бесчисленные турбины, и вся земля загудела бы богатырским трудом. А труд дает богатство, освобождающее от рабства».

Основной деятельностью о. Иоанна была проповедническая. «С первого же дня своего служения св. Иоанн положил за правило в каждый воскресный и праздничный день произносить в церкви проповеди, часто собственного сочинения». Андреевский собор был рассчитан на 5 тыс. человек. Он не вмещал всех желавших послушать духовного пастыря. Ежегодно Кронштадт посещало более 20 тыс. паломников, их число позднее достигало 80 тыс. На одной первой неделе Великого поста собиралось до 10 тыс. человек. Духовное слово о. Иоанна сеяло в сердце слушателя семена доброты и любви, стремления помочь ближнему. Каждый день «на его адрес приходило более тысячи писем и денежных переводов». По подсчетам Н. Киценко, в последние годы жизни о. Иоанна лишь исходящая от него корреспонденция насчитывала в среднем 15 тыс. писем в год. Около 10 тыс. писем к нему хранится лишь в Центральном государственном историческом архиве.

Общение с проповедником было целительным. «По его молитвам стали происходить чудотворения, и слухи о них распространялись в Кронштадте и Петербурге; около 1879 г. их стали публиковать и обсуждать в печати. „Санкт-Петербургские ведомости“, „Кронштадтский вестник“, „Петербургский листок“, „Странник“, „Душеполезное чтение“ и многие другие газеты и журналы помещали тысячи описаний чудесных случаев пастырской деятельности отца Иоанна». Особую роль в этом сыграла публикация письма 16 благодарных за исцеление молитвами о. Иоанна в автори-

тетной газете «Новое время» 20 декабря 1983 г., где говорилось: «...Сообщаем и для других единственный, преподанный нам пагубной тяги к спиртным напиткам многодостойный пастырем-исцелителем, высоко-врачующий спасительный совет жить по Божьей правде и как можно чаще приступать ко Св. Причастию». «Он зажег священный огонь в тысячах душ; он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец; он возвратил Богу и в ограду церкви тысячи гибнущих чад...» — обобщал в Слове об отце Иоанне в Андреевском соборе протоиерей Иоанн Восторгов 6 декабря 1907 г.

Организаторская, проповедческая и публицистическая деятельность отца Иоанна была направлена на духовное просвещение народа. Он активно выступал в печати: в «Душеполезном чтении» (1860–1917), «Русском паломнике» (1885–1917), «Миссионерском обозрении» (1896–1916), «Кронштадтском вестнике» (1861–1917) и др. В каждом номере иллюстрированного еженедельного журнала «Кронштадтский маяк» (1906–1912) помещались его поучения, велась хроника его жизни и деятельности.

В 1893 г. вышли в свет дневники отца Иоанна — трехтомная книга «Моя жизнь во Христе», имевшая более чем тысячу страниц. В 1897 г. она была переведена на английский язык и получила широкий отклик в английской и американской прессе (“Manchester Guardian”, “Globe”, “Bradford Observer”, “The National Observer and British Review”, “Church Standart”, “Christian Intelligence” и др.). Иоанн Кронштадтский писал в дневнике откровенно и сокровенно: «Я человек, и во мне непрерывно действует милость, истина и правда Божия. Бог то милует и утешает, то наказывает и опечаливает меня скорбями за внутренние, противные Ему душевные движения. Но подобных мне людей — полна земля. Значит, и в них Господь являет Свою милость, истину и правду, подобно как во мне. Он действует вся во всех».

С 1896 по 1908 г. регулярно издавались «Слова и поучения» Иоанна Кронштадтского, составившие 13 книг его проповедей. Кроме того, были опубликованы 3 тома его бесед, слов и речей. Всего им было написано около 4,5 тыс. печатных страниц. «Книжки его хороши. Тут светлые мысли души, живущей в Боге.

Читайте их, перекрестясь», — советовал святитель и затворник, епископ Феофан.

Профессор-нейрохирург И. А. Сикорский, хорошо знавший о. Иоанна, писал: «Специальность о. Иоанна — нравственное усовершенствование себя и других. Его труды записаны не в книгах, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и поповедник идеалов, проводящий ежедневно 15–20 часов в сутки то в храме, то под открытым небом, то в многолюдном собрании, словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподает науку жизни».

Процесс политизации социальной жизни России, естественно, наложил определенный отпечаток и на творчество Иоанна Кронштадтского. В. М. Дорошевич построил некролог-эссе об отце Иоанне на раздвоенности его образа:

«Затем появился другой о. Иоанн Кронштадтский.

Уже митрофорный протоиерей.

Иоанн Кронштадтский воинствующий, анафемствующий, делающий политику».

Действительно, отец Иоанн вел яростную борьбу с вероотступниками, иноверцами, сектантами, активно обличал еретиков, имея в виду и либеральную интеллигенцию. Был одним из вдохновителей борьбы с Толстым, неоднократно выступал против него в периодике. Он поддерживал связи с Союзом русского народа, хотя и не участвовал в его деятельности. Он выступил в защиту притесняемых евреев, против погромщиков. Политизация проповедей о. Иоанна, часто печатавшихся в официальной прессе начала XX в. («Ведомости С.-Петербургского градоначальника», «Московские ведомости» и др.), вызвала внутренний протест той части паствы, которая стремилась к обновлению политического и духовного строя жизни: «Читая слова Вашей проповеди против графа Л. Н. Толстого, помещенной в полицейской газете (хорошее место для таких проповедей), приходишь в полное недоразумение. Неужели это возможно: Иоанн Кронштадтский и — такая проповедь. Перед читателем рисуется не просвещен-

ный и гуманный пастырь, а изувер с самым узким кругозором, не только религиозного мышления, но и просто логического».

Приведя слова о. Иоанна о том, что нужно при помощи веры с корнем вырвать из сердца враждебность к своему ближнему, другой корреспондент с недоумением замечал: «Мне случилось ознакомиться с Вашими обличительными словами, произносимыми в Божием храме и часто воспроизводимыми на страницах Ведомостей СПб градоначальства, направленными против графа Л. Т., кроме того, мне случилось прочесть копию с Вашего письма г-ну ректору Юрьевского Ун-та, в коем Вы громом обрушиваетесь на сего последнего, оскорбляясь одновременным избранием Вас и графа почетными членами Университета. И вот я не нахожу душевного покоя: как примирить Ваши обличительные речи, столь чуждые духу христианского незлобия, терпимости и всепрощения и Ваше карающее письмо, с прекрасными словами, кои я при сем предлагаю?»

Публицистическая деятельность Ионна Кронштадтского показывает, насколько глубоко охватила политизация помыслы и настроения общества тех лет. Но уже тогда росла и оппозиция этому процессу.

§ 6. РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Пусть не приводит ни к чему вся эта борьба публициста и политика за бесконечно любимое и дорогое.

Если бы этой борьбы не было — не было бы самого главного, чем дорог человек, не было бы сердца у его внутренней музыки.

Е. Н. Трубецкой («Из прошлого», 1917)

Именно Серебряный век русской культуры, синтезировавший в себе ее высшие достижения и давший миру ее новые достижения, стал почвой религиозного ренессанса, возникновения религиозной общественности, религиозно-общественного движения, опиравшегося на идеи и творчество ее корифеев, выступивших на арене «практической философии», в жанре философской пуб-

лицистики (С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.).

Организационное оформление религиозное общественное движение получило в создании обществ: Религиозно-философских собраний, Московского религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, такого же типа обществ в С.-Петербурге и Киеве, Христианского братства борьбы, Братства ревнителей церковного обновления и др. Появилось особое направление печати, возникла сеть периодических изданий, публицистической литературы, одухотворявшей это движение. У его истоков стояли журналы: «Вопросы философии и психологии» (орган Московского психологического общества, редактор Н. Я. Грот, 1889–1918), «Освобождение» (П. Б. Струве, Штутгарт — Париж, 1902–1905), «Новый путь», «Вопросы жизни» (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский, Петербург, 1905), «Полярная звезда» (П. Б. Струве, декабрь 1905 — 20 марта 1906).

При этом в общественной деятельности Бердяев, Булгаков, Струве, Франк и другие публицисты-философы опирались на журналистику, с помощью которой пропагандировали свои идеи. «Ближайшей и важнейшей задачей союза (христианской политики. — Г. Ж.), — писал в разгар революции в 1905 г. С. Н. Булгаков, — является создание литературы и газетной прессы, распространяющих идеи христианской общественности». «Печати в истории русских философских направлений, — пришел к выводу современный исследователь М. А. Колеров, — принадлежала столь же первостепенная роль, сколь и в истории политических организаций».

Уже на страницах «Нового пути», куда редакция, исчерпавшая свои возможности, пригласила к сотрудничеству публицистов во главе с С. Н. Булгаковым, участвовавших в выпуске «Проблем идеализма», эти литераторы продолжили в журнале разработку вопросов, поставленных в нашумевшем сборнике. В результате последние номера «Нового пути» были заполнены их статьями. Булгаков, выступая под рубрикой «Без плана», проводил мысль о том, что идеализм — «наиболее прочный и широкий фундамент для всяких прогрессивных программ». Бердяев вел «дневник пу-

блициста» «Философия и жизнь», где проповедовал на языке того времени идею о «внутренней связи свободы политической со свободой метафизической», о том, что «будущее принадлежит... мистицизму и демократии». П. И. Новгородцев призывал вернуться «на старый, испытанный путь философского познания, чтобы здесь искать ответов на мучительные вопросы жизни».

В результате симбиоза старых литературных сил «Нового пути» и пришедших в него публицистов (кроме уже названных Н. О. Лосский, А. С. Волжский, М. О. Гершензон и др.) в журнале вырос новый журнал, получивший название из слов, прозвучавших в конце статьи Новгородцева.

«Вопросы жизни» выходили весь 1905 г. и стали предтечей целого ряда религиозно-общественных изданий. Его редакторами были С. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский, с середины года — Н. О. Лосский. В этом журнале еще была сильна литературная составляющая. Беллетристический отдел по сравнению с таким же отделом в «Новом пути» был даже усилен. В нем появились известный роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», произведения А. Ремизова, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого и др. «Выдвинутая лидерами „Вопросов жизни“ идея „общественности в религиозной ее постановке“ (Бердяев) стала осью большинства социально-политических выступлений журнала и сказалась в его литературной критике», — замечает историк литературы И. В. Корецкая.

Собственно это соответствовало программе издания. Она была обнародована Булгаковым в статье «„Вопросы жизни“ и вопросы жизни». Автор считал, что в условиях кризиса русской жизни «общественное служение» — это «идеал-реализм»: равное внимание к духовным и материальным запросам бытия — «не одним хлебом живет человек», но «он не может жить без хлеба». Редакция журнала в связи с этим ставила актуальные задачи:

- политическое раскрепощение;
- экономическое возрождение;
- культурный ренессанс;
- религиозная реформация.

Опираясь на наследие в области русской этико-философской мысли, Булгаков обвинял русскую журналистику в равноду-

шии к религиозным вопросам: «...После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значение религии как силы социального прогресса». «Вопросы жизни» пытались осуществить, по замыслу Булгакова, синтез религии, философии и общественности. Характерно, что редакция, воплощая этот замысел, стремилась создать единство деятелей религиозной интеллигенции, установила контакты с Христианским братством борьбы, газетой «Народ». Аудиторию журнала, по несколько ироничным словам А. Белого, составляли: «священники, социалисты-революционеры, сектанты, эстеты, марксисты, студенты, доценты и ницшеанцы». С позиций программы, предложенной в «Вопросах жизни» Булгаковым, и будут выстраиваться издания религиозно-общественной журналистики.

«Московский еженедельник» (1906–1910), общественно-политический орган, был рожден на волне революционных событий и поиска нового пути развития России, обновления и реформирования всех сторон жизни. Первые 14 номеров позиционировались как газета, с 15 номера — журнал объемом 3–4 печатных листа. Его появление было облегчено тем, что он создавался на базе погибшей в результате цензурных репрессий газеты «Московская неделя» князя С. Н. Трубецкого. За «критику государственного строя» первые три номера газеты за 12–24 мая 1905 г. были арестованы, а против редактора возбуждено судебное преследование, но С. Н. Трубецкой 29 сентября умер.

Его брат Е. Н. Трубецкой, профессор философии права Московского университета, статский советник, член Государственного Совета (1907–1908), подхватил эстафету и приступил к выпуску журнала. Евгений Николаевич был основной идейной и литературной силой еженедельника, вокруг которого он смог объединить большой интеллектуальный потенциал. В 1907 г. с № 8 в качестве второго редактора объявлялся Г. Н. Трубецкой.

Ведущими сотрудниками «Московского еженедельника» были Н. В. Давыдов, А. А. Кауфман, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, П. Б. Струве. Особое значение имело активное участие в журнале религиозных философов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. С. Волжского (Глинки), Д. В. Философова, священни-

ков К. М. Агеева, С. Н. Шукина, профессора Московской духовной академии И. М. Громогласова, Н. Ф. Каптерева, П. В. Тихомирова.

Как и вся периодика этого направления, журнал не был коммерческим предприятием. Его пайщиками были Е. Н. Трубецкой и представители торгово-промышленной буржуазии М. К. Морозова, А. С. Вишняков, Г. И. Петухов, либеральные помещики. При финансовых затруднениях редакция обращалась к В. П. Рябушинскому, С. И. Четверикову, А. И. Коновалову. Это позволило редакции выпускать еженедельник почти четыре года. Его тираж в 1906 г. доходил до 12 тыс. экземпляров, в 1907 г. упал до 3500 экземпляров, но он распространялся по всей России и за границей (Берлин, Вена, Лондон, Париж, Ницца).

Программа «Московского еженедельника» была сосредоточена на идее мирного обновления жизни России, включая и духовную сферу. Редакция декларировала внепартийность, но в числе ее сотрудников было достаточно много видных кадетов, представителей партии мирного обновления, одним из лидеров которой будет и Е. Н. Трубецкой. Редакция выступала за консолидацию либеральных сил, «без крайних левых и без крайних правых». Политическая проблематика в журнале занимала больше места, чем философско-религиозная, хотя со временем окажется, что именно последняя составит славу изданию (табл. 7)

Таблица 7
Проблематика «Московского еженедельника»
(1907–1910), число статей

Год	Внутр. политика	Гос. Дума	Вопросы		
			аграрный	национальный	религиозный
1907	86	8	23	5	24
1908	14	19	12	16	18
1909	21	12	16	8	19
1910	4	7	1	4	—
Всего	125	46	52	33	61

Контент-анализ показал, что лишь одна пятая статей была посвящена проблемам религиозного обновления. Впрочем, в революционный период трудно было бы себе представить иную картину. Первый номер «Московского еженедельника» вышел в канун выборов в Первую Государственную Думу. Редакция активно вела избирательные кампании во все Думы, освещала их деятельность всесторонне и достаточно полно. С 27 апреля по 8 июля 1906 г. изо дня в день редакция печатала хронику под рубрикой «Из здания Государственной Думы (от нашего корреспондента)», статьи под рубриками «Из Думы», «Государственная Дума».

Внутриполитическое обозрение имело рубрики: «Думская хроника» — авторская рубрика А. В. Васильева, освещавшего деятельность Третьей Государственной Думы (с № 44 1907 г. по № 25 1908 г.), «Парламентская неделя», «Хроника местного управления». Внутреннее обозрение было постоянным разделом журнала с № 6 1906 г. по № 14 1908 г. Редактор журнала Е. Н. Трубецкой, откликаясь на политическую злобу дня, напечатал на его страницах около 300 передовых статей.

У еженедельника был непосредственный контакт уже с Первой Государственной Думой, так как в ее состав входили его сотрудники Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, А. В. Васильев, М. Я. Герценштейн и др. В политических статьях основное внимание уделялось борьбе с революционным насилием вне и в самой Думе, осуждались методы революционного насилия в преобразовании общества. «Отказ Государственной Думы от осуждения революционного движения — политический промах, нравственное самоубийство», — считал Е. Н. Трубецкой (1906. № 30. С. 10). Он обратился к редактору газеты «Дума» с «Открытым письмом», в котором призвал либералов осудить «политические убийства». Роспуск Первой Государственной Думы Трубецкой рассматривал как «неконституционный акт», «акт безумия», загубивший «последнюю надежду на мирное обновление России». Виновниками происшедших событий он считал правительство и П. А. Столыпина.

Вместе с борьбой за созыв Второй Государственной Думы, что рассматривалось как «единственный путь умиротворения Рос-

сии», ряд сотрудников «Московского еженедельника» участвовал и в борьбе за власть под лозунгом «думское министерство». В годы революции они (М. Я. Герценштейн, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, Е. Н. Трубецкой и др.) вели переговоры с лидерами политических партий о привлечении последних к управлению государством. В этой Думе журнал представляли В. А. Маклаков, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков.

С первых же номеров еженедельника наряду с политическими вопросами на его страницах шла работа над проблемами по обновлению духовной жизни общества, реформирования РПЦ, за пересмотр отношений между государством и Церковью. Тема «религия и политика» была в центре внимания Е. Н. Трубецкого. Профессор Московской духовной академии И. М. Громогласов выступил со статьей программного характера «Наше общественно-политическое обновление и современные задачи церкви» (1906. № 5), за которую был уволен со службы. Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой продолжали в своей публицистике осмысление проблем «новойшей» религиозного сознания, воплощения христианства в жизни, приоритета духовного над материальным; продолжали вести борьбу с «материализмом» (радикальным марксизмом), начатую в сборнике «Проблемы идеализма». «Богочеловечество» рассматривалось Трубецким как «начало, середина и конец мирового прогресса». Бердяев писал о том, что «органическая творческая религиозная эпоха» — венец всей истории человечества. Путь достижения на Земле «града Божьего» был лейтмотивом его публицистики тех лет. Этот путь — «религиозная революция», снимающая с повестки дня «революцию эмпирическую». В решении духовных проблем сотрудники журнала уповали на «религиозную общественность».

Это творчество публицистов «Московского еженедельника» заложило основы программы репертуара издательства «Путь», а также основы идей будущего сборника «Вехи».

Второе издание родственного «Московскому еженедельнику» направления — журнал «Век», выходявший около года, с 12 ноября 1906 по 8 июля 1907 г. На его титуле стоял подзаголовок «Еженедельный журнал политики, церковно-общественной жиз-

ни и литературы». Тип этого издания был несколько неопределенным. Редакция называла «Век» то журналом, то газетой, в некоторых номерах — «журнал-газетой». Историк К. Е. Нетужилов, исследуя его, пришел к выводу, что по характеру публикаций, их обычному размеру «Век» является газетой. Номер этого еженедельника состоял из 12–14 страниц книжного формата. «Век» имел два приложения — еженедельник «Церковное обновление» и «Библиотека „Века“» (раз в две недели). Стоимость трех выпусков составляла 5 рублей в год, в розницу — 5 копеек. Тираж «Века» в 1907 г. достиг 4200 экземпляров.

Необходимая сумма на его издание, по словам редакции, была собрана вскладчину среди «подписчиков-учредителей», большинство которых было членами Братства ревнителей церковного обновления (группа «32-х» священников), находившегося под покровительством петербургского митрополита Антония (Вадковского). «Век» выходил в С.-Петербурге при ближайшем участии профессора столичной духовной академии архимандрита Михаила (Семенова), ее доцента А. В. Карташева, бывших фактическими руководителями редакции. Издателем его был С. Г. Мамиконянц. Редакторами были В. А. Никольский, с 1907 г. — А. В. Попов. В журнале активно сотрудничали представители Братства К. М. Аггеев, М. П. Чельцов, Н. В. Цветков и др.; известные деятели религиозно-общественного движения Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн.

Программа «Века» была изложена в первом же номере в статье его редактора священника В. А. Никольского «Христианская политика»: «...Освобождение Русской Церкви от подчинения государству, осуществление соборного начала в церковной деятельности нашей и... устройство Русской Церкви на началах вселенского христианства». Никольский подчеркивал, что и в Церкви существуют круги, идущие навстречу идеям светской, религиозной интеллигенции: «Русская религиозно-общественная жизнь... выдвинула на первое место задачу примирения христианских воззрений с современною культурой, задачу церковного обновления и христианского возрождения,

из которой естественно вытекают все сложные вопросы христианской политики»: «полное гражданское равноправие, свобода личности», «выборное самоуправление общин, замена личного пользования собственностью общинным пользованием и широкое развитие трудовых союзов», социалистическая организация хозяйствования.

Содержание «Века» было политизированным. Новым явлением для такого типа издания было печатание в нем фельетонов на общественно-политические темы. Проблемы конфессиональной политики государства, реформирования деятельности РПЦ, церковные вопросы в Государственной Думе занимали в содержании еженедельника до 30%. Кроме того, острой полемике с печатью Союза русского народа, критике взглядов, проводимых им, и его действий было посвящено не менее 20% публикаций «Века». 10–15% его статей было отведено статьям о подготовке Поместного собора.

Причиной закрытия «Века» послужила поддержка его редакцией такой программы церковного обновления, при которой церковь отделялась от государства. Приказом градоначальства редакция была оштрафована на тысячу рублей за № 26 от 8 июля 1907 г., издание журнала на основании Постановления о чрезвычайной охране было приостановлено на 3 месяца. Потеря подписки и в итоге большие материальные потери заставили редакцию прекратить выпуск «Века».

Таким образом, как отдельное издание по длительности выхода лишь «Московский еженедельник» смог оставить ощутимый след в истории русской печати. О журналистике религиозного общественного движения есть смысл говорить как об особом типе печати, имеющем свои отличительные качества в целом. Она была типологически разнообразной: от листовок и брошюр до газет и сборников. Основным типом изданий все-таки оставался журнал («Московский еженедельник», «Накануне», «Век» и др.).

Но наиболее конкретное выражение программа этой печати получила при выпуске в свет семи номеров большой ежедневной религиозно-общественной газеты «Народ» (апрель

1906, Киев, официальный редактор В. Н. Лашнюков). Это издание — детище С. Н. Булгакова, одного из главных теоретиков и практиков религиозно-общественного движения, христианской политики, религиозно-философской печати. В газете предполагалось сотрудничество почти всех причастных к религиозно-общественному движению, а также многих видных литераторов, политиков, философов.

В разгар революционных событий в Киеве, где Булгаков в 1901 г. работал профессором политехникума и приват-доцентом университета, а интеллигенция хорошо его знала, он вместе с А. С. Волжским (Глинкой) готовит к выпуску первый номер газеты «Народ». В письме к Карташеву 1 апреля 1906 г. Волжский, приглашая его к сотрудничеству, сообщал о замыслах «в широких размерах своей газеты, не областной, а всероссийской. Не знаем, что выйдет, но хочется большого, настоящего». Об этом можно судить даже по приложению к № 1 — многоцветному литературно-художественному, где были опубликованы работы художников М. В. Нестерова и М. А. Врубеля и мемориальная статья о Врубеле, прекратившем тогда свою творческую деятельность из-за болезни.

Но особый интерес имеет программа газеты «Народ» — тщательной разработкой проблематики, дающей представление в целом о проблемно-тематическом комплексе журналистики этого типа.

Редакция ставила основной «своей задачей всенародную религиозно-общественную проповедь». При этом она исходила из «идеалов вселенского христианства», вслед за Владимиром Соловьевым «полагая, что христианская правда должна проникать не только в личную жизнь, но и область общественных отношений». Редакция собиралась решать следующие задачи:

- «отстаивать народную свободу»;
- «раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений»;
- «настойчиво бороться против национальной вражды»;
- добиваться «преодоления недолжного отделения религии от жизни, унаследованного нами из предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внерелигиозная и духовно-мертвая об-

щественность, а ей противопоставлялась лжехристианская проповедь человеконенавистнической, тупой реакции и насилия»;

— создать христианскую общественность, не только литературно раскрывая ее идеалы, но и творчески реализуя их в жизни;

— открыть страницы газеты «для обсуждения нужд начинающегося религиозно-общественного движения»;

— «пристально следить за развитием церковно-освободительного движения», уделяя «особое внимание вопросам, связанным с предстоящим церковным Собором»;

— служить задачам христианского возрождения, которое «требует не только внешней реформы церкви, но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освещения запросов и нужд современной культуры».

Кроме того, Булгаков планировал с помощью газеты организовать Союз христианской политики, а также попытаться установить связь между духовенством и интеллигенцией. В одной из статей в газете «Народ» говорилось: «Если теперь русское духовенство хочет стать живой, творческой силой в великом деле культурного возрождения русского народа, оно не должно выделять себя из рядов светской интеллигенции, должно приобщиться к ее культурным приобретениям и взять на себя часть ее нелегкого труда... Для нас нет сомнения, что огромная часть приходского духовенства не сразу, конечно, а постепенно, как это было и со светским обществом, перейдет в ряды борцов духовного освобождения русского народа и во всяком случае не будет становиться ему поперек дороги».

Пройдут годы, и один из участников газеты В. В. Зеньковский назовет «Народ» «церковно-социалистической газетой».

Естественно, даже в тех условиях такая газета не могла открыто издаваться долго. Цензура быстро поняла вредоносность такого издания для существующего порядка. Оно было закрыто. Этот кратковременный опыт издания газеты «Народ» был первой сознательной попыткой русских философов проводить в ежедневной газете конкретные философские идеи.

Помимо уже названных изданий спорадически, на 1–2 номера, возникали другие близкие этому направлению: «Факелы»

(1905) — альманах Г. И. Чулкова, «Встань, спящий!» (27 апреля — 5 июня, 1906, 4 номера) — газета священника Ионы Брихничева (1879–1968); «Живая жизнь» (№ 1 — ноябрь 1907, № 2 — 30 января, 1908); ее продолжение — журнал «Религия и жизнь» (1908, № 1 — 1500 экз., № 2 — 3000 экз.) и др.

Важным звеном религиозно-общественной журналистики было издательство «Путь» (1910–1919), ориентированное на создание и пропаганду духовных ценностей. Периодическая печать была для публицистов-философов испытательным полигоном теоретических раздумий и разработок, выходом в практическую жизнь. Она не могла полностью удовлетворить их творческий, духовный поиск, поскольку несла на себе след неизбежной в тех условиях политизации идей. Так, духовные искания Е. Н.Трубецкого привели его к выводу о необходимости освободиться от бремени еженедельного издания ради углубленных занятий философией и научным творчеством, возможности более полно реализовывать собственный духовный и интеллектуальный потенциал, иметь большую свободу для осуществления своего стремления к религиозно-общественному служению, к «действию христианству».

В августе 1910 г. в письме к сподвижнице и близкому другу М. К. Морозовой Трубецкой подчеркивал: «Писать о чем-либо текущем я сейчас не могу без насилия над собою... воскреснуть нам надлежит в новом виде: форма Еженедельника обветшала».

Мargarита Кирилловна Морозова (1873–1958) — владелица, учредитель и организатор издательства «Путь», одна из предпринимательниц-просветительниц России, много сделавшая для развития русской культуры. Широкообразованная женщина, она знала французский и немецкий языки, была пианисткой — ученицей А. Н. Скрябина и Н. К. Метнера. Как вдова крупного московского промышленника Морозова имела капитал и финансировала многие культурные предприятия: Религиозно-философское общество, в котором участвовала; журнал «Вопросы философии и психологии», издательство «Мусагет» и др. Она была основной вкладчицей средств в начатое новое предприятие, но и остальные участники по возможности делали свои

вклады, некоторую финансовую поддержку оказывал Московский университет.

30 марта 1910 г. состоялось собрание редакционного Комитета, положившее начало деятельности этого предприятия. Издательство «Путь» было основано как орган московского Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, по словам Бердяева, «центр религиозно-философской мысли и духовных исканий».

Само Общество начало проводить публичные заседания осенью 1905 г. Они пользовались огромным успехом, на некоторых встречах участвовало до 600 человек. Основатели Общества: Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Г. А. Рачинский, П. А. Флоренский — стали основателями и издательства «Путь», которое выпускало рефераты и доклады, произнесенные на заседаниях, книги членов Общества, переводную литературу. Вся эта продукция, издательские проекты обсуждались и оценивались редакционным советом Общества. Под грифом «Пути» публиковались произведения А. А. Блока, Б. Н. Бугаева (Андрея Белого), М. О. Гершензона, В. В. Зеньковского, Вяч. И. Иванова, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, Н. В. Устрялова, П. А. Флоренского и др.

Фактическими руководителями «Пути» были Трубецкой и Морозова, большую организационную работу вел С. Н. Булгаков, по мнению Н. А. Струве, «главный двигатель издательства». Но официально «Путь» возглавлял Г. А. Рачинский, председатель московского Религиозно-философского общества, родственник Морозовой. Программа издательства была сформулирована во вступительной статье к «Сборнику первому. О Владимире Соловьеве» (1911): борьба с «затяжным» духовным кризисом; определение новых духовных основ русской общественной и государственной жизни, формирование новой национальной идеологии, основанной на началах христианской религиозности, патриотизма и демократии; возрождение православия как активной социальной и культурной силы, способствующей решению насущных проблем России; «всестороннее осуществление вселенского христианского идеала» как «общей религиозной задачи России и ее призвания послужить (этому идеалу. — Г. Ж.) в мысли и в жизни».

«Путь» утверждал приоритет этико-религиозного фактора в историческом процессе. «Деятельность „Пути“ была попыткой создать идеологию мирного эволюционного обновления государства и общества, — утверждает Э. Ф. Голлербах, — и была категорически враждебна любому политическому радикализму». Это совпадало с общественным интересом постреволюционного периода, нацеленного на восстановительные процессы после революционных потрясений. «Теоретики „путейства“ утверждали необходимость сильного русского национального государства, которое имело бы всенародный характер, было бы свободно от амбиций отдельных классов, союзов и групп и осуществляло бы власть внеклассовую, внепартийную, во имя высших христианских идеалов (как они тогда понимались)».

Уже в декабре 1910 г. вышли в свет первые книги «Пути» — двухтомники: Полное собрание сочинений И. В. Киреевского и «Два града» С. Н. Булгакова. Всего же издательство выпустило 45 томов, которые по проблематике и содержанию соответствовали заявленной программе и не имели коммерческой цели. Тем не менее авторитет участников предприятия сказался на том, что тираж его книг обычно составлял 2–3 тыс. экземпляров. Репертуар «Пути» включал в себя коллективные сборники программных статей, монографии и сборники путейцев по религиозно-философским проблемам, памятники литературно-философского наследия, серию монографий «Русские мыслители» — «духовные портреты крупнейших представителей русской религиозной мысли и русского самосознания», книги по западной философии, научно-популярные книги, брошюры для самой широкой аудитории.

Кроме того, участники «Пути» вели большую общественную работу. В 1911 г. они организовали школу имени В. С. Соловьева, в 1914 г. детский приют, в 1916 — Библиотеку-музей памяти В. С. Соловьева, выступали с публичными лекциями, на митингах, устраивали дискуссии, крестные ходы, коллективные молебны, особенно в период Первой мировой войны.

Таким образом, издательство «Путь», живой, творческий организм Серебряного века русской культуры, стал влиятельным центром духовной мысли и философии. Он проложил путь к их рас-

цвету в Русском зарубежье 1920–1940-х годов и через него передал эстафету современной России. Особую роль этот центр сыграл в утверждении целого направления русской публицистики — религиозно-философского и практического, соединявшего глубину мысли и ее популяризацию.

И все-таки наиболее эффективной формой воздействия практическими философами на общественное мнение были выпущенные ими сборники — общественно-политические манифесты. Получила широкую известность серия таких сборников: «Проблемы идеализма» (М., 1902), «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909), «Из глубины» (М., 1918), а также оппонировавшие им сборники «Интеллигенция в России» (1910), «Великая Россия» (М., 1910–1911), «„Вехи“ как знамение времени» и др. Первый сборник «Проблемы идеализма» предопределил деятельность части русской интеллигенции, обратившейся к духовному поиску, на предреволюционные и революционные годы начала XX в., когда произошло сближение философии и практики, философии и публицистики.

«Русская культура породила странный тип философа: с одной стороны, погруженного в мистические созерцания, — замечает исследователь А. А. Носов, — с другой — не только не сторонящегося мирских забот, но, напротив, энергичного общественного деятеля в самом широком смысле этого слова». Многие из этих публицистов стали организаторами религиозно-общественного движения и религиозно-общественной журналистики. Эта журналистика не могла быть в тех условиях какой-то целостной системой. Она была средостением между двумя подсистемами русской печати: светской и духовной. И оставила след не только в истории русской журналистики, она имела продолжение в и журналистике русского зарубежья. «Такие эпохи религиозно-философского творчества, какое было в России до революции, — говорил проф. Н. А. Струве, — а особенно просияло в эмиграции, тоже случается не каждое столетие».

Этот своеобразный фазис истории русской журналистики был завершен выходом в 1909 г. нового манифеста «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». Вот его содержание:

Предисловие. М. Гершензон.

Н. А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда.

С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции).

М. О. Гершензон. Творческое самосознание.

Б. А. Кистяковский. В защиту права (Интеллигенция и правосознание).

П. Б. Струве. Интеллигенция и революция.

С. Л. Франк. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции).

А. С. Изгоев. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях).

«Вехи» посвящены исследованию «с разных сторон мировоззрения интеллигенции». Авторы пишут «с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны». В сборнике, с одной стороны, подводились итоги, во-первых, революционных потрясений 1905–1907 гг., во-вторых, последствий духовного кризиса общества рубежа веков, в-третьих, этапа осмысления интеллигенцией русского пути. С другой стороны, «Вехи» поднимали перспективные проблемы, вставшие перед обществом: интеллигенция и народ, политика и нравственность, новое религиозное сознание и др. Если М. О. Меньшиков в статье «Две России» рассматривал духовный кризис по долгу службы — в церковной ограде, то авторы «Вех» исследовали его по зову сердца — за церковной оградой. Интеллигенция увлеклась политической борьбой, рассматривая ее как нечто независимое и внешнее. Допустила господство политики над духовностью и нравственностью. Путь праведной жизни: борьба за «благо народа» — оказался тупиковым. Между народом и интеллигенцией царит непонимание друг друга. Борьба интеллигента «за народное счастье» была отвергнута самим народом.

«Вехи» стали вехами в процессе духовного обновления общества, начатого под впечатлением духовно-нравственной проповедческой публицистики Л. Н. Толстого манифестом «Проблемы идеализма». В предисловии к новому манифесту утверждалось, что «общей платформой» его авторов «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бы-

тия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. Идеология интеллигенции, построенная «на признании безусловного примата общественных форм», ошибочна. Она противоречит «естеству человеческого духа», практически бесплодна, т. е. не может привести к цели, поставленной самой интеллигенцией, — «к освобождению народа». Авторы «Вех» призывали к отказу от старого пути и открывали обществу новый путь — путь духовного обновления.

Сборник имел оглушительный успех. В печати вокруг проблем, поставленных в нем, прошли массовые дискуссии. Нередко он подвергался резкой, чаще всего несправедливой критике, неприятию высказанных в нем идей. Лишь за год на появление «Вех» (1909) откликнулось более 300 статей. Его первый тираж в 3000 экземпляров сразу же разошелся: в первые два дня было продано 2853 экземпляра. Общий тираж нескольких изданий сборника за 1909 г. превысил 16 тыс. экземпляров.

Сопоставляя высказанные мысли, прозвучавшие идеи в статьях публицистов «Вех» с творчеством Л. Н. Толстого, утверждавшего: «Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества» (курсив мой. — Г. Ж.), — можно сказать, что веховцы встали именно на этот путь — уяснения нравственного закона.

Именно усилиями деятелей религиозно-общественного движения был совершаем выход философской публицистики в общественную жизнь. В русской журналистике начала XX в., отличавшейся богатством типологии, содержательностью информации и проблемно-тематического комплекса, творческим разнообразием форм, свою нишу занимала и журналистика религиозного общественного движения. Многие ее издания в тех условиях были недолговечны, но ее появление, ее общественно-политические манифесты, книги издательства «Путь», философская публицистика оставили значительный след в развитии духовной жизни России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX в. происходит обособление журналистики от литературного процесса. Это явилось результатом качественных накоплений и изменений в информационном процессе общества, интенсификации происходивших процессов в нем и в целом в цивилизации. Это было время смены парадигмы журналистики.

Существенным ее моментом была технизация информационного процесса, обогатившая его новыми информационными технологиями, новыми изобразительными возможностями (развитие полиграфии, кино, фото, радио), заложившая основы будущей системы массовых коммуникаций, или средств массовой информации и средств массового общения.

Общемировые процессы: урбанизация, капитализация, социальная и географическая миграция — сказывались на состоянии потенциальной аудитории журналистики, превращая ее постепенно в реальную.

Процесс капитализации освобождал информационный рынок от опеки государства, которая в России в связи с ее геополитическими особенностями была особенно сильной и во многом определявшей состояние, качественные характеристики русской журналистики. Первая русская революция 1905–1907 гг. дала резкий толчок развитию демократизации информационно-

го процесса. Власть при всем ее стремлении вернуть статус-кво в журналистике не могла уже этого сделать в новых условиях обновленного строя государства.

На новом информационном рынке происходило сближение информационных потоков — элитарного и самодеятельного, народного, который все больше определял характер информационного продукта, способствовал массовизации информационного процесса, удовлетворению потребностей все более массового читателя и зрителя.

Это вызвало существенные изменения в типологии журналистики России. На информационном рынке оказалась первая кинопродукция, массовые журналы — развлекательные (бульварные, желтые и т. п.), рекламные, спортивные, рассчитанные на разные социально-демографические, профессиональные группы (женские, детские, молодежные, для рабочих, среднего сословия, крестьян и др.).

Одновременно революционные преобразования общества сопровождались бурным, долго сдерживавшимся властью процессом политизации всех сторон бытия россиян. Внутренняя политика самодержавия неволью подготовила качественную сторону этого процесса, его стремительность и стихийность, незрелость. Политика пронизала все сферы русской культуры, что повлекло за собой решающий сдвиг в информационном процессе — обособление журналистики от литературного процесса. Произошла профессионализация журналистики: место литераторов заняли репортеры, публицисты, хроникеры, политики и т. д. В системе печати появились новые политизированные типы изданий — партийные.

Проблемно-тематический комплекс периодики включил в себя весь спектр политической тематики. Добавим и то, что вследствие капитализации информационного процесса он обогатился экономической, спекулятивной, биржевой и т. п. информацией.

Существенные изменения наблюдались и в русской публицистике. Процесс секуляризации общества дал возможность поставить на повестку дня качественные изменения в духовной сфе-

ре, переживавшей тогда кризис в связи с состоянием Русской Православной Церкви, ее прикрепленностью к государственным структурам. Русская публицистика вышла на уровень философских, социально-политических обобщений, нашедших отражение в творчестве Л. Н. Толстого, П. А. Кропоткина, В. И. Ленина, которое вывело отечественную философскую и политическую мысль на мировую арену.

Оппозицией безудержной политизации общества в известной мере стал поиск интеллигенции именно в духовной сфере жизни общества, открытый нравственной публицистикой Л. Н. Толстого и завершившийся на том этапе появлением практической философии, философской публицистики (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой и др.), религиозной общественности, религиозно-общественной журналистики. Этот поиск получит продолжение уже в условиях постреволюционной эмиграции.

Все сказанное позволяет назвать этот исторический период русской журналистики — 1900–1914 гг. — ее Золотым веком. Эпоха начала XX столетия, отличавшаяся стремлением общества к свободе и совершенствованию жизни человека и государственного строя страны, связанным с творческим поиском интеллигенции России, давшим Серебряный век русской культуры, не только выносила в себе идеи Великой русской революции 1917–1920-х годов, но и стала временем осуществления уникального эксперимента строительства нового (социалистического) общества. Все это, в конечном итоге, создало предпосылки для организации цивилизации на основе нравственного закона, духовно-нравственных принципов жизни человека.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Условия функционирования русской журналистики в начале XX в.
2. Предпосылки создания системы средств массовой информации и средств массового общения.
3. Истоки технизации информационного процесса.
4. Власть и журналистика: контроль, взаимодействие и оппозиция.
5. Модернизация цензурного режима русского общества в начале XX в.
6. Дискуссии о правовом положении журналистики.
7. Краткий период свободы слова и печати в 1905 г.: его особенности.
8. Факторы развития и становления русской печати.
9. Общая характеристика системы журналистики.
10. Сеть официальной печати и ее особенности.
11. Столичная печать России.
12. Провинциальная печать России.
13. «Неофициальный официоз»: «Новое время».
14. Судьба официального журналиста: М. О. Меньшиков.
15. Частная печать в системе журналистики.
16. Сеть журналов России начала XX в. Ее особенности.
17. Тип массового журнала начала XX в. Его особенности.
18. Процесс капитализации журналистики России начала XX в.
19. Особенности информационного рынка России. Реклама, контроль финансового капитала, конкурентная борьба.
20. Эволюция проблемно-тематического комплекса печати в условиях информационного рынка.

21. Газета «Россия» (А. В. Амфитеатров и В. М. Дорошевич).
22. Деловая и биржевая пресса России.
23. Процесс массовизации журналистики.
24. «Русское слово» — первая массовая качественная газета.
25. Процесс политизации журналистики России.
26. Создание в России партийной печати.
27. «Русские ведомости» в начале XX в.
28. Политические письма Л. Н. Толстого.
29. Парламентская журналистика России.
30. Журналистика и духовная жизнь общества.
31. Журналистика Русской Православной Церкви в начале XX в.
32. Отец Иоанн Кронштадтский — духовный публицист.
33. Религиозно-общественная журналистика в системе русской печати начала XX в.
34. В. М. Дорошевич — редактор и публицист.
35. В. А. Гиляровский — мастер репортажа.
36. В. Г. Короленко — публицист.
37. Журналистика русского зарубежья в начале XX в.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

Бережной, А. Ф. История отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.) : матер. и док. [Текст] / А. Ф. Бережной. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 318 с.

Боханов, А. Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал : конец XIX в. — 1914 г. [Текст] / А. Н. Боханов. М. : Наука, 1984. 152 с.

Есин, Б. И. Русская газета и газетное дело в России : задачи и теоретико-методологические принципы изучения [Текст] / Б. И. Есин. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 132 с.

Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие для вузов [Текст] / Г. В. Жирков. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.

Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие для вузов [Текст] / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 320 с.

Летенков, Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX–начала XX века [Текст] / Э. В. Летенков. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 173 с.

Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века : учеб.-метод. комплекс (учеб. пособие, хрестоматия) [Текст] / С. Я. Махонина. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2008. 368 с.

Нетужилов, К. Е. История церковной журналистики в России XIX–начала XX века [Текст] / К. Е. Нетужилов. СПб. : Изд-во, 2009. 352 с.

Смирнов, С. В. Легальная печать в годы первой русской революции [Текст] / С. В. Смирнов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 200 с.

Дополнительная

- Акопов, А. И. Некоторые вопросы журналистики : история, теория и практика [Текст] / Акопов, А. И. Ростов-н/Д : Терра, 2002. 368 с.
- Ахмадулин, Е. В. Правительственная печать России (конец XIX в. — февраль 1917 г.) [Текст] / Е. В. Ахмадулин. Ростов-н/Д : Книга, 2000. 80 с.
- Ахмадулин, Е. В. Пресса политических партий России начала XX века : издания консерваторов [Текст] / Е. В. Ахмадулин. Ростов-н/Д : Росиздат, 2001. 176 с.
- Ахмадулин, Е. В. Пресса политических партий России начала XX века : издания либералов [Текст] / Е. В. Ахмадулин. Ростов-н/Д : Росиздат, 2001. 174 с.
- Балашова, Н. А. Российский либерализм начала XX века : банкротство идей «Московского еженедельника» [Текст] / Н. А. Балашова. М. : Наука, 1981. 270 с.
- Боханов, А. Н. Биржевая пресса России [Текст] / А. Н. Боханов // История СССР. 1980. № 2. С. 134–145.
- Букчин, С. В. Судьба фельетониста : жизнь и творчество Власа Доросевича [Текст] / С. В. Букчин. Минск : Наука и техника, 1975. 256 с.
- В поисках пути : русская интеллигенция и судьбы России [Текст] / [сост., вступ. ст. и коммент. И. А. Исаева]. М. : Рус. книга, 1992. 384 с.
- Вежи : интеллигенция в России : сб. статей 1909–1910 [Текст]. М. : Молодая гвардия, 1991. 464 с. (Антология русской публицистики).
- Гинзбург, С. С. Кинематография дореволюционной России [Текст] / С. С. Гинзбург. М. : Искусство, 1963. 353 с.
- Горчева, А. Ю. Политический менеджмент : исторический опыт России [Текст] / А. Ю. Горчева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. 144 с.
- Государственные деятели России XIX — начала XX в. : биогр. справ. [Текст] / сост. И. И. Линьков, В. А. Никитин, О. А. Ходенков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. 208 с.
- Динерштейн, Е. А. А. С. Суворин : человек, сделавший карьеру [Текст] / Е. А. Динерштейн. М. : РОССПЭН, 1998. 375 с.
- Жирков, Г. В. Журналистика : исторические этюды и портреты. СПб. : Роза мира, 2007. 662 с.
- Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой и цензура [Текст] / Г. В. Жирков. СПб. : Роза мира, 2009. 319 с.
- Журналистика — Церковь — Просвещение : сб. статей. Вып. 2 [Текст] / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2002. 139 с.
- Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX в. : статьи, матер., библиогр. [Текст] / под ред. Б. И. Есина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 267 с.
- Из истории русской журналистики начала XX века [Текст] / под ред. Б. И. Есина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 235 с.
- Из истории русской литературы и журналистики : ежегодник [Текст] / под общ. ред. И. В. Петровицкой, И. Е. Прохоровой. М. : Ф-т журн. Моск. гос. ун-та, 2009. 328 с.
- Колеров, М. А. Не мир, но меч : русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» : 1902–1909 [Текст] / М. А. Колеров. СПб. : Алетейя, 1996. 375 с.

Курбакова, Е. В. История нижегородской прессы [Текст] / Е. В. Курбакова. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2008. 169 с.

Лепилкина, О. И. История ставропольской журналистики : учеб. пособие и хрест. Ч. I. XIX — начало XX вв. (дооктябрьский период) [Текст] / О. И. Лепилкина. Ставрополь : СГАУ «Агрус», 2005. 168 с.

Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века : 1890–1904 : социал-демократ. и общедемократ. издания [Текст] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; [отв. ред. Б. А. Бялик]. М. : Наука, 1981. 388 с.

Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века : 1890–1904 : буржуазно-либерал. и модернист. издания [Текст] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; М. А. Никитина, Е. В. Старикова, Е. В. Иванова [и др.]. М. : Наука, 1982. 376 с.

Макашина, Л. П. Вокруг А. С. Суворина : опыт лит.-полит. биографии [Текст] / Л. П. Макашина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. 194 с.

Менделеев, А. Г. «Роковая родная страна...» : кадетская газета «Речь» и ее люди 1906–1917 гг. [Текст] / А. Г. Менделеев. М. : Изд-во РАГС, 2005. 292 с.

Мишанин, Ю. А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX — начала XX века [Текст] / Ю. А. Мишанин ; науч. ред. Г. В. Жирков. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 164 с.

Политические партии России : конец XIX — первая треть XX века : энцикл. [Текст]. М. : РОССПЭН, 1996. 872 с.

Пугачев, В. В. Уфимская книжность : эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В. В. Пугачев. Уфа, 2004. 278 с.

Родионова, Т. С. Деятели печати и первая Государственная Дума России [Текст] / Т. С. Родионова. М. : ИКАР, 2007. 128 с.

Русская журналистика в документах : история надзора [Текст] / сост. О. Д. Минаева. М. : Аспект Пресс, 2003. 397 с.

Русская литература и журналистика начала XX века : 1905–1917 : большевист. и общедемократ. издания [Текст] / [В. А. Максимова, И. А. Ревякина, И. Е. Усок и др.] ; отв. ред. Б. А. Бялик. М. : Наука, 1984. 352 с.

Русская литература и журналистика начала XX века : 1905–1917 : буржуазно-либерал. и модернист. издания [Текст] / [М. А. Никитина, А. А. Тарасова, А. В. Лавров и др.] ; отв. ред. Б. А. Бялик. М. : Наука, 1984. 352 с.

Рууд, Ч. Русский предприниматель, московский издатель Иван Сыгин : пер. с англ. [Текст] / Ч. Рууд. М. : Терра, 1996. 302 с.

Смирнов, А. Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг. : ист.-правовой очерк [Текст] / А. Ф. Смирнов. М. : Книга и бизнес, 1998. 624 с.

Спиридонова (Евстигнеева), Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века [Текст] / Л. А. Спиридонова (Евстигнеева). М. : Наука, 1977. 324 с.

Суворин, Алексей. Русско-японская война и русская революция : маленькие письма (1904–1908) [Текст] / А. Суворин. М. : Алгоритм, 2005. 753 с.

Сытин, И. Д. Жизнь для книги [Текст] / И. Д. Сытин. М. : Книга, 1985. 416 с.

Таказов, В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX — начало XX в.) [Текст] / В. Д. Таказов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 218 с.

Толстой, Лев. Пора понять : избр. публицист. статьи (1880–1910 гг.) [Текст] / Лев Толстой ; сост. И. В. Петровицкой ; под ред. В. Я. Линкова. 3-е изд. М. : ВК, 2010. 526 с.

Фирсов, С. Л. Церковные издания и издательская деятельность Русской Православной церкви [Текст] / С. Л. Фирсов // Книга в России, 1895–1917. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2008.

Шевцов, А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века [Текст] / А. В. Шевцов ; науч. ред. В. И. Мусаев. СПб. : Рос. нац. б-ка, 1997. 316 с.

Учебное издание

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИИ

История русской журналистики

Учебное пособие

Редактор И. А. Богданова

Верстка Е. П. Смирновой

Подписано в печать 02.11.2011. Формат 60X84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.
Печ. л. 18,25. Тираж 50 экз. Заказ 77.

Отпечатано в Лаборатории оперативной печати факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26